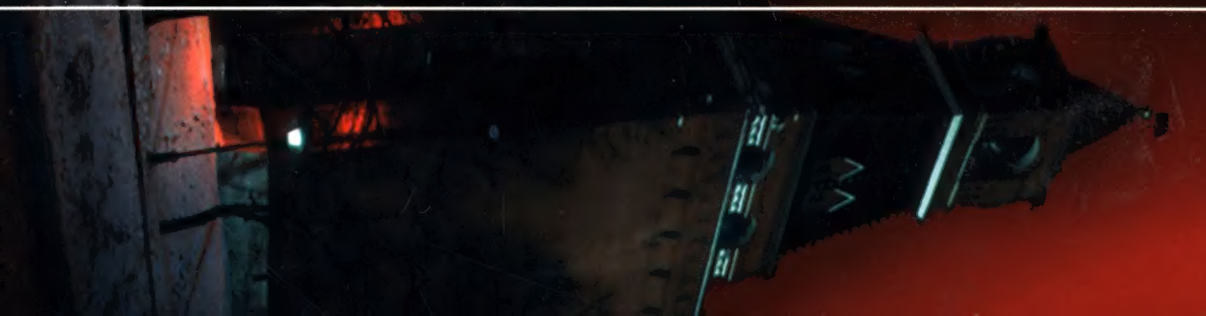
Чингиз

АБДУЛЛАЕВ

Покушение на власть
Атрибут власти

Чингиз Абдуллаев

ПОКУШЕНИЕ НА ВЛАСТЬ

АТРИБУТ ВЛАСТИ

Астрель • АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А13

Оформление обложки
дизайн-студии «Графит»

Подписано в печать 15.01.2008. Формат 70×90 1/32.
Гарнитура «Ньютон». Усл. печ. л. 11,7
С.: Русский хит. Тираж 5000 экз. Заказ №960
С.: ПС. Тираж 5000 экз. Заказ №959

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.007027.06.07 от 20.06.2007 г.

Абдуллаев, Ч.

А13 Покушение на власть. Атрибут власти: [роман] / Чингиз Абдуллаев. — М.: АСТ: Астрель, 2008. — 314, [6] с.

ISBN 978-5-17-050613-2 (АСТ)(С.: Русский хит)
ISBN 978-5-271-19785-7 (Астрель)
ISBN 978-5-17-050614-9 (АСТ)(С.: ПС)
ISBN 978-5-271-19786-4 (Астрель)

Покушение на Президента России НЕ УДАЛОСЬ.

Но специального агента Дронго, сумевшего предотвратить его буквально в ПОСЛЕДНИЙ МОМЕНТ, отстраняют от дела отечественные спецслужбы.

ПОЧЕМУ?

Официальная версия — без его участия будет проще взять гениального террориста, разработавшего план покушения.

Но — ТАК ЛИ ЭТО в действительности?

Дронго УВЕРЕН — его попросту пытаются УСТРАНИТЬ те, кому выгодно, чтобы СЛЕДУЮЩАЯ попытка убить Президента оказалась УДАЧНОЙ.

Кто они?

Как их остановить?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

«Вперед мы уплатили горькой доле,
Погашен долг; теперь умерим скорбь.
Нет, не лежала Англия у ног
Надменного захватчика и впредь
Лежать не будет, если ран жестоких
Сама себе не нанесет сперва.
К ней возвратились пэры.
Пусть приходят
Враги теперь со всех концов земли.
Мы сможем одолеть в любой борьбе, –
Была бы Англия верна себе».

Уильям Шекспир
«Король Иоанн»

«Бог да простит вас! Вот вам приговор.
Вы в заговор вступили против нас
С лихим врагом и золото его
Залогом нашей смерти получили;
Вы продали монарха на закланье,
Его вельмож и принцев – на неволю,
Его народ – на рабство и позор
И всю страну – на горе и разгром.
Не ищем мы оплаты за себя,
Но дорожим спасеньем королевства,
Которое вы погубить хотели, –
И вас закону предаем. Идите
Несчастные преступники на смерть».

Уильям Шекспир
«Генрих Пятый»

ФРАНЦИЯ. КУРШЕВЕЛЬ

4 января. Вторник

Сразу после Нового года небольшой французский поселок Куршевель превращался в настоящий центр международного туризма, о котором уже начинали слагать легенды.

В шестидесятые годы на этот горнолыжный курорт иногда приезжали англичане и американцы. В семидесятые здесь отдыхали итальянцы и французы. В восьмидесятые тихий курорт стал местом уединенного семейного отдыха для пожилых европейцев, предпочитавших тихую, размеренную жизнь. Эти семейные пары жаждали не столько научиться скользить по склонам, сколько насладиться вечерними закатами и горным воздухом. На весь Куршевель, в те тихие времена, было два сонных инструктора, которые дежурили по очереди, терпеливо дожидаясь возможности заработать несколько сотен франков.

Все изменилось с появлением первых гостей из бывшего Советского Союза. Сначала позволить себе отдых здесь могли редкие пары

с немалым достатком, а после дефолта девяносто восьмого Куршевель облюбовали уже многие быстро разбогатевшие люди России. В течение несколько лет поток отдыхающих нарастал и довольно скоро превратил спокойный тихий поселок в один из самых престижных мировых курортов.

Появились новые отели и рестораны. Цены достигли заоблачных высот. Тренеры и инструкторы получали невероятные гонорары, предпочитая работу в Куршевеле даже международным соревнованиям. Через несколько лет поездка на этот курорт стала «обязательной программой» для большинства российских «олигархов». Они прибывали сюда на собственных самолетах, большими компаниями. Некоторые являлись с целыми «гаремами» юных красоток. Кое-кого прельщали не количество и возраст, а статус подруг, – такие предпочитали актрис или певиц. Самые «продвинутые» везли с собой молодых друзей. Респектабельные «олигархи», которых было совсем не так много, отдыхали в окружении новых молодых жен и детей от первых браков.

Куршевель стал символом современной роскошной жизни. Здесь уже не удивлялись, когда приехавшие гости заказывали самые дорогие вина и оставляли в ресторанах тысячи евро

за каждый ужин. Завелись даже «местные» рекордсмены, которые умудрялись тратить в течение одной недели до двухсот или трехсот тысяч евро. Для нуворишей, никогда не зарабатывавших деньги собственным трудом и считавших такие суммы смешными, своего рода развлечением стало видеть испуганные и встревоженные лица «аборигенов», не привыкших к подобному расточительству. Справедливости ради стоит добавить, что на курорте начали появляться гости и из других «братских» республик бывшей большой страны. Там процесс приватизации и присвоения народного имущества шел с некоторым опозданием, зато принимал еще более дикие формы, чем в России.

Двое мужчин стояли на склоне горы, у небольшого отеля, наблюдая за спуском многочисленных любителей, осваивающих азы горнолыжного спорта. Среди спускающихся был губернатор одной из крупных областей России, облаченный в красно-синий костюм. За ним заботливо следили сразу два инструктора, сопровождавших своего именитого клиента.

– Катается, – сказал первый наблюдатель, мужчина невысокого роста. У него были внимательные, умные, глубоко посаженные глаза,

крупные черты лица, мешковатая фигура. Он был одет в теплую куртку и темно-коричневые вельветовые джинсы. На ногах – тяжелые ботинки. Стоявший рядом с ним мужчина был выше ростом. Вытянутое лицо с тонкими губами облагораживали очки в изящной золотой оправе. Этот был одет в спортивный костюм, словно собирался демонстрировать собеседнику свое горнолыжное мастерство.

– Хорошо, если не свалится, – жестко процедил второй, наблюдая за неумелыми действиями губернатора.

– Я думаю, не свалится, – улыбнулся первый, – наш знакомый всегда отличался удивительным чувством равновесия.

– Вы имеете в виду его политическую эквилибристику? – неодобрительно заметил второй. – Я ему никогда не доверял.

Первый кивнул в знак согласия и отвернулся. Затем тихо спросил:

– Что с нашим делом?

– Насколько я информирован, все в порядке. Они работают уже в Москве, и о них никто не знает. Это было самое важное условие для их работы.

– Вы доверяете этому поляку?

– Нам рекомендовали его как лучшего специалиста. Он некоторое время жил в Сиэт-

ле, работал в Бельгии. Там у него своя небольшая контора. Самое главное, что он понимает и свою задачу, и наши цели.

– Посмотрим, посмотрим. Пока никаких результатов нет. А мы потратили уже большие деньги.

– Вы так считаете? – встревожился второй.

– Мы уже говорили об этом. Надеюсь, он сумеет выполнить наше поручение. Посмотрите, губернатор чуть не упал. Но каким-то чудом держится.

– Упадет! – снова уверенно предположил второй.

– Какие сроки вы им установили?

– Никаких. Мы говорили о конкретном результате.

– Конкретный результат будет, когда мы вернемся в Москву.

Второй промолчал. Он не хотел комментировать последнюю фразу. Первый верно понял его молчание.

– Все еще сомневаетесь?

– Не знаю. Я и раньше не считал этот вариант идеальным.

– Знаю. Но другого у нас нет. И не скоро будет, если мы не хотим остаться здесь в качестве инструкторов по политическому жонгли-

рованию для этих придурков. Между прочим, наш друг закончил трассу, но так и не упал.

– Я вижу, – отозвался второй, наблюдая за губернатором, – но все равно он долго не протянет. У меня есть информация, что его собираются убрать. Я имею в виду с его должности...

– Тем лучше. Вот и еще один союзник. Нужно, чтобы он тоже получил эту информацию. Не забывайте, что он губернатор одной из самых крупных областей.

Второй взглянул в сторону губернатора и недовольно прищурился. Снял очки, протер стекла.

– Я не вижу его в качестве союзника.

– Вам всегда мешает ваша политическая ангажированность, – заметил первый, – он будет нам полезен. А если нет – ничего страшного. При его любви к горнолыжному спорту я лично не стал бы его страховать. На опасной трассе всегда можно неудачно свалиться, когда инструкторов и тренеров не окажется рядом. Вы меня понимаете?

– Наш «клиент» тоже любит горнолыжный спорт, – вдруг напомнил второй.

– Об этом пусть думает ваш поляк. Мы платим им такие деньги, что он может нанять целый воздушный флот и разбомбить Кремль. – Первый повернул в сторону здания отеля.

Второй замер, ожидая продолжения реплики.

– Я, конечно, шучу, – сказал первый, не оборачиваясь, – но всегда важен конечный результат.

Затем через плечо глянул на своего собеседника.

– Идемте, – предложил он, – по вечерам здесь бывает очень холодно. А мне еще нужно отсюда уехать. Совсем не обязательно, чтобы нас видели вместе. И поторопите вашего знакомого. Пусть предлагает конкретные сроки, о которых мы должны знать.

РОССИЯ. МОСКВА
8 января. Суббота

В этот день в Московском Художественном театре шла «Чайка» в постановке известного режиссера Сончаловского. Об этом спектакле уже несколько недель писали все газеты, передавали репортажи по телевидению. При этом Сончаловский был немало поражен внезапно изменившейся позицией большинства критиков. Если раньше спектакль глухо ругали или не замечали, то теперь рецензии следовали одна за другой и посвящались как потрясающей игре актеров, так и глубоко

продуманной режиссуре спектакля. Сончаловский, изумленный подобными отзывами, тем не менее подсознательно чувствовал какой-то неясный подвох, словно критики и журналисты пытались его обмануть. Будучи человеком глубоко прагматичным и независимым, сам он прекрасно видел все недостатки своей постановки, и поэтому излишне восторженные оценки казались ему не вполне справедливыми. Однако, как умный человек, он держал собственные мысли при себе, не пытаясь оспорить уже утвердившееся мнение о триумфе своего детища.

За несколько часов до начала спектакля в театр привезли металлическую «рамку» и установили ее на входе. Все поняли, что сегодня в театре будут важные гости. Руководитель театра – вальяжный, барственно-величавый режиссер Сигаретов уже знал, что сегодня к ним приедут сам президент страны с супругой. Сигаретову было не особенно приятно, что в спектакле, заинтересовавшем президента, занята молодая жена Сончаловского, а не его собственная молодая жена, но он нашел подобающий выход из положения. Недаром Сигаретов был не только умелым администратором и талантливым режиссером, но и прекрасным актером. Он встретил президентскую чету у входа

в театр рука об руку с женой, которая вручила цветы супруге президента. Затем они вместе проводили почетных гостей в центральную ложу, откуда можно было совместно наблюдать за ходом спектакля, подавая в нужный момент необходимые реплики. Сигаретов проявил себя опытным царедворцем, иначе нельзя – ведь он возглавляет один из самых известных театров страны.

Руководитель охраны президента генерал Пахомов приехал в театр за четыре часа до начала спектакля. С помощниками он обошел здание, осмотрел все входы и выходы, определил место для каждого из своих сотрудников. Вместе с ними прибыли опытные саперы, которые проверили весь зал и прилегающие помещения. А кинологи со своими четвероногими помощниками прошлись между рядами в поисках пластиковой взрывчатки, не реагирующей на металл. Все действовали четко, согласно штатному распорядку, каждый знал свою задачу, свой участок охраны. Но Пахомов распорядился еще раз проверить зрительный зал, словно предчувствовал возможные неприятности.

Пахомов помнил, что был первым, кому президент сообщил о своем желании посетить театр. За эти дни генерал никому не говорил

о предполагаемом визите президента, понимая, насколько важно, чтобы подобные сведения никуда не просочились. Мало того, Пахомов был уверен, что и президент заранее не сказал об этом даже собственной супруге. Таким образом, знать о намечаемом визите главы государства в театр не мог никто. А если и мог, то исключительно от самого президента либо от его начальника охраны. Учитывая, что президент был бывшим сотрудником госбезопасности и умел хранить секреты, Пахомов не сомневался, что никто из посторонних не мог узнать об этом заранее. Даже директор театра. Но проверки проводились всегда, поэтому Пахомов не стал ничего отменять. Тем более что у него появилось смутное предчувствие опасности. Хотя генерал привык доверять только фактам, интуиция его никогда не подводила. Поэтому, уезжая из театра, он приказал еще раз пройти по зрительному залу.

Через два часа ему позвонил один из старших офицеров и доложил, что проверка закончена и глава государства может посетить театр. Пахомов подумал, что все идет по плану, — он не сомневался, что доклад будет именно таким. Тем не менее нарастающее чувство опасности вынудило его послать в театр одного из своих заместителей — генерала

Богемского с тем, чтобы проверить обстановку в третий раз.

Все билеты были проданы. Зрители с удивлением и восторгом увидели пришедшую на спектакль президентскую чету, они встретили ее аплодисментами. Первый акт был сыгран на одном дыхании. Сигаретов профессионально отметил, что актеры играли даже лучше обычного. С одной стороны, сказывалось волнение, подстегивающее актеров, а с другой — на спектакле присутствовал и сам режиссер Сончаловский, который отмечал малейшие изменения трактовки заложенных им образов. В перерыве президент и его супруга приняли Сончаловского в кабинете директора театра. К явному неудовольствию Сигаретова, режиссер вел себя, как обычно, независимо и несколько отстраненно, словно разговаривал не с главой государства, а с обычным зрителем, случайно заглянувшим в театр. Такая манера поведения Сончаловского ужасно раздражала не только Сигаретова, но и многих чиновников от культуры, обычно не переносивших «независимых художников». Однако мудрый Сигаретов предпочитал ни во что не вмешиваться. В конце концов, каждый человек, даже известный режиссер, имеет право на ошибку. Так, кажется, говорил сам Андрон Сончаловский.

Второй акт несколько раз прерывался аплодисментами. Спектакль уверенно держал зрительский интерес. Президенту он явно нравился. Его супруга несколько раз улыбнулась. Сигаретов следил за выражением лица высокого гостя. Если понравится спектакль, то после третьего акта можно будет намекнуть на новую реставрацию театра и открытие еще одного филиала. В конце концов, Сончаловский ставил свой спектакль именно в их театре и с участием их актеров. Во втором перерыве, едва закрылся занавес, супруга президента обернулась к Сигаретову.

– Прекрасная игра! – восторженно сказала она.

Президент поднялся со своего кресла. Жена встала за ним. Сигаретов держался чуть в стороне. Охрана привычно заняла свои места, все было в порядке. Пахомов взглянул на президента, словно почувствовав, что сейчас может что-то произойти. Президент, улыбнувшись, повернулся, чтобы выйти из зрительного зала. Но неожиданно возникло какое-то движение. Кто-то стремительно направлялся к ним. Пахомов лишь заметил, что это уже немолодой человек, лет пятидесяти. Никто не успел понять, что именно происходит. Незнакомец вылетел из толпы, словно выброшенный

неведомой пружиной. Все замерли. Охранник, стоящий рядом с президентом, метнулся навстречу. Пахомов шагнул к президенту, прикрывая его своим телом. Еще один охранник спешил к ним. Но незнакомец был ближе, в трех шагах от президента. Первый охранник уже протянул руку, чтобы перехватить неизвестного. Пахомов подумал, что охранник может не успеть, и сделал еще шаг. Теперь он был между президентом и этим неизвестным. А за спиной незнакомца уже находилось сразу трое сотрудников охраны...

РОССИЯ. МОСКВА
9 января. Воскресенье

Завтракая, Гейтлер смотрел в окно. Шел крупный снег. Гейтлер улыбался, глядя на этот снег. Такие морозы и такой крупный снег напоминали ему детство. Тогда все было проще и понятнее. Они были немцами, и настороженность в общении с ними проскальзывала в словах каждого случайного знакомого, каждого соседа. Существовала линия фронта, и каждый, кто находился за этой линией разделения, считался врагом. А каждый, кто был вместе с народом по эту сторону фронта, считался «своим». Мальчишки не понимали по-

добных разделений, и детям немецких антифашистов часто доставалось от соседских ребят, которые видели в каждом из них врага. К сорок пятому стало немного легче. Собственно, он помнил только последний год, сорок шестой, когда ему было чуть больше четырех. После победы отношение к немецким антифашистам и к их детям кардинально изменилось. Теперь уже многие понимали разницу между немецкими фашистами и немецкими коммунистами, боровшимися против режима Гитлера.

Детские воспоминания всегда бывают окрашены ноткой ностальгии и светлого чувства защищенности, когда родители рядом и все кажется таким понятным и радостным. Гейтлер смотрел в окно. Крупный снег напоминал ему картинки детства. Он закончил завтракать, аккуратно сложил посуду, – сказывалась немецкая педантичность. И в этот момент на кухню ворвался Дзевоньский. Обычно невозмутимый и ироничный, поляк выглядел не просто взбешенным. Он был в ярости.

– Вы с ума сошли! – крикнул Дзевоньский. – Как вы могли все так провалить? Кто вам дал право так поступать?

Гейтлер поставил чашку и спокойно посмотрел на орущего Дзевоньского.

— Не нужно так громко кричать, пан Юндзилл, — посоветовал он. — Нас могут услышать. Скоро должна приехать наша кухарка. Совсем не обязательно кричать так, чтобы она нас услышала.

— Что вы наделали? — яростно зашипел Дзевоньский. — Мы готовили операцию несколько месяцев, потратили миллионы долларов. А вы все так бездарно провалили. Вы слышали, что случилось вчера в театре?

— Конечно. Об этом передавали сегодня в новостях. Уже сообщили по Си-эн-эн и по Би-би-си. Вчера было неудачное покушение на президента России, когда он с супругой находился в театре. Однако некоторые считают, что нападавший был просто неуравновешенным типом, место которому в психиатрической больнице.

— Это был ваш человек? Ваш «запасной вариант»? — снова крикнул Дзевоньский.

Прагматичного поляка возмущал не столько провал операции, сколько потраченные деньги, часть из которых он благоразумно присвоил. Нужно будет отвечать за срыв операции и неудачу, это он хорошо понимал. Понимал он и другое. Его заказчики — достаточно серьезные люди, не жалеющие денег на проведение нужной им операции. И в случае ее провала

сбежать ему не удастся. Эти люди сумеют найти «охотников», которые быстро вычислят, куда и как скрылся генерал Дзевоньский.

— Сядьте и успокойтесь, — посоветовал ему Гейтлер, — нельзя так волноваться по пустякам.

Дзевоньский сел на стул, усилием воли заставляя себя немного успокоиться. Затем сказал, стараясь, чтобы голос не дрожал:

— Вы могли бы меня заранее предупредить.

— О чем? — участливо спросил Гейтлер. — Предупредить вас о возможном появлении неуравновешенного типа, к которому я не имею абсолютно никакого отношения? Такие идиоты могут появиться когда угодно и где угодно. Кстати, у таких идиотов всегда больше шансов, чем у любой организованной группы. Сказывается отсутствие связных и большого круга посвященных в операцию людей, среди которых, по статистике, обязательно бывают агенты или осведомители спецслужб. А одиночка вполне способен успешно провернуть собственную операцию. Вспомните, как стреляли в бывшего президента СССР Горбачева. Его спасло только чудо. Там тоже был психически больной человек, который умудрился пронести оружие и сделать два выстрела. Или убийство Кеннеди. Люди до сих пор верят в теорию

заговора. Но никто не смог бы найти лучшего исполнителя, чем затравленный и неуравновешенный Ли Харви Освальд, к тому же приехавший из России. Если Освальда подставили, то это самая гениальная операция в истории спецслужб. Если нет, то моя теория верна. Одиночка сделал то, о чем мечтали многие организованные группы.

– Так этого идиота послали вы? – прошипел Дзевоньский.

– Вы упрямо ничего не хотите понять, пан Юндзилл, – усмехнулся Гейтлер. – Дело в том, что мне было очень важно проверить нашу способность манипулировать сознанием людей, опираясь на средства массовой информации. Нужно учитывать ментальность бывших советских людей. Здесь не очень доверяют официальным сообщениям, часто распространение информации идет на уровне слухов, сплетен, домыслов. И поэтому когда в разных изданиях появляются сообщения об одном спектакле, это вызывает общий интерес, который подогревается нашими сообщениями. Мне было важно провести «разведку боем», если хотите. Посмотреть, как отреагирует охрана президента на нашу информационную подставку. Они не заподозрили ничего необычного. Трудно найти в сообщениях о новой поста-

новке популярного спектакля что-то опасное для президента. Сейчас другое время, пан Юндзилл, и войны выигрываются с помощью информационных технологий.

– Не читайте мне лекций! – разозлился Дзевоньский. – Вы или не вы послали Иголкина в театр?

– До вчерашнего дня я даже не слышал такой фамилии, – улыбнулся Гейтлер, – и конечно, никого не посылал. Вы знаете, я думаю, что пан Ярузельский, ваш бывший президент, нанес непоправимый урон вашим спецслужбам, особенно польской контрразведке, в которой вы служили.

Дзевоньский нахмурился.

– Когда у вас появилась «Солидарность», вы начали работать среди рабочих этого объединения, – продолжал Гейтлер. – Это, конечно, не дипломаты и не зарубежная разведка. Все ваше внимание было переключено в первую очередь на «Солидарность». Но остановить этот профсоюз силами спецслужб вы не смогли. Ярузельский ввел военное положение, чтобы спасти свою страну от возможного советского вмешательства. Он, конечно, спас Польшу, но дисквалифицировал свою контрразведку. Если до этого вы еще должны были продумывать и планировать свои операции,

то после введения военного положения у вас исчезла всякая мотивация. Достаточно было малейшего подозрения, чтобы арестовать не понравившегося вам человека. Любой намек на нелояльность, любой донос на диссидента мог привести к его аресту и временной изоляции. Не нужны были никакие дополнительные доказательства, все списывалось на военное положение. И это привело к вашей вынужденной дисквалификации, пан Юндзилл. Когда извилины не работают, наступает атрофия мозга. Я не хочу вас обидеть, но деятельность польской контрразведки в восьмидесятые годы – одни сплошные провалы.

– Зачем вы мне все это говорите? – зло огрызнулся Дзевоньский. – Можно подумать, что «Штази» сумела спасти свою страну. Моя Польша все еще на своем месте, а где ваша бывшая страна, герр Шайнер? Или ваши спецслужбы работали лучше?

– Гораздо лучше. А насчет страны вы правы. Только нас сдал Горбачев и Москва, а мы в этой капитуляции были виноваты меньше всего. Это некорректное сравнение. Никто не мог даже предположить, что нас подведут наши основные союзники, которые в конечном счете сдали самих себя. Теперь насчет Иголкина. Судя по тем отрывочным сообщениям, ко-

торые мы имеем на данный момент, это абсолютно неуравновешенный тип, страдающий психическим заболеванием. Он бросился на президента, украв нож в буфете театра. С таким оружием покушений не совершают. Этого типа признают психопатом и отправят в больницу уже сегодня.

– Вы его не посылали? – понял наконец Дзевоньский.

– Я похож на идиота? – улыбнулся Гейтлер. – Этот Иголкин появился случайно. Но такая случайность только работает на нас. Его будут проверять, проверять все его связи, всех его знакомых, всех родственников. Они ничего не найдут и быстро выяснят, что он типичный психопат-одиночка. Который очень точно ложится в мою схему. Теперь вы меня поняли?

Дзевоньский молчал. Очевидно, он оценивал варианты. Его обидели слова Гейтлера о «дисквалификации», но он еще не разучился анализировать. Поэтому сидел и обдумывал ситуацию.

– Вы действительно не имеете никакого отношения к Иголкину? – недоверчиво переспросил он снова.

Гейтлер развел руками:

– Мне даже обидно, что вы спрашиваете.

Случайно оказавшийся в театре неуравновешенный «патриот» Иголкин решает напасть на президента страны, похитив обычный столовый нож из буфета. И с этим оружием пытается совершить нападение. И вы серьезно считаете, что я мог спланировать подобную акцию. Ах, пан Юндзилл, иногда я начинаю жалеть, что связался с вами.

– Что дальше? – осведомился Дзевоньский. – Или этот случай вписывается в вашу схему?

– Не совсем. Этот Иголкин появился не вовремя и совсем не к месту. Но он абсолютно подтвердил мою версию о манипулировании общественным сознанием. Вы знаете, я еще в прошлый приезд обратил внимание на одну особенность местного населения. Если книгу хвалят по телевидению и в газетах, ее никто не станет читать. А если люди передают друг другу восторженные отклики, то книгу обязательно начнут покупать и она станет бестселлером. Сказываются десятилетия общего неверия в официальную пропаганду. И общего недоверия к любым официозным критикам. Поэтому сегодня мы приступим ко второму этапу нашей операции.

– А когда будет последний?

– Он и есть последний. А насчет «запасно-

го варианта» вам не стоит волноваться. О нем не знает никто, кроме меня. Считайте, что я такой же неуравновешенный псих-одиночка, как Освальд. Или Иголкин. Только когда я уверен, что об операции известно лишь мне, я могу рассчитывать на успех. Надеюсь, вы наслышаны о достижениях современной медицины? Вам могут вколоть какую-нибудь гадость, и она заставит вас рассказывать обо всем, что вы знаете, с таким радостным энтузиазмом, что ваши следователи не будут поспевать за вами записывать.

– С вами можно сойти с ума, – проворчал Дзевоньский. – Я уже просто не знаю, что и говорить.

– Будет гораздо лучше, если вы будете давать деньги и не задавать лишних вопросов. А еще выполнять все мои указания. Вы можете вызвать из Польши вашего знакомого Курыловича?

– Он только и ждет, чтобы я его позвал.

– В таком случае позвоните ему и сообщите, что он понадобится нам в конце января. И учтите, на этот раз ему придется приезжать в Москву два или три раза.

– Он будет только счастлив. Я оплачиваю все его расходы.

– Прекрасно. В таком случае позвоните

ему прямо сегодня, пусть заранее закажет билеты и будет готов прилететь в Москву двадцать восьмого или двадцать девятого. – Гейтлер поднялся. – Я уезжаю в город. Приеду только вечером.

Дзевоньский шумно вздохнул и отвернулся к окну.

– Если мы провалим эту операцию, нас обоих ликвидируют. Они достанут нас из-под земли. С их деньгами и возможностями, каких нет ни у одной спецслужбы мира. И нам не поможет ни моя «дисквалификация», ни ваша «квалификация». Ничего не поможет.

– Вы все-таки обиделись, – констатировал Гейтлер.

– Нет, я обрадовался. Слава Богу, что этот Иголкин не имеет к нам никакого отношения. Признаюсь, я очень переживал из-за этого нападения.

РОССИЯ. МОСКВА
9 января. Воскресенье

В метро оказалось свободнее обычного. По выходным народу здесь было гораздо меньше, чем в будни. Гейтлер сидел в углу вагона, с любопытством наблюдая за пассажирами. Ему было интересно слушать, о чем они гово-

рят, спорят, узнавать, что их волнует. Публика за последние годы сильно изменилась, это было заметно. С одной стороны, появилось много молодежи, а с другой, – еще больше – плохо одетых людей, попрошаек, бродяг. Молодые вели себя абсолютно раскованно, громко смеялись, свободно общались. Попадались невероятно красивые молодые женщины, которыми Гейтлер откровенно любовался.

Он доехал до нужной станции и вышел на улицу. Место встречи было назначено в небольшом ресторанчике «Ёлки-палки» в двух кварталах от метро. Проверив, нет ли за ним наблюдения, Гейтлер вошел в ресторан, где его уже ждала Рита. Она сидела в углу с отсутствующим видом. Гейтлер быстро прошел через зал, уселся рядом с ней.

– Здравствуй, – он легко дотронулся до ее руки, – как у тебя дела?

– Спасибо, – улыбнулась Рита, – все в порядке. Живу на две квартиры. А встречаюсь с тобой в каких-то непонятных отелях, маленьких ресторанах, на станциях метро. Ты считаешь, это нормально?

– Я тебе все объяснил, – устало заметил Гейтлер, – не будем больше об этом говорить.

– Хотя бы сегодня побудешь со мной?

– Нет.

– Ты не боишься, что я начну тебе изменять?

– Не начнешь, – улыбнулся Гейтлер.

– Когда мы с тобой увидимся?

– Через две недели. Я приеду к тебе домой и останусь на ночь.

– В какую квартиру?

– На северо-западе. Про другую я даже не хочу вспоминать. Там меня никогда не будет. И никого из посторонних не будет. Ты делаешь все, как я сказал?

– Конечно. Я помню твои инструкции.

– Теперь расскажи мне, что было в театре?

– Может, ты сначала поешь? Возьми что-нибудь, на нас обращают внимание.

Гейтлер согласно кивнул. В зале ресторана сидело всего несколько человек. В эти дневные часы посетителей было меньше обычного. Гейтлер почувствовал, что проголодался. Через несколько минут он уже с аппетитом поглощал рассольник, запивая его холодным пивом.

– Ты была в театре? – снова уточнил он.

– Конечно. Я ходила на все спектакли, как ты и велел, – ответила Рита. – И сидела на местах, открывавших хороший обзор. Когда закончился второй акт, все привычно зааплодировали. Президент поднялся и повернулся к своей жене, чтобы выйти вместе с ней.

И в этот момент к ним бросился какой-то тип. Среднего роста, в узком пиджаке, мятых брюках. Редкие волосы на покатом черепе, узкие глаза, выступающий подбородок. Он что-то кричал, но я не расслышала что. В руках он держал нож, но было сразу заметно, что это не боевое оружие.

– В первом отделении этот тип себя никак не проявлял?

– Никак. Во всяком случае, я его не видела.

– Что было потом?

– Видимо, в первом антракте он стащил нож в буфете. А после второго акта побежал с этим ножом к президенту. Но не успел сделать и нескольких шагов. Как только он закричал и побежал, к нему сразу бросились люди из охраны. Его сбили с ног, уложили на пол, отняли нож. Он что-то кричал, плакал, пытался вырваться, – не оставалось сомнений, что он не в себе. Этого типа мгновенно нейтрализовали. Должна заметить, что сотрудники охраны работали исключительно профессионально. Быстро и надежно. Никакой паники, никакой растерянности. Мгновенная реакция.

– Дальше, – потребовал Гейтлер.

– Его увели. Начало третьего акта задержали на полчаса. Но никто из зала не уходил. Президент тоже не ушел. Он мужественный

человек. Остался вместе с женой и досмотрел спектакль. Хотя было заметно, как нервничала его охрана.

– Это очень важно, – тихо произнес Гейтлер. – Значит, он не покинул здание театра?

– Нет, не покинул. Но я видела, как охрана пыталась его изолировать и увести. Он прошел в кабинет директора и через полчаса вернулся. Я думала, что в таких случаях охраняемое лицо эвакуируют сразу, без промедления.

– Ему важно общественное мнение, – возразил Гейтлер, – и я думаю, что охрана верно все просчитала. Этот сумасшедший тип больше не представлял для президента никакой опасности. Поэтому им разрешили досмотреть спектакль. Но ты права, все равно это нарушение установленного порядка охраны.

– Они вызвали подкрепление, – сообщила Рита, – в театре появились новые лица. Их стало в три раза больше, чем раньше. Я думаю, президент сам не захотел уйти. Когда он снова появился в своей ложе, его встретили аплодисментами.

– Очень интересно, – задумчиво проговорил Гейтлер, – значит, он остался и досмотрел спектакль до конца. И ты все время была в зале?

– Да. Когда спектакль закончился, все опять бурно зааплодировали. И актерам, и ему.

Ему за то, что остался. Актерам – за то, что смогли доиграть и играли очень неплохо. В общем, аплодировали минут пять или шесть. Потом всех задержали, а президент с женой ушли. Охрана никого не выпускала из зала еще минут десять. Потом разрешили выходить, но все равно за всеми следили.

– То есть сотрудники охраны не уехали, – уточнил Гейтлер, – остались в театре?

– Часть охранников осталась. Они следили за всеми выходящими из зала. Я боюсь даже предположить, но, кажется, нас всех снимали видеокамерой. Двое сотрудников стояли на выходе и проверяли у выходивших документы. Фамилии и номера паспортов переписывали. И, повторяю, по-моему, нас всех засняли на пленку.

– Черт возьми! – вырвалось у Гейтлера. – Они работают гораздо более профессионально, чем я мог предположить. Про камеру я даже не подумал. Тебе больше нельзя появляться в театре. Ты меня поняла?

– Мне уже надоел этот спектакль. Я видела его восемь раз. Ходила на каждое представление. Трижды покупала билеты с рук, переплачивая в несколько раз.

– Спасибо. Ты мне очень помогла. А ты обратила внимание, как они выстроили систему охраны, откуда появились эти офицеры?

– Конечно. Я даже набросала для себя схему.

– Напрасно. Нужно запоминать, а не записывать. Помнишь, как я тебя учил?

– Конечно, помню. Но я так сделала, что кроме меня никто не сможет прочесть эти записи.

– Если понадобится, прочтут, – недовольно заметил Гейтлер, – постарайся все запоминать. Мы увидимся с тобой через неделю.

– Ты говорил – через две.

– Я передумал. Так будет лучше. Ровно через неделю.

– Опять в каком-нибудь ресторане?

– Я приеду к тебе на квартиру, как и сказал. Часам к трем или четырем. Ты заранее закупи продукты и напитки, чтобы не выходить в воскресенье из дома. Но не сразу, а ежедневно небольшими порциями. Чтобы не было заметно, что ты ждешь гостей.

– Ясно, – кивнула Рита.

– И еще. Паспорт, который я тебе дал и который у тебя проверили, можешь спрятать. Больше им не пользуйся. Я дам тебе другой. Постараюсь его найти за две недели, если получится. Квартиры ты снимала на русский паспорт или на немецкий?

– На немецкий. Иностранцам сдают охотнее, но просят больше денег. С меня за камор-

ку в центре города взяли тысячу долларов в месяц. Это много.

– Так нужно, – возразил Гейтлер. Он еще раз дотронулся до ее руки. – Я тоже скучаю без тебя. Если все будет нормально, уедем куда-нибудь далеко. Например, на острова в Тихом океане. И останемся там навсегда. Вдвоем.

– Обещаешь?

– Я тебя когда-нибудь обманывал?

– Нет. Ты просто исчезал, и надолго. На всю прошлую жизнь. Не исчезай и на этот раз.

– Не исчезну, – он сжал ее руку, – ты нужна мне гораздо больше, чем я тебе.

РОССИЯ. МОСКВА
11 января. Вторник

Вернувшись в Москву, Дронго заперся в своей квартире, наслаждаясь тишиной и одиночеством. Об инциденте, случившемся в театре, он уже знал. Об этом сообщили все ведущие мировые телеканалы, написали все известные газеты, и не только в России. Аналитики дружно сходились на том, что появление подобных неуравновешенных людей возможно в любом обществе и при любой ситуации. Дронго внимательно читал эти сообщения, обращая внимание на самые незначи-

тельные детали. Но ничего подозрительного в них не нашел, такой тип действительно мог появиться где угодно. От подобного нападения не может быть застрахован ни один президент, ни один политик.

В этот вечер он читал последнюю книгу Брауна, когда раздался телефонный звонок. Дронго удивленно посмотрел на аппарат, но автоответчик, включившись, уже сообщал кому-то, что хозяина нет дома.

— Я знаю, что ты дома, – прозвучал знакомый голос Машкова, – если разрешишь, я к тебе заеду.

— Добрый вечер, – поднял трубку Дронго, – что у вас опять произошло?

— Долго рассказывать. Я лучше к тебе приеду. Примешь?

— В последний раз мы виделись почти месяц назад. Можешь приезжать. Только учти, что пить я с тобой больше не буду. Мне все равно за тобой не угнаться, а все время проигрывать я не люблю.

— Посмотрим. – У его собеседника явно не было желания шутить. – Буду у тебя через час.

Виктор Машков приехал, как и обещал, ровно через час. Он вошел в квартиру и снял пальто, даже не пытаясь придать своему лицу хотя бы подобие приветливого выражения.

Дронго понимающе усмехнулся, но ничего не спросил и проводил гостя в гостиную.

– Давай на кухню, – вдруг предложил Машков. – Там как-то уютнее.

Генерал Виктор Машков и эксперт Дронго были знакомы уже много лет. Но сегодня гость был явно не в настроении.

– Что ж, пойдем на кухню, – согласился хозяин квартиры.

Кухня примыкала к столовой, где можно было усесться за удобным столиком и поговорить по душам. Машков сел лицом к окну. Дронго уселся напротив.

– Может, предложишь хотя бы кофе? – попросил гость.

– У меня нет кофе, – ответил Дронго, – я его не люблю. А держать специально для гостей глупо. Выглядит как-то слишком подобострастно. К тому же сюда почти не ходят гости. У меня есть чай. Хороший чай – зеленый, с жасмином, черный... Есть даже черный с китайской красной розой.

– Лучше зеленый, – выбрал генерал.

Дронго включил электрический чайник и вернулся на свое место.

– У тебя сегодня плохое настроение, – заметил он.

– Не очень хорошее, – согласился Машков.

– Ты генерал. У тебя в любое время должно быть хорошее настроение. Ты знаешь, я всегда представлял себе в детстве генералов пузатыми и лысыми. А ты у нас подтянутый красавец с хорошо уложенной шевелюрой.

– Завидуешь? – улыбнулся Машков, взглянув на своего лысоватого собеседника.

– Конечно. Давно мечтаю сделать пересадку волос. Как Берлускони. Но почему-то не решаюсь. Боюсь выглядеть глупо.

– Тебе идет лысина. Становишься похожим на ученого, интеллектуала. Я, между прочим, всегда представлял себе умных людей лысыми и в очках. Такой распространенный образ.

– Очки я пока не ношу, а Эйнштейн, между прочим, был с волосами.

– Растрепанный, – поправил его Машков, – может, он специально не причесывался, чтобы не были видны его залысины?

– Убедил. – Чайник выключился. Дронго поднялся, снова прошел к кухонной стойке и через минуту, вернувшись с двумя чашечками зеленого чая, спросил: – Варенье хочешь?

– Не нужно. У тебя всегда хорошие конфеты. Говорят, что шоколад даже полезен.

Дронго достал две небольшие коробки с шоколадными конфетами и положил на столик. Затем опять сел напротив Машкова.

— А теперь начни рассказывать, зачем ты сюда приехал, — предложил он. — Судя по твоему виду, у тебя не очень приятные новости.

— Совсем неприятные, — буркнул Машков. Затем, сделав несколько глотков чая, спросил: — Ты слышал о «ЧП», случившемся в театре?

— Конечно. Об этом написали все газеты. Но, кажется, это был какой-то псих. Я, во всяком случае, понял именно так. Или я ошибся?

— Нет. Он действительно не совсем нормальный человек и, судя по всему, одиночка. Случайно оказался в театре, а когда увидел президента, решил, что нужно действовать. У него с собой не было даже оружия. В буфете стащил обычный нож из столового набора. Небольшой и не слишком острый. С таким ножом он не справился бы с нашим президентом, даже если б рядом не оказалось ни одного охранника. Этому кретину пятьдесят лет, он страдает одышкой, у него незалеченная язва, холецистит. В общем, полный набор всех болезней. Если бы он даже прорвался к президенту, то вряд ли успел бы замахнуться. Президент справился бы с ним безо всякой помощи, учитывая, что он владеет дзюдо и самбо. Этот нож был глупой и пустой угрозой. Президент мог запросто сломать ему руку.

– Охрана не успела вмешаться? – уточнил Дронго.

– Конечно, успела. Все было кончено за несколько секунд. Идти с таким ножом против президентской охраны – такая глупость!

– Он был с кем-то связан?

– Конечно, нет. Но сейчас его проверяют. Самое интересное, что никто кроме начальника охраны генерала Пахомова не мог знать о предстоящем визите президента в театр. Об этом сам президент сказал Пахомову всего несколько дней назад. А для таких акций нужна подготовка. Иголкин действовал самостоятельно, в одиночку. Тоже мне «патриот» чертов!

– Ты специально приехал, чтобы рассказать мне об этом?

– Нет.

– Тогда честно скажи, почему ты появился у меня с таким выражением лица.

Машков замолчал и помрачнел.

– У нас к тебе дело, – не очень уверенно начал он.

– Опять «у вас»! – насмешливо заметил Дронго. – После того как меня в последний раз выгнали из твоего учреждения, я думал, что «у вас» ко мне больше не будет никаких дел.

– Это совсем не то, о чем ты думаешь, – еще больше нахмурился Машков, – дело в том,

что наши оперативные сообщения совпадают с выводами, которые ты сделал. Генерал Гельмут Гейтлер – один из самых талантливых специалистов по организации террористических актов. Своего рода «мастер». И похоже, на этот раз кто-то решил использовать его опыт.

– Значит, мы не зря ездили в Берлин, – отозвался Дронго. – И ты появился у меня только для того, чтобы сообщить эту новость? Или чтобы рассказать, какой талантливый этот немецкий генерал?

– Нет. После случившегося в театре решено бросить все силы на поиски Гейтлера. По распоряжению руководства проверяются все возможные варианты, отрабатываются все версии.

– Прекрасное вступление. А теперь сообщи наконец, зачем ты явился ко мне?

– Они считают, что ты слишком многое узнал. – Машков не отвел глаза. Он говорил честно и прямо. – Ты ездил в Берлин, ты один из лучших аналитиков, ты знаешь о работе нашей совместной группы.

Дронго молча смотрел на своего гостя и друга. Но тот снова не договорил.

– Да, я многое знаю, – досказал за него Дронго, – в том числе и о том, о чем не должен знать. Верно?

Машков молчал.

— Генералы должны уметь брать на себя ответственность, — напомнил Дронго, — и поэтому я жду твоей последней фразы.

— Принято решение о твоей «нейтрализации», — сухо ответил Машков.

— Это означает «ликвидацию»?

— Нет. Но тебя посадят под домашний арест. И начнут прослушивать все твои телефоны. Отключат Интернет. Одним словом, создадут комфортную обстановку. Будешь как на отдыхе.

— И долго я буду так «отдыхать»?

— Пока не возьмут Гейтлера. Наши специалисты считают его возможное появление в Москве исключительно опасным. Он способен придумать все, что угодно. Абсолютно все. В одном из сообщений из Берлина его назвали «гением» подобных разработок. А с «гениями» всегда трудно. Поэтому, пока его не возьмут, тебе нужно немного отдохнуть.

— Приятная перспектива! А если его вообще нет в Москве? Если он разрабатывает свои операции, сидя где-нибудь в Канаде или в Португалии? Мне нужно ждать, пока вы его не найдете?

— Да. Похоже, другого варианта у нас нет.

— А если я не согласен?

– Тогда тебя посадят в тюрьму. Мне с трудом удалось их убедить, что лучше тебя оставить дома. Ты всегда мечтал посидеть дома, читая книги. Вот сейчас у тебя и появится такая возможность.

– Издеваешься?

– Нет. Делаю все, чтобы ты остался в живых, – честно признался Машков. – Согласись, для них гораздо удобнее и дешевле, если ты случайно попадешь под машину или выпадешь из окна.

– Спасибо за откровенность.

– Генерал Богемский настаивал, что тебя нужно «изолировать». Он считает, что нельзя доверять иностранцу такие секреты. Извини.

Дронго поднялся, забрал обе пустые чашки и отнес их к кухонной стойке, чувствуя на своем затылке взгляд Машкова. Еще раз наполнив обе чашки зеленым чаем, вернулся к столу и поставил чашку гостя перед ним.

– Спасибо, – поблагодарил его Машков.

– У меня есть варианты? – поинтересовался Дронго.

– Похоже, что нет.

– Мне не разрешат даже уехать?

– Нет.

– Вы думаете, что таким образом обеспечите должную безопасность вашего президента?

— Пока не найдут Гейтлера, мы все будем на особом положении.

— Ясно. Я могу принимать гостей?

— Меня можешь. У тебя есть какие-то конкретные пожелания насчет женщин?

— Нет. Джил я не позову, а остальным здесь появляться не обязательно. Но у меня бывает домработница, которая должна убирать в квартире.

— Ее будут пускать.

— А Вейдеманис? Или Кружков? Ты знаешь, что они бывают у меня довольно часто.

— Ты попросишь их пока не приходить. Твой водитель тоже может получить отпуск.

— Похоже, вы всё продумали.

— Почти всё. Поэтому я к тебе и приехал. Не пытайся делать глупости. Тебя просто не поймут. И никуда не уезжай. Гулять можешь во дворе, перед домом.

— Меня будут прослушивать?

— Не знаю. Думаю, да. Телефоны обязательно, а насчет квартиры не уверен. Хотя у тебя есть новые скремблеры и ты можешь их использовать. Но на твоем месте я не стал бы этого делать.

— А продукты, вода? Или вы берете меня на государственное обеспечение? Если я не смогу выходить из дома, то кто будет достав-

лять мне продукты? И на какие деньги? А еще учтите, что я частный эксперт и зарабатываю на жизнь консультациями. Ваше ведомство готово возместить мне мои издержки?

— Будет лучше, если ты попадешь в больницу? – разозлился Машков. – Я с трудом уговорил их не арестовывать тебя. Что касается продуктов, – к тебе будет приезжать наш водитель, которому ты можешь сообщать, что именно нужно купить.

— И деньги ему буду платить тоже я?

— Разумеется. У нас нет такой статьи расходов.

— Прямо как в Америке. Частная кооперативная тюрьма, за которую еще и платит сам заключенный. Ты не думаешь, что это абсолютный идиотизм?

Машков поднялся.

— С тобой невозможно разговаривать. Я хочу тебя спасти, а ты валяешь дурака. Пойми, когда речь идет о безопасности главы государства, такие «мелочи», как твой комфорт, никого не волнуют. И твои затраты также никого не беспокоят.

Дронго тоже поднялся.

— Ладно, – буркнул он, – поговорили. Наручники будешь надевать или дома я могу ходить без них? Может, достанете мне тюремную

одежду, такую полосатую робу, чтобы я чувствовал себя более «комфортно»? Можно придумать какой-нибудь знак для заключенного. У евреев в фашистских концлагерях были шестиконечные звезды. Может, вам пора вводить такой особый знак для кавказцев? Например, рисунок горы. Или нечто в этом роде. А может, такие «мелочи» тебя тоже не волнуют?

Машков повернулся и пошел к выходу. Надевая пальто, он сильно побагровел, но ничего не сказал. Дронго молча следил за ним. Машков открыл дверь и, не проронив ни звука, вышел, с силой захлопнув ее за собой. Дронго повернулся и пошел в гостиную. Через несколько минут раздался телефонный звонок. Это снова был генерал.

– Я зайду сегодня еще раз к руководству, – коротко пообещал Машков. – Постараюсь снова убедить их, чтобы тебя выслали в Италию к твоей Джил. Уезжай к чертовой матери, если дашь подписку о неразглашении всех полученных тобою сведений! Скажу, что у тебя язва и тебе нужна особая пища.

– Типун тебе на язык, – улыбнулся Дронго, – у меня абсолютно здоровый желудок. Еще накаркаешь!

– Иди ты к черту! – разозлился генерал и разъединился.

Дронго прошел в кабинет и сел за компьютер. Он решил узнать все, что написали об инциденте в театре. И всё проанализировать. Если в деле замешан Гейтлер, то случайность в театре может быть не совсем случайной. Похоже, это понимают и в ФСБ. Именно поэтому они так встревожились и пытаются проверить все возможные источники информации.

РОССИЯ. МОСКВА
11 января. Вторник

Гейтлер сидел перед компьютером, вчитываясь в очередную статью. Он уже два дня работал за письменным столом. Во вторник появились газеты с подробным описанием неудачного покушения на президента в театре. Иголкин дружно признавался всеми психически невменяемым типом. К тому же выяснилось, как он попал в театр: его брат-электрик достал ему билет на престижный спектакль. Во время первого действия Иголкин сидел в амфитеатре, а в антракте умудрился найти местечко в партере и украсть нож в театральном буфете. Журналисты где-то раскопали, что Иголкин некоторое время состоял членом одной из «патриотических» организаций, но был исключен из нее за недисциплинированность.

Все газеты издевались над несчастным «террористом», решившимся на нападение с почти бутафорским оружием. Обыгрывалась и тема президента – мастера по дзюдо и самбо. Одна газета даже представила примерную схему боя, если бы несчастный сумел добраться до президента, и пришла к выводу, что президент в лучшем случае сломал бы напавшему руку, а в худшем – вообще мог бы его убить. Журналисты справедливо считали, что для защиты от такого «террориста» главе государства не нужна была его охрана. Более того, оказалось, что Иголкин состоит на учете в психиатрическом диспансере. И в результате почти сенсационная трагическая новость обернулась настоящим фарсом.

Дзевоньский читал все газеты подряд и потихоньку успокаивался. Он понимал, что нападение Иголкина никак не связано с деятельностью Гейтлера. Это была та самая случайность, которая возможна в любом деле.

К вечеру одиннадцатого января Гейтлер вышел к ужину мрачный и сосредоточенный.

– Я почти закончил, – сообщил он генералу Дзевоньскому.

– Надеюсь, – пробормотал тот, – наша кухарка сегодня приготовила отменный ужин, а через два дня обещает порадовать нас празд-

ничной едой. По-моему, даже собирается сделать индейку. Никогда не могу понять этот странный русский обычай – праздновать Новый год два раза. У всех Новый год – это первое января, а у них есть еще и старый Новый год.

– Вы, поляки, хоть и славяне, но католики, – пояснил Гейтлер, – и поэтому не можете понять русских. Ваши противоречия основаны на разделении цивилизации на католическую и православную. В России отмечают Новый год как во всем мире, а потом празднуют православное Рождество и свой старый Новый год. Их церковь так и не признала замену юлианского календаря григорианским.

– Это я знаю, – ответил Дзевоньский, – мне непонятно, как можно после официального Нового года отмечать Рождество и старый Новый год.

– А мне нравится, – улыбнулся Гейтлер, – прекрасная русская традиция! Зимние праздники растягиваются почти на три недели...

– Россия – самая непредсказуемая страна в мире, – проворчал Дзевоньский, – никто и никогда не сможет их понять. Нужно много лет жить в этой стране, чтобы начать понимать их ментальность.

– Это народ великой культуры и литературы, – напомнил Гейтлер, – почитайте Досто-

евского, Чехова, Толстого, Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Горького, Шолохова, Булгакова, и вы многое поймете.

– Неужели вы читали всех этих русских писателей? – изумился Дзевоньский. – Правда, читали?

– И даже на русском языке, – усмехнулся Гейтлер. – Я все время хочу вам сказать, что в вас сидит очень сильная неприязнь к русским – такая традиционная польская неприязнь к своим восточным соседям.

– А вы, немцы, всегда очень любили русских? – зло осведомился Дзевоньский. – Или нас, поляков? И вообще, кого вы любили в вашей истории? Французов? Англичан? Вы умудрились воевать даже с австрийцами.

– Почему вы сразу огрызаетесь? Я говорю вам об устоявшихся привычках, об особенностях вашего менталитета, а вы сразу вспоминаете мне всю историю Германии. Может, тогда заодно вспомните, что крупнейшие философы и почти все музыкальные гении тоже были немцами? В вас крепко сидит этакий ясновельможный местечковый пан. Ну почему не признать, что русские и немцы – два великих народа? А вы волею судеб оказались между ними и потому так много страдали в своей истории. Две империи не могли позволить существовать

польскому государству. Поэтому вас все время брали в тиски и с востока, и с запада. Поляки тоже великий народ, но их место в Европе оказалось достаточно уязвимым.

– Я читал Чехова и Толстого, – ответил Дзевоньский, – правда, на польском. Должен согласиться с вами, что мы совсем разные народы, хотя и относимся к славянам. Наша религия разделила нас сотни лет назад. И мне часто трудно бывает понять русских. Иногда даже кажется, что немцы нам гораздо ближе по своей ментальности. – Дзевоньский нахмурился и продолжил: – Я все время задаю себе вопрос: как могла Красная Армия победить немецкую во время войны? Ведь Германия – это не просто страна. Это новейшие технологии, самая лучшая организация труда, исключительная дисциплина, пунктуальность, порядок. И на фоне разваленного советского хозяйства и безалаберности русских сталкиваются две страны. Два образа жизни. Ведь Германия была страной «мессершмиттов» и «хейнкелей», «тигров» и «пантер». А сталелитейная промышленность, а наука немцев?! И вдруг они проигрывают войну русским. Самая организованная армия в мире, самая технически оснащенная. Покорившая всю Европу. Разгромившая лучших французских генералов, отбро-

сившая отборные английские войска. В несколько недель разбившая нашу армию, а ведь мы умели сражаться, доказав это и в двадцатом году, и потом в сорок пятом. Но немцы вдруг проиграли русским. Никогда не мог понять – почему? Говорят, что во время войны русские самолеты и танки были гораздо лучше немецких. Но как такое возможно? Ведь сейчас даже смешно подумать, что русские автомобили могут быть лучше немецких. Все эти «волги», «жигули», «москвичи»... Что они в сравнении с «мерседесами», «БМВ», «ауди», «фольксвагенами»? Что такое вообще современная российская промышленность против немецкой? Или русская организация труда против немецкой? Их «Аэрофлот» против «Люфтганзы»? Авиационные моторы для воюющей Германии изготавливали на заводах БМВ. До сих пор название этой фирмы означает высочайшее качество и эффективность. На Германию работала вся европейская промышленность, за исключением промышленности Великобритании. И вдруг немцы проигрывают войну. Они опрокинули нашу страну практически за неполный месяц, а ведь наши солдаты сражались достаточно храбро.

Дзевоньский перевел дыхание, нахмурился и продолжал:

– И такой парадокс в России! Немцы доходят до Сталинграда, захватывают практически всю промышленную часть Советского Союза и останавливаются в нескольких метрах от Волги. Всё. Дальше они не прошли. Никогда не мог понять! Русские воевали с винтовками Мосина, изобретенными в девятнадцатом веке, против автоматического оружия немцев. И все-таки победили. Но как? Почему? Вопреки всякой логике!

– Вы действительно не понимаете эту страну, – усмехнулся Гейтлер, – поставьте перед ними самую сложную задачу и будьте уверены: они ее выполнят. Они проявляют свой характер в самые сложные времена. Как было в начале семнадцатого века, когда ваши предки попытались уничтожить их государство. Они тогда сами защитили свою страну, буквально вырвав ее из ваших рук. Как было при Карле Двенадцатом или при Наполеоне. По всей логике событий они не могли выиграть войну у шведской армии Карла. Лучший полководец того времени, самая отборная армия, уже не раз бившая русскую армию, союзники украинцы. И вдруг такое поражение под Полтавой. А разве можно было предположить, что они смогут противостоять великой армии французского императора, возглавляемой та-

ким гением? Лучшая армия, лучший полководец, лучшие условия. Но французы тоже не смогли победить. Каждый из русских полководцев по отдельности не смог бы выстоять против Наполеона, даже Кутузов, которого он побил до этого при Аустерлице. Но, соединившись вместе, поставив перед собой великую цель освобождения собственной страны, они не только выиграли войну, но и прошли через всю Европу, разгромив Наполеона.

Вспомните, как Польша отбросила русских в двадцатом году. Вам тогда казалось, что вы самое мощное государство на востоке Европы. Вы побили даже будущего маршала Тухачевского. Взяли в плен десятки тысяч красноармейцев, которых потом так и не вернули, замучив в своих лагерях. Вам казалось, что вы будете новым западным валом против восточных большевистских орд. А Россия останется разоренной крестьянской страной. Вы знаете, какие потери они понесли во время Гражданской войны? Была практически уничтожена большая часть кадровой армии, погибли миллионы людей, вся страна перешла на натуральный обмен. Что было потом? Они сплотились в Советский Союз, за десять–пятнадцать лет модернизировали страну, а вы остались топтаться на месте. Во время войны

они умудрились мобилизовать свою промышленность, организовать выпуск лучших танков, лучших самолетов, реактивных орудий. Они поставили перед собой почти невозможную задачу. Остановить и победить немецкую армию, самую сильную армию в мире на тот момент. И они это сделали. А вспомните про космос. Как могла разоренная войной страна, потерявшая столько людей, имеющая столько сожженных городов и сел, первой выйти в космос? Уже через двенадцать лет после войны они запустили туда свой спутник. А еще через четыре года – первого человека. Глядя на их нынешнее состояние, вы считаете, что так будет всегда? Предатель Горбачев опрокинул собственную страну, сделал из армии посмешище, развалил спецслужбы. Но так не будет долго продолжаться. Они снова поднимутся, как Феникс из пепла. Уже сейчас их олигархи покупают Европу, скупая яхты, дворцы, футбольные клубы и даже нас с вами, дорогой генерал. Это удивительная страна и удивительный народ, Дзевоньский. Один русский поэт сказал – «умом Россию не понять». Они побеждают вопреки всякой логике и проигрывают вопреки устоявшимся нормам и правилам. Их история непредсказуема, как непредсказуем сам народ. Если хотите, это особая цивилиза-

ция, которая развивается по своим собственным законам.

— Я начинаю подозревать, что вы только притворяетесь немцем, — заметил Дзевоньский, — вы так восторженно о них говорите.

— Из-за их непредсказуемости я потерял все, — напомнил Гейтлер, — родину, работу, жену, семью, будущее. И поэтому не говорите мне о моей восторженности. Я действительно слишком хорошо знаю эту страну и ее людей. И испытываю к ним сложные чувства. Давайте начнем работать. Вы уже просмотрели сегодняшнюю прессу?

— Конечно. Я попросил скупить все сегодняшние газеты. Нужно будет еще пролистать и еженедельники, которые выйдут к концу недели.

— Согласен. Но в общих чертах уже ясно, что Иголкин — несерьезная фигура. Нашим планам он помешать не может. Вы говорили с Курыловичем?

— Он приедет в тот день, когда мы его позовем.

— Очень неплохо. Значит, нам нужно уже сегодня определиться с фигурой журналиста, который нам понадобится. Я подобрал несколько человек. Нужно будет тщательно все продумать.

– Полагаю, я плохой советчик такому специалисту по России, как вы, – признался Дзевоньский.

– Не нужно говорить так самоуничижительно. В данном случае будет неплохо, если вы выступите как мой оппонент. И тем более учитывая ваш специфический опыт. Мне нужен серьезный оппонент из контрразведки, чтобы выбрать подходящего журналиста.

– Кого вы наметили?

– Пока выбрал шестерых. Синкин и Уткин из «Московского комсомольца», Павзнер, Леонов и Абрамов с телевидения. Бенедиктов с радио. Вот пока эти шестеро. Дальше нужно думать, выбирая, с кем из них мы будем работать более плотно.

– Бенедиктов не подходит, – сразу сказал Дзевоньский, – он знает Курыловича и Холмского, с которыми мы работаем. Через него можно выйти на них. Это достаточно рискованно.

– Тогда убираем Бенедиктова, – сразу согласился Гейтлер, – хотя он был очень подходящей кандидатурой. Достаточно известный журналист, руководитель свободной радиостанции. Известен на Западе. Популярен в Москве. Но его кандидатуру нужно убрать. Вы правы. Нельзя, чтобы среди его знакомых

был Курылович. Остаются пятеро. Как вам кандидатура Синкина? Он достаточно популярен, знаковая фигура среди демократических журналистов, газета все время публикует его острые материалы и письма к президенту. Подходит?

— Нет, — ответил Дзевоньский, — я читал его письма. Очень смело и по-своему талантливо. Но что касается президента... Это довольно опасная смесь. Откровенного хамства и плохо скрываемой иронии. Если бы не ваш план, он был бы идеальной кандидатурой для любой другой операции. Однако в данном случае Синкин не годится. Даже если его «раскрутить» по полной программе. Он слишком радикален. И я думаю, нам он не подходит.

— Приятно слышать мнение профессионала, — польстил своему коллеге Гейтлер, — я тоже об этом подумал. Давайте следующего. Главный редактор газеты Уткин. Подходит?

— Очень неплохо. Насколько я знаю, у него хорошие связи, обширный круг знакомств. Он — владелец газеты, обеспеченный человек. Его кандидатура подходит почти идеально. Но его недолюбливают многие коллеги. Удачливых людей всегда не любят. Журналисты могут не поддержать нашу кампанию. Уткин —

барин, а не работяга, такие не вызывают симпатии.

– Откуда вы знаете, что его не любят?

– Если бы даже не знал, то мог бы предположить. Где вы видели, чтобы профессионалы хорошо относились к коллеге, ставшему успешным бизнесменом? Нам могут предложить потребовать выкуп из его собственных средств. Зависть – очень сильное чувство, вызывающее ненависть.

– Вы рассуждаете как контрразведчик. Игра на человеческих слабостях.

– А вы другого мнения?

– Нет. Я с вами согласен. Эта фигура одна из самых подходящих. Но давайте возьмем следующую. Павзнер с телевидения. Ведущий аналитической программы, очень известный журналист, имеет хорошие связи среди зарубежных коллег, особенно в США, где он работал. Если в нашем деле будут задействованы американские журналисты, это только усилит эффект подачи материалов. Как вы считаете?

– Сколько ему лет?

– Сейчас посмотрю. Семьдесят. Он самый старший в этой компании.

– Опасно. В таком возрасте сильные стрессы приводят к серьезным последствиям. Наша операция может затянуться, и тогда нам

понадобится врач или реанимационная палата. Кроме того, он еврей, а это нам не очень подходит.

— Опять ваши антисемитские взгляды?

— Я всего лишь констатирую факт. Мне кажется, нам лучше подобрать русского журналиста.

— Он не еврей. У него мама француженка. Но насчет возраста вы правы. Я подумаю. Следующий Леонов, тоже с телевидения. Очень популярный журналист, имеет репутацию настоящего «патриота». Говорят, во время второй чеченской войны его даже приговорили к смертной казни за одиозные выступления. Отличается крайне радикальными позициями, считается государственником.

Дзевоньский покачал головой.

— Его похищение может быть похоже на хорошо разыгранную провокацию, — возразил он, — я бы не стал с ним связываться.

— Вам трудно угодить, генерал, — Гейтлер убрал листок с данными Леонова, — этот слишком патриотичен, другой — слишком демократичен. Если будем мыслить подобными категориями, никогда не найдем подходящего. Вот у меня есть еще шестой кандидат. Павел Абрамов. Работает на радио и телевидении с начала девяностых. Имеет устойчивую репу-

тацию демократически ориентированного журналиста. Но без радикализма. В девяносто третьем не поддержал расстрел российского парламента. Он одинаково нравится и центристам, и правым, и левым. Освещал события в Чечне вполне профессионально и без ненужной агрессии. Ему тридцать девять лет, он спортсмен, занимался пятиборьем, был мастером спорта. Женат второй раз. Имеет пятилетнюю дочь. От первого брака детей нет. Подходит?

– Спортсмен – это немного опасно, – пробормотал Дзевоньский, – и он достаточно молод. Может предпринять попытку к побегу, я уже не говорю о том, что его захват будет сопряжен с некоторыми трудностями.

– Браво, генерал! Вы нашли недостатки у всех шести кандидатур, – кивнул Гейтлер, – если вас беспокоит только его физическая форма, то это не так сложно. Ваши «костоломы» с ним справятся. Тем более что ничего особенного делать не придется. Все продумано в малейших подробностях. Только теперь давайте пройдемся снова и остановимся наконец на двух из них, чтобы прокрутить наших кандидатов более подробно. От нашего правильного выбора зависит успех всей операции.

– Я понимаю. Но вы сами предлагали мне

быть вашим оппонентом. Поэтому я и пытаюсь вам возражать.

– Напишите две ваши кандидатуры, – предложил Гейтлер, – а я напишу мои. И мы сравним. Вот бумага. – Он подвинул собеседнику лист бумаги.

Тот взял ручку и задумался. Гейтлер, не размышляя, написал две фамилии. Дзевоньский наконец решился. И тоже написал две фамилии. Они протянули друг другу листки. И оба одновременно усмехнулись. На листках были написаны одинаковые фамилии. И в одинаковом порядке. Первой генералы поставили фамилию Абрамова, второй – Уткина.

– Я был неправ, когда говорил о дисквалификации вашей службы, – признался Гейтлер, – очевидно, даже военное положение не могло изменить профессионализма ваших сотрудников. Такое единодушие меня радует. Можете обосновать свой выбор?

– Конечно. Бенедиктов никак не подходит. Павзнер слишком стар. Кандидатура Леонова не вызовет большого ажиотажа среди левых журналистов, а кандидатура Синкина – среди правых. Остаются двое – Абрамов и Уткин. Но Уткин, как говорят сами русские, барин. Он владелец газеты, богатый человек, сам почти ничего не пишет. Некоторая часть рус-

ского общества может отнестись к неприятностям с ним со злорадством. Остается Абрамов. В меру демократичен, в меру патриотичен, молодой, красивый, – Дзевоньский показал на листок с его фотографией, – что тоже немаловажно. Имеет семью, маленькую дочь. Это должно разжалобить женскую аудиторию. Одним словом, идеальная кандидатура.

– Прекрасно, – кивнул Гейтлер, – значит, мы оба остановили свой выбор на Павле Абрамове. Пусть будет он. А запасным вариантом оставим Уткина. В качестве дублера. Как у космонавтов. Только нас за это не станут награждать звездами.

Дзевоньский криво улыбнулся.

– Я предпочитаю наличными, – хрипло произнес он, – это и удобнее, и надежнее.

РОССИЯ. МОСКВА
13 января. Четверг

Рано утром позвонил Машков. Открыв глаза, Дронго невольно прислушался к автоответчику. Машков просил взять трубку, извиняясь, что звонит в половине десятого утра. Дронго поднял трубку, хотя в такое время он обычно спал.

– Тебе разрешили уехать, – коротко сообщил Машков, – заедешь ко мне и подпишешь

все бумаги. Никому ни одного слова до завершения операции. Как только мы возьмем Гейтлера, ты сможешь вернуться в Москву. Но пока я не дам сигнала, не смей здесь появляться. Ты меня понял?

– Какие сложности! Сколько у меня времени?

– Машина за тобой уже поехала. Мы заказали тебе билет на чартерный рейс в Милан, оттуда ты уж сам доберешься до Рима.

– Только этого не хватало! – разозлился Дронго. – Я не летаю чартерными рейсами и на случайных самолетах. Если не можете перебронировать, закажите мне билет на «Люфтганзу». Полечу в Рим через Франкфурт или Мюнхен. И желательно бизнес-классом. Все равно я сам буду оплачивать все расходы.

– У тебя вечно буржуйские замашки, – пробормотал Машков.

– Какие замашки? Я не очень-то помещаюсь в креслах эконом-класса. При моих габаритах.

– У нас рассказывают легенды, что ты дрался с самим Миурой.

– Это было давно и неправда, – усмехнулся Дронго. – Все равно платить я буду сам. Поэтому закажите мне нормальный билет до Рима.

– Сделаем. Еще есть просьбы?

— Есть. Вы напрасно удаляете меня из Москвы. Это ошибка, Виктор. Я могу помочь найти Гейтлера.

— На эту тему мы уже говорили. Теперь его будут искать другие люди. Мы до сих пор не выяснили, кто такой этот неизвестный поляк Дзевоньский, появившийся у Хеккета. Некоторые наши аналитики не исключают вероятности провокации со стороны самого Хеккета. Он мог намеренно увести нас в сторону, чтобы на время сбить возможные подозрения с настоящего организатора. Ты ведь сам ему не доверяешь.

Дронго промолчал. Несколько воодушевленный его молчанием, Машков добавил:

— А ты уезжай в Италию. Там сейчас тепло, хорошо.

— Ты повторяешься. Его никто не сможет найти. Ваши люди его просто не смогут вычислить. Для этого нужен другой психотип — загнанный и одинокий, как он. То есть как я.

— Это ты-то загнанный? — улыбнулся Машков.

— Он все потерял, Виктор, — работу, страну, семью. Он ненавидит людей, из-за которых лишился прошлого и будущего. Этот человек очень опасен. Исключительно опасен. К тому же он лучший специалист по террористиче-

ским операциям. Чтобы его найти, нужен такой человек, как я.

– С чего меланхолия? У тебя-то все в порядке – семья, работа, страна. Почему ты считаешь, что вы похожи?

– Той моей страны уже нет, Виктор. А семью я не могу привезти в Москву именно из-за моей работы, и ты это знаешь. Работы ты меня лишил. Что остается? Доживать пенсионером за счет Джил в Италии? Незавидная участь.

– Хватит! – разозлился Машков. – Мы все уже обговорили. Ты летишь сегодня, и никаких разговоров на эту тему у нас с тобой больше быть не может.

– Я вас понял, генерал. Счастливо оставаться!

– И не нужно принимать все так близко к сердцу. Слава Богу, что они разрешили хоть этот вариант. Будь здоров! А когда все закончится, мы с тобой еще посидим. И кстати, поздравляю тебя со старым Новым годом. Жаль, что мы с тобой его не отметим.

– До свидания. – Дронго раздраженно отключился.

И почти тут же раздался новый звонок. Дронго резко обернулся, схватил трубку и сразу же зло осведомился:

– Снова хочешь мне объяснить, как красиво ты поступил?

– Я хотела пожелать вам счастливого пути, – услышал он знакомый голос Нащекиной. – Мне сообщили, что вы уезжаете.

– Извините. Я принял вас за другого...

– Догадываюсь даже за кого. Счастливого вам пути!

Она наверняка знала, что его телефон уже прослушивается, но тем не менее позвонила. Дронго подумал, что был несправедлив и к Машкову, и к ней. В конце концов, они чиновники, а не «вольные стрелки», как он.

– Спасибо за ваш звонок, – поблагодарил Дронго, – я очень тронут.

– Счастливого пути! – повторила она, не добавив больше ни слова.

Через три часа он вылетел во Франкфурт, а затем – в Рим. Вечером этого же дня Дронго был уже в Италии. И никто во всем мире не мог даже предположить, что ему еще придется столкнуться с бывшим генералом «Штази» Гельмутом Гейтлером.

РОССИЯ. МОСКВА
14 января. Пятница

Через двадцать минут должна была состояться встреча с одним из министров правительства. Им предстояло рассмотреть сложный во-

прос, но президент уже знал, что встречу будут освещать журналисты сразу нескольких телевизионных каналов. Все было продумано до мелочей. Охрана привычно проверяла аппаратуру уже прибывших телевизионщиков, прежде чем пропустить их в апартаменты главы государства, а президент, сидя в кабинете за столом, слегка морщился, размышляя о предстоящей беседе с министром. Она действительно была важной, и его раздражало, что начать ее им придется с этого «телевизионного шоу».

В силу своей прежней профессии он вообще не любил обсуждать важные вопросы на людях, как не терпел и публичных дискуссий, в которых собеседники стараются блеснуть интеллектом. Президент был убежден, что деловые встречи должны проходить без присутствия журналистов, а следовательно, и излишнего популизма принимаемых на них решений. Ведь когда разговор ведется под объективами телекамер, невозможно сосредоточиться и нормально работать. Но он также понимал и необходимость освещения деятельности первого лица страны, как составной части его имиджа, пропаганды его президентских функций. Это был один из обязательных атрибутов его власти, проявляющийся в этих телевизионных картинках, очень важных для его должности.

Недавно, когда во время обсуждения сложного финансового вопроса кто-то из министров выдвинул возражения и попытался обосновать их своими фактами, президент не выдержал. Под объективами телекамер он впервые сорвался и громко попросил: «Без комментариев». И еще раз повторил свою просьбу. Это был очевидный срыв, но он не хотел признаваться в этом даже себе самому. Вынесение интеллектуального спора на широкую аудиторию ему не нравилось.

Президент прикрыл глаза. Когда несколько дней назад в театре в их с женой сторону метнулся человек с блеснувшим в руке ножом, он не испугался. Совсем не испугался. Наоборот, инстинктивно шагнул вперед, защищая жену. Там все было ясно. Кто-то пытался прорваться к нему, но он сразу же, еще до того, как злоумышленника схватили офицеры охраны, понял, что абсолютно не боится этого незнакомца. Вот если бы все было так просто и в политике!

Когда несколько лет назад бывший президент предложил ему эту должность, он тоже не испугался. Но засомневался. Из-за огромной ответственности. Потому и отказался. Однако случилось невероятное. Через несколько дней президент повторил свое предложение, и он,

уже сознавая всю меру ответственности, согласился.

И затем искренне старался соответствовать своей должности. Он никогда не мечтал о такой вершине, не готовился к ней, не строил честолюбивых планов. Но, оказавшись на этом посту, отнесся к нему со всей ответственностью, с какой привык относиться к любой работе. Он очень старался. Хотя иногда случались срывы. Они были связаны и с его психологией, и с его прежней работой, и с его психотипом, который так явно проявлял себя на первом этапе его работы.

На одной из пресс-конференций, которые его так раздражали, речь зашла о террористических акциях на Кавказе. Он, не сдержавшись, пообещал «мочить террористов в сортире». Журналисты потом долго издевались над этими его словами. Через некоторое время, сразу после очередного террористического акта, когда французский журналист позволил себе нетактичный вопрос, президент снова не сдержался, предложив французу отправиться туда, где ему будет гарантировано «обрезание», проведенное по мусульманским обычаям, чтобы лучше понять проблему. Переводчики не смогли нормально перевести эту фразу. Точнее, даже не пытались, во избежание большего

скандала. Но смысл ее был понятен, и это не осталось незамеченным.

Самая неприятная история была связана с атомной подводной лодкой, затонувшей в самом начале его первого президентского срока. Тогда он еще не был готов к такого рода испытаниям. Отчасти виноваты были военные, слишком много и неубедительно лгавшие по поводу этих событий. Гибель заточенных в лодке людей потрясла весь мир. Кто-то из помощников посоветовал президенту не ездить на место трагедии. Это было ошибкой. Очевидной и непростительной ошибкой. Позже он ее исправил, прибыв туда. Но он был обязан в первые же дни выступить, дать свой комментарий произошедшему. А потом его позвали на Си-эн-эн, где он снова не сумел найти нужный тон, сбиваясь то на ерническую улыбку, то на слишком серьезные ответы. Это был урок. К счастью, он оказался прилежным учеником. Больше подобных ошибок уже не допускал. И ретивых помощников не слушал.

Теперь президент знал, что обязан быть последовательным, жестким и даже жестоким, если того требуют обстоятельства. Теперь он точно знал, что любая заминка, любое отступление власти будет использовано против государства, которое он возглавляет. Теперь он точ-

но знал, что обязан проявлять твердость до конца. Что бы ни случилось.

А случилось много страшного. Сначала произошли террористические акты в Америке, и весь мир содрогнулся от расчетливой жестокости и невероятной изощренности террористов. Затем последовал захват театрального помещения с заложниками в Москве. С самого начала было ясно, что никаких переговоров с преступниками вести нельзя. Как его тогда раздражали непрошеные политики, появлявшиеся на экранах в роли посредников! Спецслужбы получили приказ и разрешение на активные действия. Такой приказ мог отдать только президент. Они взяли штурмом здание театра, уничтожив всех засевших в нем боевиков, которые называли себя «мучениками» – шахидами, официальная пропаганда считала их террористами.

Потом произошел еще более страшный террористический акт – захват школы, в которой оказалось более тысячи заложников, в большинстве своем – детей. Применить газ там было невозможно. Решиться на штурм – немыслимо. Все понимали тупиковость этой чудовищной ситуации, при которой необходимо искать варианты достойного ее разрешения. Но развязка началась спонтанно. Вокруг

школы оказалось много вооруженных людей – родственников заложников. Цепь случайных событий, непредсказуемые взрывы, гибель спасателей, прибывших на место и принятых за офицеров спецназа... Все это привело к страшной трагедии – погибли дети, много детей.

Президент открыл глаза и нахмурился. Воспоминания об этих событиях всегда отдавались в нем чувством вины. Он понимал и принимал всю долю своей личной ответственности за случившееся. Он все время пытался найти лучшее решение, соответствовать традициям великого государства, руководить которым ему довелось в один из самых драматичных моментов его истории.

В прошлом веке этим государством правили харизматические лидеры. Но время титанов ушло в прошлое. Теперь для руководства страной требовались умелые администраторы.

В истории крупных государств еще не было ни одного случая, чтобы во главе страны встал человек, не имеющий опыта руководства и публичной деятельности. А его путь к власти был особенно короток. Сначала работа в Санкт-Петербурге в качестве заместителя мэра города Кобчака. Он и тогда старался избегать публичной деятельности, оставив политику своему

шефу, блиставшему ораторским искусством и манерами светского человека. Затем работа в управлении делами президента. Эти ступени карьеры не могли считаться публичной деятельностью будущего политика или кандидата, претендующего на высшую должность в стране. По существу, он был руководителем спецслужбы лишь чуть больше года, а председателем правительства – всего несколько месяцев. Но он упрямо учился. И также упрямо старался не допускать ошибок. Став премьером, он вытягивал страну из той глубокой ямы, в которую она попала. С почти разваленной после дефолта девяносто восьмого экономикой, ослабленная проявлениями местного сепаратизма, показной независимостью многих губернаторов, проводивших самостоятельную политику, отданная на откуп кучке зарвавшихся олигархов, откровенно вмешивающихся во все дела государства, подрываемая террористическими атаками изнутри страна, казалось, была обречена на распад.

Но он старался изо всех сил. Сказалась и работа его предшественника на посту премьера, который также пришел из спецслужб и сумел удержать государство от экономического коллапса. Правда, этого предшественника грубо и демонстративно убрали из-за того,

что он не скрывал своих политических амбиций. Прежний президент не терпел таких людей. Поэтому и остановил свой выбор на человеке, который никак не проявлял честолюбивых замыслов и казался четким, аккуратным исполнителем...

В комнату вошел один из помощников.

– Все готово, – коротко сообщил он, – через пять минут можем начинать.

– Хорошо, – кивнул президент, очнувшись от своих мыслей, – Пахомов здесь?

– Ждет в приемной.

– Пригласите его.

Помощник кивнул и вышел из кабинета. Почти сразу вошел генерал Пахомов.

– Добрый день, – поздоровался президент, поднимаясь из кресла и пожимая руку начальнику охраны. – Что-нибудь известно об этом Иголкине?

– Психопат, – поморщился генерал, – но мы все равно проверяем все его контакты. Похоже, он просто неуравновешенный человек. Придется отправить его на лечение. Он ни с кем не связан.

– Я так и думал. Нужно передать журналистам, чтобы меньше писали об этом несчастном. Незачем уделять ему слишком много внимания.

— Да, — сдержанно согласился Пахомов и вышел из кабинета.

Уже несколько дней его офицеры вместе с сотрудниками ФСБ проверяли всю предыдущую жизнь Иголкина. И ни одного подозрительного факта, указывающего на возможное наличие заговора, не нашли. Однако Пахомова все последние дни одолевало нарастающее чувство беспокойства. Он не понимал, чем оно вызвано. О предстоящем визите президента в театр знали только два человека: сам президент и начальник его личной охраны. Иголкин оказался шизоидным неврастеником, место которого в психиатрической больнице. И тем не менее Пахомов продолжал поиски, словно пытаясь опровергнуть самого себя.

РОССИЯ. МОСКВА
16 января. Воскресенье

Утром Гейтлер выехал в город, предупредив Дзевоньского, что вернется лишь на следующий день.

— Хорошо, — согласился тот, тяжело вздохнув, — я вам верю, но каждый раз, когда вы уезжаете, я теряю столько нервных клеток, что мне гораздо легче поехать вместе с вами.

— До сих пор считаете, что я сбегу? — по-

нял Гейтлер. – Я уже вам говорил, генерал, что вы имеете дело с профессионалом. У меня есть свое понятие офицерской чести. И мне совсем не хочется, чтобы ваши молодчики появились у моих внуков. Это тоже сдерживающий фактор. Можно было бы об этом не говорить, но я все время помню ваши угрозы.

– Можете их забыть, – великодушно предложил Дзевоньский, – это были глупые угрозы.

– Но я помню, – возразил Гейтлер, – постоянно помню. До свидания, пан Юндзилл. Завтра днем я вернусь сюда. Как там с Абрамовым? Ваши люди за ним следят?

– Конечно. Проверяем все его связи, всех знакомых. Установили нашу аппаратуру у него в квартире, прослушиваем все домашние беседы, все телефонные разговоры. Информации уже достаточно. Мы можем взять его в любую минуту, когда вы решите, что настал такой момент.

– Рано, – отозвался Гейтлер. – Мы ведем наблюдение всего несколько дней. Этого мало. Нужно не меньше двух недель. К концу января мы будем готовы. Куда думаете его привезти?

– Сюда, – ответил Дзевоньский, – у нас есть винный склад в подвале. Мы уже начали его осторожно освобождать. Там метров сорок,

вполне достаточно. Посадим его на цепь. Или наденем наручники.

– Это опасно, – предупредил Гейтлер, – не забывайте, что его будут искать.

– Именно поэтому. О его появлении здесь будут знать только два человека. Вы и Карл Гельван. Больше никто. Я буду чувствовать себя намного более уверенно, если этот журналист будет сидеть в нашем подвале.

– А если его обнаружит наша кухарка? Или кто-нибудь из охранников?

– Не думаю. Мы постараемся все предусмотреть. Они в подвал никогда не спускаются. Повесим там замок, а ключ будет только у меня. Я даже думаю установить в подвале небольшую видеокамеру, чтобы за ним следить.

– А если он начнет кричать?

– Его не будет слышно, я проверял. Кроме того, можно поставить легкую музыку у дверей. Например, включить какой-нибудь магнитофон.

– Это вызовет подозрение... Вы же не можете все время держать там магнитофон.

– Тогда избавимся от кухарки. Перейдем на заказы из ресторанов. Наверное, так будет правильно. Мы с вами как-нибудь проживем. Всегда можно заказать еду в ресторане. Сейчас это не проблема. А кухарке объявим, что она

нам пока не нужна. Я продумаю детали, можете не волноваться.

– Хорошо, – сдержанно согласился Гейтлер, – но у нас в разведке не принято все яйца класть в одну корзину. Российские спецслужбы могут вычислить нас и выйти на него. Или наоборот, выйти на него и вычислить нас. С точки зрения профессионала это ошибочный ход.

– Именно поэтому я его и делаю, – усмехнулся Дзевоньский. – Ни один офицер спецслужбы не заподозрит, что в доме, где скрываются два бывших генерала спецслужб, может находиться еще и заложник. Это нелогично, неправильно и непрофессионально. Пусть так все и думают. Иногда нужно поступать не совсем логично, чтобы сбить с толку другую сторону. А мне будет спокойнее.

– Делайте, как считаете нужным, – согласился Гейтлер, – и достаньте мне бланки двух местных паспортов. Можно даже заполненные. Два или три местных паспорта.

– Зачем? – нахмурился Дзевоньский.

– Это мое дело, пан Юндзилл. Вы же не думаете, что я могу сбежать с паспортами, номера которых вам заранее известны. Желательно, чтобы эти паспорта были чистыми. Они мне нужны.

— Постараюсь найти. Что-нибудь еще?

— Если вы посадите его в подвал, то как быть с его туалетом? И учтите: он будет у нас не один день и не одну неделю. Вы собираетесь лично выносить за ним его ночной горшок?

— Для этого есть Гельван, – улыбнулся Дзевоньский, – но я продумал и этот вопрос. Уже заказал биотуалет. Не забывайте, что наша «фирма» занимается ландшафтным дизайном, составной частью которого могут считаться и подобные «объекты».

— Вы заказали один?

— Конечно, нет. Десять. Мы действительно можем предложить их возможным клиентам фирмы. И разместить один у себя в подвале. Что-нибудь еще?

— Нет, ничего. Похоже, вы действительно не теряли времени зря. Прекрасная работа. Завтра днем я вернусь. Пусть обратят внимание, куда он ездит по воскресеньям. У Абрамовых, кажется, есть небольшая дача. Нужно побывать там и все выяснить на месте. Можно ли там оставаться зимой? Нам будет важно выиграть время...

— Понимаю, – кивнул Дзевоньский, – мы все проверим.

— До свидания. – Гейтлер вышел.

В машине его уже ждал водитель. Николаю

Салькову было за шестьдесят. Бывший водитель такси подрабатывал на своем автомобиле, совершая рейсы в основном в центре города. Сальков был достаточно разумным человеком и понимал, что нельзя соваться в аэропорты и на вокзалы, где была своя местная «мафия». Зарабатывал он неплохо – в месяц доходило до трехсот долларов, что было ощутимой прибавкой к его пенсии. Когда ему предложили работу за пятьсот долларов, он сразу же согласился. И в течение последних нескольких месяцев ни разу об этом не пожалел. Гейтлер ездил не очень много. В основном предпочитал пешие прогулки, часто отпускал водителя домой. Это устраивало обоих.

Салькову нравился этот немногословный и немного замкнутый чех, который так плохо говорил по-русски. Гейтлеру приходилось коверкать свой превосходный русский язык, чтобы не вызвать подозрений у своего водителя. Они направились в центр города, и Гейтлер заехал в два магазина, прежде чем отпустил Салькова и остался один. Еще полтора часа он проверял, нет ли за ним слежки. А затем взял попутную машину и отправился по известному ему адресу. Еще через полчаса он уже сидел в квартире Риты.

Теперь можно было не торопиться. Он с удо-

вольствием подумал, что может позволить себе остаться в этой квартире на целые сутки. Рядом с женщиной, которая ему так нравилась. Это иллюзорное ощущение некой устойчивости, некой опоры, ощущение нормального дома, исчезнувшее много лет назад. Он подумал, что платил слишком большую цену за право оставаться самим собой. Но прежде чем окончательно расслабиться и забыть, зачем они находятся здесь, он должен еще раз переговорить с Ритой.

– Схема охраны, – напомнил Гейтлер, – я сделаю чертеж, а ты постарайся все вспомнить. Кто и где находился. Как они действовали. Надеюсь, у тебя не осталось никаких записей?

– Остались, – улыбнулась Рита, – у меня хорошая память, но не такая, как у тебя. И, кажется, я уже говорила, что их никто не сумеет прочесть.

Она достала листки бумаги, на которых были изображены фрукты и овощи.

– Ты все-таки рисковала, – нахмурился Гейтлер. – Такие записи легко прочесть. Не нужно считать себя умнее других. Покажи, как они стояли в момент нападения. Кто и где находился. Мне важно увидеть схему их расстановки. Сможешь вспомнить?

– Сейчас начерчу, – согласилась Рита.

У нее действительно была хорошая память.

И, будучи внимательной, она заметила многие мелочи. Гейтлер смотрел, как Рита уверенно чертила схему перемещения охранников в момент нападения.

– Они подстраховывали друг друга, – пояснила она. – Я думаю, что, если бы вместо этого несчастного Иголкина там оказался настоящий террорист, у него тоже не было бы ни единого шанса напасть на президента. С ножом это практически невозможно. Все равно остановят и перехватят. Не дадут сделать и нескольких шагов.

– А если с пистолетом?

– Тоже сложно. Я видела, как они перекрыли все секторы. Если бы в руках у нападавшего был пистолет и он попытался бы стрелять, то успел бы сделать один, ну максимум два выстрела. Его все равно схватили бы, не дав нормально прицелиться.

– Иногда одного выстрела достаточно, – задумчиво произнес Гейтлер.

– Но не в этом случае, – резонно возразила Рита, – ему не дадут прицелиться и выстрелить. Не разрешат подойти ближе. Я видела, как они работают, Гельмут, это абсолютно бесполезное занятие.

Гейтлер, внимательно глядя на ее схему, думал о чем-то своем.

РОССИЯ. МОСКВА
24 января. Понедельник

В этот день Гейтлер и Дзевоньский решили, что можно начинать. Теперь оба генерала ждали сообщений от Карла Гельвана, который выехал с группой на захват заложника.

Утром этого же дня молодой, но уже известный тележурналист Павел Абрамов проснулся в одиннадцатом часу, естественно, не подозревая, что вскоре его жизнь серьезно изменится. Несколькими часами раньше его супруга Лена отвезла дочь Алину в детский садик и сама отправилась на работу. Ее больница, где она работала врачом-ларингологом, находилась в ста метрах от детского садика. Это было удобно, мать всегда могла забрать дочь, как только сама освобождалась. В семье Абрамовых были две машины: белая «Ауди А4», на которой ездила Лена, и новенький синий «Пежо» четыреста седьмой модели, который принадлежал Павлу.

Жили Абрамовы на улице Сурикова, в районе метро «Сокол» в небольшой трехкомнатной квартире. Это жилье они приобрели давно, но переехали сюда лишь полтора года назад, после затянувшегося ремонта.

Павел зарабатывал неплохо. В тележурна-

листике вообще в последние годы начали платить приличные деньги, и успешные тележурналисты стали зарабатывать на уровне своих европейских коллег. Рекламный рынок рос стремительными темпами и уже опережал в своем развитии и по своим ценам многие европейские страны. Так что Абрамовы могли позволить себе ежегодные выезды за рубеж, отдых в Испании или Италии. Купили небольшую дачу в девяноста километрах от Москвы. И даже перевезли родителей Лены в двухкомнатную квартиру на окраине города, в тихом зеленом массиве.

Абрамов вел на телевидении сразу несколько популярных передач, был узнаваемым лицом канала, а вместе с популярностью росли и его гонорары. Сегодня он должен был приехать на работу к трем часам дня и поэтому, проснувшись привычно поздно, никуда не торопился.

Павел не был москвичом, он родился в Саратове, а в семнадцать лет приехал в столицу поступать в университет на факультет журналистики, что с первой попытки сделать не удалось, и парню пришлось отслужить три года на Северном флоте. Это было с восемьдесят четвертого по восемьдесят седьмой годы, когда в стране назревали решающие перемены. За-

тем он снова сделал попытку сдать экзамены в МГУ и снова провалился. Конкурс на факультет журналистики всегда был огромным, но стал прямо-таки невероятным в конце восьмидесятых, когда газеты и журналы начали выходить невиданными миллионными тиражами и многие мгновенно раскупались. К тому же несколько ослабла цензура, и журналисты почувствовали себя гораздо свободнее. В восемьдесят девятом Павел наконец стал студентом. Следующие годы были самыми драматичными и самыми интересными и в его жизни, и в жизни страны. Распалась одна страна, на ее месте появилась другая. На глазах Абрамова произошли августовские события девяносто первого года и октябрьские события девяносто третьего. С девяносто первого Павел уже работал на радио, постепенно приобретая заслуженную популярность. С девяносто шестого перешел на телевидение. Сначала был ассистентом режиссера, затем помогал ведущим. И лишь несколько лет назад начал сам вести аналитическую программу, быстро получившую широкий общественный резонанс.

Телезрителям нравился спокойный, выдержанный тон Абрамова, его независимый взгляд на события, некоторая отстраненность и неангажированность, оказавшиеся очень выигрыш-

ными в сравнении с манерой поведения других ведущих. Чуть выше среднего роста, подтянутый, курносый, светловолосый, он нравился женщинам и импонировал мужчинам.

Павел позвонил на канал и попросил свою ассистентку Галину приготовить нужные ему документы, чтобы самому не терять время на их поиски.

– Когда ты будешь? – спросила она.

– Мы же договаривались к трем часам, – напомнил он.

– Лучше в половине третьего, – попросила Галина, – ровно в три у нас начнется встреча, а я хочу успеть передать тебе документы.

– Договорились, – согласился Абрамов, – приеду в половине третьего, постараюсь успеть. Мне еще надо заехать в издательство.

– Имей в виду, сейчас везде пробки, особенно в центре, – напомнила Галина.

– Не опоздаю. Издательство рядом с Останкино. Они недавно сюда переехали. Хотя говорят, что скоро съедут и оттуда. Забегу к ним и сразу на работу. У меня еще полно времени.

Он положил трубку и отправился одеваться. Из дома Павел вышел десять минут первого, чтобы успеть попасть в издательство до перерыва, и не обратил внимания на новый авто-

мобиль, стоявший во дворе. Это был черный внедорожник «БМВ», в котором находились двое мужчин, невидимых за темными стеклами. Еще один мужчина стоял около «Пежо» Павла, терпеливо ожидая, когда он наконец выйдет на улицу. Это был Карл Гельван, который точно знал время появления Абрамова, так как слышал все его разговоры по телефону. В руке Гельван сжимал небольшой шприц, которым нужно было незаметно уколоть журналиста. Состав лекарства в нем был рассчитан на почти мгновенное действие. После укола оставалось только подхватить падающее тело и поместить его в подъехавшую машину.

Третий подручный Гельвана сидел в автомобиле «Мицубиси галанте», стоящем у выезда со двора на улице. И должен был подстраховать первую машину в случае какой-либо непредвиденной неудачи.

Но Карлу не удалось близко подойти к журналисту. Павел вышел из подъезда не один. Рядом с ним шел его сосед по лестничной клетке, офицер Генерального штаба, который тоже направлялся к своей машине. Увидев человека в форме, Гельван благоразумно отступил. Павел еще несколько минут разговаривал с соседом, а Карл терпеливо ждал. Но офицер отошел от Абрамова, только когда тот уселся

в «Пежо». Гельван неслышно выругался, а журналист неторопливо выехал на улицу. Карл схватил мобильник и велел водителю «Мицубиси» не мешать выезжающей машине.

– Едем за ним, – приказал он своим помощникам, сидящим в «БМВ». И запрыгнул на заднее сиденье.

Абрамов ездил аккуратно. В девяносто шестом он разбил свой «жигуль» и побывал в больнице, после чего запретил себе лихачить на дорогах. До издательства все три автомобиля добрались без приключений.

Популярное издательство, выпускавшее большое количество литературы, располагалось в огромном доме еще сталинской постройки. Вход в него был с угла. Абрамов припарковался неподалеку и вошел в здание.

Почти сразу следом за ним внутрь поспешил один из помощников Гельвана. Сам Карл и водитель «БМВ» остались в машине. Рядом с ней мягко пристроился «Мицубиси». Все трое терпеливо ждали.

Помощник Гельвана успел вбежать в кабину лифта вместе с журналистом и поднялся с ним на пятый этаж. Там Павел повернул налево, а его сопровождающий замешкался у лестницы.

В издательстве Абрамова принял главный редактор, моложавый мужчина лет сорока.

В другой жизни, до развала страны, он был успешным математиком и даже защитил кандидатскую диссертацию. Но в девяностые годы, сменив профессию, стал главным редактором популярного издательства, зарабатывая гораздо больше своих коллег, занятых наукой. Подобные повороты судьбы в те времена пережили многие. Так, один из владельцев этого издательства был выпускником консерватории.

Главный редактор, мужчина высокого роста, все время улыбался, разговаривая, немного шепелявил. Он был благожелательно настроен ко всем к нему приходящим. Другое дело, что большинству отказывал, некоторым разрешал зайти еще раз и лишь очень немногим обещал издать их рукописи. А с теми немногими писателями, на которых в основном держался бизнес издательства – беллетристах, делающих ему тиражи и имя, главный редактор держался подчеркнуто уважительно. Абрамов не был раскрученным автором, и его книга не обещала стать бестселлером. Однако он был популярным журналистом известного телеканала, и потому с ним следовало дружить. К тому же его книга публицистики оказалась в меру интересной и острой, а такие издания тоже необходимы для имиджа издательства, даже если они выходят небольшим тиражом.

Учитывая все это, главный редактор благосклонно принял журналиста, сообщив, что его книга появится на прилавках ровно через два месяца. Разумеется, о гонораре не может быть и речи, пока она не будет распродана. В этом вопросе издательство придерживалось абсолютно выигрышной тактики. Деньги вперед, по предъявлении рукописи, выплачивались только уже хорошо известным авторам, гарантирующим раскупаемость тиражей. Хотя и они в последнее время переводились на «роялти», ибо издательству так выгоднее расплачиваться с авторами.

Разговор продолжался около пятнадцати минут, после чего Абрамов вышел из кабинета главного редактора и спустился вниз на лифте, не заметив, что на лестнице все еще стоит тот самый человек, вместе с которым он недавно поднимался. А если бы даже и заметил, то не удивился бы. У каждого свои дела.

Когда створки кабины лифта захлопнулись, этот человек немедленно позвонил вниз. Гельван тут же вылез из машины, дав знак водителю «Мицубиси» быть готовым к действиям.

На этот раз Павел вышел на улицу один. Он ступал осторожно, стараясь не поскользнуться. Рядом с его машиной стоял какой-то высокий мужчина, и Абрамов шагнул в сторону, чтобы

с ним не столкнуться, при этом не заметив другого прохожего, спешившего мимо. В последнюю секунду Павел инстинктивно посторонился, почти прижавшись к высокому мужчине, и в этот момент почувствовал какой-то укол в ладонь.

«Наверное, ключи», – недовольно подумал он, однако, сделав еще шаг, с изумлением осознал, что у него подкашиваются ноги. Потом успел понять, что высокий мужчина подхватил его под руки, и далее не помнил ничего.

Карл действительно успел подхватить падающего журналиста. Водитель «Мицубиси», заставивший Абрамова прижаться к Гельвану, помог поддержать Павла с другой стороны. В следующую секунду они вдвоем втолкнули журналиста в «БМВ». Карл вскочил в машину следом и коротко приказал:

– Быстрее!

Водитель «Мицубиси», подобрав выпавшие из руки журналиста ключи от «Пежо», бросил их выбежавшему из здания и успевшему подскочить к ним третьему участнику операции. Затем «БМВ» рванул в одну сторону, а «Мицубиси» и «Пежо» – в другую.

Они не хотели рисковать. Поэтому, свернув в первый же переулок, оставили «Пежо» возле какого-то киоска. Продавщица, увидев, что ря-

дом припарковалась незнакомая машина, зло крикнула, чтобы здесь не останавливались – ей должны были вот-вот привезти очередную партию товара. Но водитель, которого она так и не увидела, ее не послушался. Выйдя из автомобиля, он быстро пересел в «Мицубиси», который сразу же отъехал. Когда женщина вышла из ларька, рядом стояла лишь пустая машина. Она зло пнула ее, мстительно отметив, что оставила на капоте царапину, и, довольная собой, вернулась обратно в свою будку.

Через пятнадцать минут водитель «БМВ» остановился и вышел из машины. За руль уселся Карл Гельван, который развернул внедорожник и помчался на дачу, где его ждали. Ни один из похитителей, кроме самого Гельвана, не знал, куда он едет. Когда через час Карл въехал на территорию дачи, там уже все было готово к приему захваченного журналиста. Гельван подогнал автомобиль к самому дому, достал несчастного и внес его в дом. Там спустился в подвал, нацепил наручники на правую руку и правую ногу Абрамова, после чего проверил состояние его пульса. Пульс был нормальный, журналист просто спал. Гельван прикрепил наручники к железным стойкам стеллажа с деревянными полками, где прежде хранились в горизонтальном положении бу-

тылки. Вытащил из карманов Абрамова мобильный телефон, деньги, документы, ключи, записную книжку, какие-то бумаги и поднялся наверх. Там молча протянул ключи от наручников Дзевоньскому. Тот кивнул, взял ключи. Гельван выложил все вещи, изъятые у журналиста, на столик.

– Возьми телефон, выключи его и выброси в реку. Где-нибудь подальше, – посоветовал Дзевоньский.

Гельван все так же, в молчании, забрал аппарат.

– Молодец, – добавил Дзевоньский.

Наблюдавший за ними Гейтлер заметил, как Карл улыбнулся. Гейтлер отвернулся, подумав, что этот латыш действует ему на нервы.

Павел Абрамов не приехал в этот день на работу. Его ждали в половине третьего, потом в три. В четыре начали искать. В пять уже серьезно забеспокоились. В шесть позвонили к нему домой. В девять его жена и сотрудники Павла начали обзванивать больницы и морги. В половине одиннадцатого нашли главного редактора издательства, который подтвердил, что Абрамов был у него. В три часа ночи патрульная машина милиции обратила внимание на припаркованный в неположенном месте

«Пежо». В пять утра на опознание машины в милицию приехала супруга Абрамова. В шесть утра они еще раз обзвонили все больницы и морги, так и не уснув в эту ночь. С началом следующего дня стало ясно, что журналист исчез. Словно испарился. Его видели в половине первого в издательстве, после чего он вышел оттуда и исчез, а его машину позже нашли на соседней улице. Еще через два дня было возбуждено уголовное дело по факту исчезновения известного тележурналиста Павла Абрамова. На всякий случай следователь прокуратуры изъял из издательства его рукопись. В ней не нашлось ничего, что могло бы навести на след журналиста.

Жена, коллеги и друзья недоумевали, куда Павел мог деться. Высказывались самые невероятные предположения, искали повсюду, вплоть до того, что звонили его первой жене, матери в Саратов и даже друзьям Павла по службе на Северном флоте. Но все было безрезультатно. Абрамова найти не удавалось. Жена сходила с ума, коллеги беспокоились, друзья переживали. Через неделю по всему городу развесили портреты журналиста, а еще через несколько дней на телевизионном канале сделали передачу об исчезнувшем Павле Абрамове. Руководство канала даже пообещало круп-

ное вознаграждение любому, кто поможет в его розысках. Но все было тщетно. Абрамов нигде не объявился.

РОССИЯ. МОСКВА
25 января. Вторник

Сначала ему казалось, что он лежит в своей кровати. Затем, пошевелившись, понял, что у него затекла рука. Болело правое плечо. Павел недовольно поморщился, решив повернуться на другой бок. И обнаружил, что не может этого сделать. Более того, появилось полное ощущение, будто какая-то неведомая сила тянет его в разные стороны. Он открыл глаза. Прислушался. В нос ударил отчетливый винный запах. Неужели он перепил? Где и когда? Почему он здесь, как он сюда попал? Почему ничего не помнит? А если пил, то где и с кем? Зачесался глаз, и Павел попытался поднять правую руку, но почувствовал неожиданную боль. Поднял левую руку и почесал глаз. Затем огляделся, дернул правой рукой. Она была словно привязана. Он недоуменно глянул на руку. Так и есть – прикована наручниками к какой-то металлической стойке. Он застонал, пытаясь развернуться. И обнаружил, что его правая нога тоже прикована. Павел изумленно

уставился на наручники. Что бы это значило? Или такая глупая шутка его коллег? Кто надел на него наручники? Как он здесь оказался?

– Эй! – крикнул Павел. – Кто здесь есть?

Ответом было молчание. Звук собственного голоса показался ему каким-то глухим, словно он находился в бочке. Может, в подвале? Но почему здесь такой стойкий запах вина? Или ему так кажется? Почему его приковали наручниками? Необходимо все вспомнить – вспомнить, что с ним произошло. Вышел из дома и потерял сознание? Нет, он еще поговорил с Малышевым – их соседом по дому, офицером Генштаба, подполковником. Значит, поговорил с Малышевым и потерял сознание? Нет, тоже неправильно. Затем поехал в издательство. Да, точно. Побывал там, встретился с главным редактором. Таким благожелательным и улыбчивым человеком. Кстати, как его зовут? Кажется, Игорь Вячеславович. Да, точно. Крупный мужчина высокого роста... А что было потом?

Болела правая рука, и Павел невольно снова потянул эти чертовы наручники. Интересно, его собираются кормить? Может, дадут хотя бы воды? Он огляделся. Глаза постепенно привыкали к полумраку. В тусклом, пробивавшемся откуда-то сверху свете удалось разгля-

деть, что он находится в довольно просторном помещении. Но почему его приковали наручниками? Чего они боятся? Значит, он вошел в издательство, поговорил с главным редактором, а потом... Что было потом? Вроде бы он вошел в кабину лифта. Спустился вниз. Вышел из здания – и все... Дальше ничего не было. Дальше он ничего не помнит. Он двинулся к своей машине, и тут... Что там случилось? Павел снова потянул руку. Она сильно болела. И вдруг вспомнил. Кажется, был какой-то укол. Наверное, ему вкатили сильный наркотик, и он потерял сознание. А потом его привезли сюда.

– Здесь есть кто-нибудь? – снова крикнул Павел.

И снова тишина в ответ.

Может, его с кем-то спутали? Наверняка перепутали, коли похитили. Он, конечно, не самый бедный человек, но если похитители рассчитывают на крупную сумму, то они ошиблись. Больших денег у них нет. К тому же они лишь недавно переехали в новую квартиру, а во время переезда тратится столько денег на всякие ненужные мелочи. Павел попытался вспомнить, сколько денег у них осталось. Кажется, тысяч шесть или семь на карточке. Еще несколько тысяч у жены. Вот и все сбережения. И из-за таких

денег его похитили? Это невозможно. Между тем, судя по тому, как ловко его взяли, действовали профессионалы. А судя по наручникам – они его опасаются. Значит, выяснили, что он занимался спортом, пятиборьем...

Наверху послышался какой-то шум, и Павел поднял голову. Где-то открылась дверь. Он увидел свет и невольно зажмурился. Послышались тяжелые шаги – к нему кто-то спускался по узкой лестнице. Павел не мог разглядеть, кто это. Понял только, что какой-то крупный мужчина и абсолютно ему незнакомый.

– Кто вы такой? – спросил он его. – Почему я здесь?

Мужчина ничего не ответил, только поставил рядом с Павлом две пластиковые бутылки с водой и тарелку, накрытую салфеткой.

– Что это? – задал вопрос Абрамов, но снова не получил ответа.

Вместо этого мужчина наклонился к нему и неожиданно отцепил один конец наручников у правой ноги. Но Павел не успел обрадоваться, как этот конец защелкнулся на другой его ноге. Теперь он, если б захотел, смог бы передвигаться, но только мелкими шажками.

Мужчина вкрутил небольшую лампочку, и сразу стало светлее. Затем снял наручник с руки. Павел потер затекшую правую руку.

– Туалет, – показал мужчина на какую-то дверцу в углу.

Это было единственное слово, которое он произнес, однако Павлу показалось, что он уловил какой-то странный акцент. Хотя судить по одному слову невозможно.

– Подождите! – закричал он. – Почему меня здесь держат?

Но мужчина уже поднимался вверх по лестнице.

– Черт возьми, – пробормотал Абрамов, – кажется, этот тип не слишком разговорчив.

Он жадно съел всю еду, выпил воды. И его чуть не стошнило. Павел почувствовал неприятные колики в боку и едва не упал, когда попытался быстро подняться. Проклятые «браслеты» на ногах сковывали все движения. Он с трудом доковылял до туалета. А потом всю ночь просидел у пустых бутылок, пытаясь понять, что же с ним происходит.

Еще несколько дней подряд все тот же мужчина приносил еду и воду. Причем оставлял запас сразу на весь день. И больше не появлялся, из чего Павел сделал вывод, что этот тип не живет в доме, а приезжает сюда в разное время. Благо часы у него никто не отнимал. Ему понравился биотуалет, который был здесь установлен. На второй день неизвестный при-

нес матрац, простыню, подушку, одеяло. Они были чистыми, это Павла порадовало. Он сам застелил себе постель.

А еще через неделю Абрамов решил, что нужно бежать. Кормили его неплохо, воду тоже давали. Правда, поначалу есть приходилось без вилок и ножей, но на третий день ему стали давать пластиковые столовые приборы. Иногда приносили фрукты. Раздражали только эти оковы на ногах. Однако постепенно Абрамов к ним даже привык. Беспокоила лишь полная неопределенность – было непонятно: кто и зачем его похитил. Павел начал обдумывать план побега.

Он решил, что для начала должен нейтрализовать своего сторожа – здорового молчаливого типа, ежедневно спускающегося к нему.

Судя по его виду, этот «амбал» наверняка был подготовленным человеком. Следовательно, ему надо нанести такой точный удар, который его свалит. Затем забрать у него ключи, чтобы не семенить в наручниках на ногах. Абрамов усмехнулся: «Наручники на ногах!» Правильнее назвать их наножниками. Но это не меняло сути его решения. Ему надоело сидеть в этом подвале. Он не может больше ждать, когда его жена сойдет с ума от неизвестности. Да и маленькая Алина, наверное, плачет, без конца спрашивая, куда исчез ее папа. Все,

ждать больше нечего. Надо постараться сбежать отсюда. Тем более что этот молчун даже не пытается ему объяснить, зачем его похитили и что собираются с ним сделать.

Павел обдумал весь план в деталях. Нужно выбрать время и нанести один точный удар. Он знал, куда бить. А рука у него сильная – сказались многолетние занятия спортом. Оставалось выбрать удобный момент и наконец осуществить этот рискованный план.

РОССИЯ. МОСКВА
28 января. Пятница

На этот раз Курыловичу был заказан номер в отеле «Радиссон», куда он приехал прямо из аэропорта. А через два часа он спустился в ресторан, находящийся здесь же, на первом этаже.

В ресторане подавали баварские сосиски с пивом. Курылович не любил немецкую кухню, поэтому заказал себе только пиво, без сосисок. И почти сразу же в зал вошел генерал Дзевоньский. Увидев его, Курылович почтительно вскочил.

– Садитесь, – махнул ему генерал, усаживаясь рядом, затем положил на стол небольшую папку, которую принес с собой. – Мне тоже пива, – сказал он подоспевшему официанту.

Курылович облизнул полные губы. У него были рыжие волосы, одутловатое лицо, выпученные глаза и курносый нос – довольно запоминающаяся внешность. Он часто выполнял деликатные поручения Дзевоньского. Его земляк хорошо платил и никогда не задавал ненужных вопросов.

– Как погода в Варшаве? – осведомился Дзевоньский.

– Тоже холодно, – ответил Курылович, – но не так, как в России.

– У нас не может быть так, как в России, – недовольно заметил Дзевоньский: Они говорили по-польски тихо, чтобы не привлекать внимания немногочисленных посетителей. – Мне опять нужна ваша помощь, – сразу же перешел он к делу. – Речь пойдет о журналисте, которого похитили несколько дней назад.

– О каком журналисте? – насторожился Курылович.

Официант принес заказанное пиво в большой стеклянной кружке. И только когда он ушел, Дзевоньский недовольно проворчал:

– Я считал вас серьезным человеком, пан Курылович. А вы позволяете себе, появляясь в Москве, не читать местной прессы. Вы думаете, что ездите сюда на прогулку? Я полагал, что еще в аэропорту вы купили столичные га-

зеты, чтобы сориентироваться в сегодняшней ситуации, знать, что тут происходит.

– Я просто не успел, – сразу соврал Курылович. – Взял целую пачку газет, они у меня в номере, только не успел их просмотреть.

Дзевоньский с обоснованным подозрением хмуро посмотрел на ретивого собеседника.

– Не нужно мне лгать, – строго предупредил он. – Если я сейчас поднимусь к вам в номер и не найду газет, это будет повод с вами расстаться.

– Они у меня, – храбро заявил Курылович, сообразив, что отступать нельзя. – Мы можем подняться, и я их вам покажу.

В крайнем случае он уже был готов свалить все на служащих отеля и заявить о пропаже сумки, в которой находились сегодняшние газеты, якобы купленные в аэропорту. Дзевоньский не стал проверять, хотя и чувствовал, что ему врут.

– Несколько дней назад исчез известный журналист Павел Абрамов, – вполголоса сообщил генерал. – В Москве его считают одним из лучших современных тележурналистов. Поиски ведутся уже несколько дней, но пока безрезультатно. Нужно сделать так, чтобы эта тема постоянно муссировалась в средствах массовой информации. Необходимо превратить

пропавшего журналиста в настоящего героя. Персону номер один в этой стране. Чтобы каждый день потрясенные читатели и телезрители читали и смотрели репортажи об исчезнувшем Абрамове. Вы меня понимаете?

– Вам нужно его раскрутить? – понял наконец Курылович.

– Мне нужно, чтобы вы снова встретились с Холмским и объяснили ему нашу задачу. Абрамов должен стать национальным героем. Неплохо бы вспомнить его счастливое детство, его пионерские подвиги. Если их нет, надо придумать. Намекнуть, каким хорошим сыном он был, как честно отслужил на Северном флоте три года. Рассказывать о его журналистской честности и компетентности. Одним словом, его имя и его портрет должны войти в каждый российский дом, в каждую семью.

– Я вас понимаю, – быстро кивнул Курылович. Он очень боялся очередного прокола.

– Найдите Холмского и поставьте ему конкретную задачу, – продолжил Дзевоньский. – Нужно сделать из этого журналиста настоящую звезду. Чтобы о нем говорил весь мир. Чтобы, прильнув к экранам телевизоров, его возвращения ждали тысячи женщин. Чтобы его таинственное исчезновение потрясло всех добропорядочных граждан. Одним сло-

вом – максимум слез, восторгов и информации об этом человеке. В ближайшее время о нем должны писать и говорить больше, чем о президенте страны, папе римском и генеральном секретаре ООН, вместе взятых.

– Мы все сделаем, – облизнул полные губы Курылович, – все, что вы говорите. Каков объем финансирования?

– Как и прежде. Полмиллиона долларов. Деньги наличными в три этапа. Ваши расходы оплачиваем отдельно. И премиальные после завершения нашей кампании. Все мои прежние телефоны можете выбросить, я уже сменил номера и теперь сам буду вам звонить. У вас есть вопросы?

– Никаких, пан Дзевоньский. Я сделаю все, что смогу.

– Договорились. Вот здесь папка с вырезками из российских газет. И краткая биография Абрамова. Возьмите и передайте эти сведения Холмскому. Будет правильно, если вы встретитесь с ним уже сегодня. А вечером я вам сам позвоню. Разумеется, он не должен знать, от кого исходит данный заказ.

– Этого вы могли бы не говорить, – улыбнулся Курылович.

– Вот вам деньги на текущие расходы, – достал из кармана конверт Дзевоньский, – здесь

десять тысяч долларов. Оплата вашего билета, командировочных, отеля. За пиво я сам заплачу.

– Не нужно, – великодушно отказался Курылович, – я здесь живу и могу вас угостить кружкой пива.

– Можете, – согласился Дзевоньский, – но я этого не хочу.

Он передал конверт Курыловичу и оставил тысячерублевую купюру на столе. Затем поднялся и, кивнув на прощание, вышел из ресторана. Курылович посмотрел на лежавшую купюру. За кружку пива это слишком много. Даже учитывая зверские цены в Москве. И за две кружки тоже много. Конверт с деньгами приятно оттягивал внутренний карман. Но эта купюра тоже не должна здесь оставаться. Он огляделся по сторонам и забрал деньги. С какой радости оставлять на столике целое состояние для этого нерадивого официанта? Правильнее заплатить ему по счету, а лишние деньги оставить себе.

Курылович подозвал официанта и попросил принести счет. А когда его подали, улыбнулся. Пиво обошлось в два раза дешевле, удалось даже оставить официанту на чай. Непорядочные люди не бывают непорядочными в чем-то одном, они жертвы своих пороков. Курылович достал записную книжку и посмотрел на часы. Если даже Холмский сейчас в реанимации или на

операционном столе, он все равно постарается с ним увидеться. Слишком большая сумма поставлена на кон. Курылович набрал номер на мобильном аппарате и дождался ответа.

– Аркадий Яковлевич, – обрадовался он, – это я, пан Ежи Курылович. Когда мы можем с вами увидеться? У меня к вам важное дело. Очень важное.

– Завтра утром, – сразу ответил Холмский. – Завтра суббота, и мы сможем спокойно поговорить. Жду вас утром, приезжайте ко мне в офис часам к десяти.

– Договорились, – согласился Курылович.

Он убрал телефон и счастливо усмехнулся. Из этих пятисот тысяч долларов можно будет украсть тысяч сто. И забыть о всех проблемах. Курылович подумал, что еще несколько таких дел, и он сможет открыть в Польше собственный новый бизнес. Он давно мечтал иметь небольшой ресторан, конечно, с польской кухней и без этих баварских сосисок.

РОССИЯ. МОСКВА
29 января. Суббота

Курылович приехал в офис к Холмскому в хорошем настроении. Успев сообщить Дзевоньскому о предстоящей встрече, он появил-

ся в офисе, уже имея соответствующие полномочия своего заказчика.

Холмский принял его гораздо радушнее, чем в прошлый раз. Теперь Аркадий Яковлевич знал, что имеет дело с серьезным и финансово состоятельным господином, готовым платить очень крупные суммы за свои прихоти. Холмский был проницательным человеком и понимал, что сам Курылович не может быть заказчиком. Но его не слишком интересовало имя подлинного заказчика, ему было достаточно этого жуликоватого посредника, чтобы, с одной стороны, получать задания, на реализацию которых тратятся такие огромные деньги, а с другой – иметь свой никем не учтенный процент.

– Вы сегодня без вашего чемоданчика, – улыбнулся Холмский гостю. В руках у Курыловича была лишь небольшая папка. Он сел в предложенное кресло.

– С чемоданчиком проблем не будет, – сразу пообещал Курылович. – Хочу вас поблагодарить за нашу первую совместную операцию. Вы очень удачно провели рекламную кампанию по раскрутке спектакля.

– Всегда готов помогать нашей культуре, – развел руками Холмский, – тем более когда за эту помощь платят наши польские друзья.

– Не сомневаюсь, что вы говорите искренне, – восхитился Курылович, оглядываясь по сторонам. – У нас к вам опять важное дело.

– Можете говорить, – разрешил Аркадий Яковлевич, – здесь нас никто не услышит.

– Речь идет об известном журналисте, – сообщил Курылович, протягивая папку, – который исчез несколько дней назад. Мы были бы вам очень благодарны, если бы в газетах и на телевидении появились материалы об этом благородном человеке.

Холмский придвинул к себе папку, открыл ее и нахмурился. Он сразу понял, о ком идет речь. Уже несколько дней все средства массовой информации периодически сообщали о загадочном исчезновении видного тележурналиста Павла Абрамова. Холмский об этом и слышал, и читал. Но теперь, листая подшивку, чувствовал, как в нем зарождаются сомнения.

Когда его попросили провести рекламную кампанию в пользу спектакля Сончаловского, он еще мог привести некие разумные доводы для такой акции. Поляки платили огромные деньги только за рекламу этого спектакля. Холмский не верил в альтруизм, он был для этого достаточно прагматичным скептиком. И все же какие-то резоны в пользу подобного решения сумел бы сформулировать. Возмож-

но, поляки хотели пригласить Сончаловского для постановки масштабной исторической картины, и им важно было поднять его престиж. Или какой-нибудь богатый спонсор, давший денег на постановку спектакля, хотел таким необычным образом вернуть свои дивиденды. Правда, тратя такие огромные деньги на рекламу, спонсор просто обязан понимать, что театральные билеты никогда не покроют столь значительных сумм. Тем не менее какие-то мотивы могли найтись...

Но исчезнувший журналист, судьба которого так волновала неизвестных спонсоров, не мог принести никаких дивидендов по определению. Тогда зачем таинственный заказчик готов платить огромные деньги за имидж какого-то телеведущего? Неужели этого поляка с выпученными глазами так волнует судьба российского журналиста? К тому же не самого богатого и не самого известного. Чем больше читал Холмский, тем больше он нервничал, не понимая, почему ему принесли эти материалы. Затем он взглянул на Курыловича.

– Я не совсем понимаю, что нам нужно делать, – признался Аркадий Яковлевич, – о нем и так пишут все газеты.

– Нужно сделать из него настоящего героя, – пояснил Курылович, – подать историю

его исчезновения как истинную трагедию, рассказать о ней так, чтобы все вокруг плакали. Устроить вокруг нее настоящий ажиотаж.

— Зачем? — спросил Холмский. — Вы можете мне сказать — зачем?

— Сначала назовите сумму, — предложил Курылович, — а потом мы обсудим и этот вопрос.

— Смешная цена. Про него будут писать бесплатно. Ну, предположим, сто или двести тысяч долларов. Каков ваш бюджет на этот раз?

— Четыреста тысяч, — сообщил Курылович ошеломляющую цифру. — Но вы распишетесь за пятьсот.

— Полмиллиона долларов за то, чтобы газеты писали об этом пропавшем журналисте? Вы считаете меня сумасшедшим? Скажите, зачем вам это нужно?

— Мы выплатим вам деньги в три этапа, — проигнорировал его вопрос Курылович. — Выплаты будут наличными. Вы опять сомневаетесь?

— Нет, — хрипло ответил Холмский, — я уже не сомневаюсь. Вы деловой человек, Курылович. Только удовлетворите мое любопытство. Зачем вам все это нужно?

— Может, кто-то хочет сделать из него идола. Или создать новую легенду, — пожал тот плечами. — А зачем вам ненужные сомнения?

За такие деньги можно раскрутить любое ничтожество, сделать из олуха настоящего гения. Разве не так?

— Так. Но Абрамов уже давно популярный человек. Его и так все хорошо знают. Кроме того, о нем сейчас бесплатно пишут все газеты, о нем говорят на всех каналах. Зачем тогда платить такие деньги?

— Интерес может пропасть, а вам его нужно искусственно поддерживать. Я не понимаю ваших вопросов, господин Холмский. Вы отказываетесь?

— Конечно, нет. Я согласен на все ваши условия. Если нужно сделать из этого Абрамова нового мессию, за такие деньги я постараюсь таким его и представить. В общем, я согласен на все ваши условия. Но когда мы закончим, обещайте, что вы удовлетворите мое любопытство.

— После того как все закончим, — подтвердил Курылович. Он тоже был готов на любые условия, лишь бы начать работу. Потом можно будет придумать все, что угодно...

— Вы хотите, чтобы мы раскрутили самого Абрамова или историю его исчезновения?

— Мне важно, чтобы о нем появилось как можно больше материалов. Любых. И в любых комбинациях.

— Мы все сделаем, пан Курылович. Когда вы привезете деньги?

— Первый транш в понедельник. Сто пятьдесят тысяч долларов.

— Договорились. Можете не сомневаться, мы сделаем из него настоящего героя. Хотя я все равно не понимаю, зачем вам это нужно. Но кто платит, тот и заказывает музыку.

Через два дня Курылович передал Холмскому деньги и честно вычел из этой суммы тридцать тысяч долларов, как раз те двадцать процентов, которые сразу зарезервировал для себя. И улетел на следующий день в Польшу, чтобы снова вернуться в Москву через две недели и выплатить следующие сто пятьдесят тысяч, опять же вычтя из них тридцать.

РОССИЯ. МОСКВА
31 января. Понедельник

В этот день Гейтлер и Дзевоньский, оставаясь в загородном доме, сражались в шахматы. Время от времени кто-нибудь из них поглядывал на экран монитора, наблюдая за находившимся в подвале журналистом. Видеокамера была установлена почти под потолком и замаскирована под обычный кронштейн. Ее прикрепили к вбитой в стену железной скобе с та-

ким расчетом, чтобы она могла фиксировать все происходившее в помещении. Сделать камеру подвижной было невозможно, журналист мог обратить на нее внимание, а главная задача состояла в том, чтобы Абрамов о ней не узнал. Он не приглядывался к ней и почти не смотрел в эту сторону, что позволяло наблюдать за ним.

Вечером, к пяти приехал Карл Гельван. Раз в день он появлялся в доме, привозя продукты заключенному. Кухарка была из дома удалена, домработница, обычно убиравшая в комнатах, – получила бессрочный отпуск. Гельван сам спускался вниз, относил питье и пищу для заложника, забирал пустую тару, дважды менял кассеты в биотуалете. Казалось, все идет по намеченному плану. В первые дни было заметно, как Абрамов нервничал. Но затем он несколько успокоился и даже попросил газеты. Ему дали старые журналы и две книги по шахматам, чтобы узник мог чем-то заполнить досуг. Еду для заложника приходилось готовить Дзевоньскому самостоятельно, что последнего явно раздражало. Гейтлер с ироничным любопытством наблюдал за действиями своего партнера. Он понимал чувства Дзевоньского. Однако чем больше людей окажется посвященными в тайну исчезновения журналиста, тем более возрас-

тет риск свести на нет всю операцию, так интересно продуманную Гейтлером.

В этот день Гельван приехал в подавленном настроении. Это было заметно по тому, как он вошел в комнату, как уныло поздоровался с Дзевоньским и кивнул Гейтлеру.

– Что произошло? – полюбопытствовал Дзевоньский, сразу обративший внимание на состояние своего помощника.

– У меня неприятности, – коротко сообщил Гельван. Он не садился без разрешения шефа и потому стоял, глядя на него.

Тот раздраженно махнул рукой:

– Садись и рассказывай.

Гельван сел на краешек дивана. Гейтлер с интересом наблюдал за ним. По негласной договоренности все трое говорили по-русски, чтобы улучшить произношение.

– Говори, – потребовал Дзевоньский. Он сидел в кресле в мягких серых брюках и темном джемпере с белым медведем на груди.

– Я заказывал сегодня еду, – сообщил Гельван, – просил, чтобы привезли побольше хлеба и воды. Четыре ящика. Для вас и для него, – он показал вниз, – а потом меня позвали в другую комнату.

Было очевидно, что он не решается сказать главное.

— И что случилось? — не выдержал импульсивный Дзевоньский. — Нужно говорить быстро. Как это по-русски? Четко.

— Более конкретно, — подсказал Гейтлер.

— Да, — кивнул Дзевоньский, — более конкретно.

— У меня на столе лежали газеты, — наконец решился Гельван, — все газеты, в которых было написано об Абрамове. И я оставил их, когда спустился вниз, в ресторан. В это время ко мне в кабинет вошла Ксения и увидела эти материалы. Я в них про Абрамова подчеркивал синим карандашом. Когда я вернулся, она меня спросила, почему я так интересуюсь судьбой этого журналиста. Сказала, что знает немного его жену. Ее сестра дружит с ней.

— Ну и что? — рассудительно отозвался Гейтлер. — Вы смотрите телевизор, и вам интересно, что происходит с популярным журналистом. Напрасно вы так нервничаете.

— Она посмотрела все статьи, — неуверенно добавил Карл.

— Там было еще что-то? — догадался Дзевоньский.

— Да, — кивнул Гельван, — журнал с семейными фотографиями Абрамова. Журнал, в котором печатается телевизионная программа.

— «Семь дней», — вспомнил Гейтлер, посмотрев на Дзевоньского.

Оба одновременно изменились в лице, когда выяснилось, что журнал был прошлогодний.

— Там были напечатаны фотографии Абрамова и его семьи, — уныло повторил Гельван, — и Ксения их увидела. Она сказала, что в пятницу пойдет к своей сестре и расскажет, как я интересуюсь Абрамовыми. Я хотел превратить все в шутку, но она заявила, что ей всегда нравился этот журналист и она попросит сестру рассказать его жене, как ее начальник следит за его судьбой, чтобы ей было приятно. Сказала, что многие люди сейчас так же переживают из-за его исчезновения.

— Идиот! — крикнул Дзевоньский. — Зачем ты хранил у себя этот старый журнал?

— Он давно лежал у меня в столе, — попытался оправдаться Карл, — я о нем совсем забыл. Обычный журнал с телевизионной программой.

— Верно, — поднялся со своего места Гейтлер. — Если журнал находится в одном месте, а статьи про похищенного журналиста — в другом, в этом нет ничего страшного. Но вот когда они вместе... Боюсь, здесь вы допустили ошибку, Карл. Выходит, вы интересовались этим журналистом еще до того, как он исчез. Задол-

го до этого. И если ваша сотрудница расскажет обо всем своей сестре, а та – жене Абрамова, вами могут заинтересоваться компетентные органы. В отличие от вашей Ксении, вы не можете сказать, что вам всегда нравился этот журналист. Конечно, если вы не придерживаетесь определенной сексуальной ориентации. А если нет, то тогда я не знаю, чем объяснить ваше нездоровое любопытство к этой семье.

Дзевоньский негромко пробормотал ругательство на польском, зло уставившись на своего помощника. Гельван угрюмо молчал, он понимал, что допустил ошибку.

– У вас мышление дебила, – с отвращением произнес Гейтлер. – А зачем вам понадобилось собирать газеты про этого Абрамова? Откуда такие наклонности садиста? Вам мало того, что мы его взяли? Вы еще хотите узнать о его семейной жизни?

Гельван молчал.

– Сколько у нас работает эта Ксения? – поинтересовался Дзевоньский.

– С тех пор как мы сюда приехали, – ответил Карл.

– Как ее фамилия?

– Костина. Ксения Костина.

– Ты с ней спал? Только честно. Да или нет?

– Нет. Я иногда встречался с другой.

— Кретин, — пробормотал Дзевоньский, — тебе ничего нельзя поручить. Она замужем? Я спрашиваю про эту Ксению.

— Нет.

— Живет одна?

— Не знаю.

— У нее есть друг?

— Не знаю.

— Что ты вообще знаешь? Как ты ее взял на работу?

— Ее привела Светлана, наш второй сотрудник. Они хорошо знакомы. Кажется, вместе учились. Или вместе работали.

— И ты принял на работу человека, о котором ничего не знаешь. Ее личное дело хотя бы есть в памяти твоего компьютера?

— Есть. В нашей базе данных.

— Иди на второй этаж, там мой компьютер, срочно распечатай и принеси. Хотя нет, подожди, не нужно. Позвони Светлане и спроси у нее, где можно найти Ксению. Заодно узнай, с кем она живет и где.

— Сейчас позвоню, — понял Карл. Он достал аппарат и набрал номер своей сотрудницы. — Светлана, здравствуй, — сказал он, услышав знакомый голос, — я звоню Ксении и не могу ее найти. У меня есть номер ее мобильного, но он не отвечает. Ты не знаешь, где она живет? И есть ли там телефон.

— Конечно, Карл. Сейчас продиктую.

Девушка продиктовала номер городского телефона. Гельван аккуратно записал и затем спросил:

— Она живет одна или с другом?

— С мамой. Старшая сестра вышла замуж и переехала, а Ксения живет с мамой. У них хорошая квартира на Большой Якиманке. Осталась от отца, он, кажется, был известным ученым. Если хотите, я позвоню ее сестре, может, Ксюша поехала к ней?

— Нет, не нужно, — торопливо остановил девушку Гельван, — я постараюсь сам ее найти.

Он убрал аппарат, взглянул на Дзевоньского и доложил:

— Она живет с матерью на Большой Якиманке. Адрес у меня должен быть. Сейчас пойду и распечатаю с вашего компьютера. — Гельван поднялся и вышел из комнаты.

Гейтлер проводил его недовольным взглядом. Оплошность этого типа могла дорого обойтись всем участникам операции.

— Что вы намерены предпринять? — спросил он у Дзевоньского.

— Разве у нас есть выбор? — угрюмо буркнул тот. — По-моему, это вы заинтересованы в том, чтобы о нашей операции никто не узнал. В этом смысл вашего плана.

Гейтлер закусил нижнюю губу. Он понимал, что Дзевоньский прав. Но все это было гадко и омерзительно.

– Пошлете туда своих людей? – спросил он.

– У нас нет другого выхода, – повторил Дзевоньский и тяжело вздохнул. – Придется так поступить. Скажу, чтобы инсценировали ограбление. О женщинах не беспокойтесь. Выстрел в голову... Им даже не придется мучиться, они ничего не почувствуют.

– Мясники, – поморщился Гейтлер. – Вот почему я всегда не любил контрразведчиков. У вас все методы одинаковые. Может, не будете трогать ее мать?

– Это вызовет подозрение. И сразу наведет следователей на мысль об инсценировке. Мы не можем так рисковать, у нас слишком важное дело.

Гейтлер поднялся, чтобы выйти из комнаты. Ему было неприятно все это слышать. Но с другой стороны, нужно все тщательно продумать.

– У вас есть другое предложение? – мрачно поинтересовался Дзевоньский. – Или вы знаете, как приготовить яичницу, не разбив яиц?

– Продумайте, как обеспечить алиби вашему помощнику, – предложил Гейтлер.

— Он позвонит Светлане и проведет с ней всю ночь, — сообщил Дзевоньский. — Используем в своих интересах его любвеобильность. Пусть она обеспечит ему алиби. Черт возьми, как мне не хочется этого делать! Но убийство вызовет интерес полиции — простите, милиции, — к месту работы жертв. Карла начнут проверять...

— Вот именно, — подтвердил Гейтлер. — Первые подозреваемые всегда среди сослуживцев. Гельван попадет под подозрение. Они просто проследят, куда он ездит каждый день, и на этом все закончится.

— Что вы советуете сделать?

— Ксения должна исчезнуть, но так, чтобы мать и сестра считали, что она сбежала с новым другом. Нам нужно выиграть время, пан Юндзилл.

Каждый раз, когда Гейтлер саркастически выговаривал это имя, под которым в Москве находился его коллега, Дзевоньский чувствовал себя так, словно его намеренно оскорбляют.

— Вы все-таки хотите спасти ее мать, — буркнул он.

— Я хочу спасти нашу операцию, — поправил его Гейтлер. — И насчет выстрелов в голову я бы тоже возражал. Когда грабители так торопятся расправиться со своими жертвами, это

всегда вызывает некоторое подозрение. Получается, что цель преступников не нейтрализация хозяев квартиры, а их убийство. У меня был случай, когда профессиональный убийца намеренно сделал несколько выстрелов в разные части тела жертвы, чтобы не выдать своего мастерства.

– Хороший способ, – кивнул Дзевоньский. – Я скажу Карлу, чтобы он отправился к своей Светлане. И остался с ней, даже если у нее сегодня месячные. А мы сумеем устроить утром «исчезновение» той несчастной.

– Ее нельзя просто так убить, – морщась от злости, напомнил Гейтлер. – Пусть сначала напишет несколько писем. Прямо в машине. А потом можете ее убрать. Это должны быть короткие записки, типа «мама, не волнуйся» и тому подобные.

Дзевоньский согласно кивнул.

– И еще, – добавил Гейтлер, – уже сейчас ясно, что Гельван больше не должен приезжать сюда каждый день. Его визиты, в конце концов, вызовут подозрение у наших охранников. Ежедневное появление на нашей даче слишком заметно. И без домработницы мы утонем в грязи. Неужели вы не можете никого вызвать? Нужно найти какую-нибудь женщину. Человека, которого вы давно знаете и которо-

му верите. Она будет носить еду нашему пленнику и иногда убирать у нас в комнатах. Не забывайте, что вскоре Карл понадобится нам совсем в другом месте.

– Я подумаю, – кивнул Дзевоньский, – а если никого не найдем, будем сами по очереди спускаться в этот подвал.

– Не смешно, – зло бросил Гейтлер, выходя из комнаты.

Когда Карл вернулся, его шеф был в состоянии тихой ярости. Он был готов задушить своего помощника собственным руками. Гельвану пришлось выслушать все, что думает генерал о его умственных и организаторских способностях. Успокоившись, Дзевоньский приказал найти Светлану и провести эту ночь с ней. А группе захвата утром отправиться на Большую Якиманку и ждать у дома несчастной молодой женщины.

Гельван спустил очередную порцию еды и воды в подвал, после чего сразу уехал. Дзевоньский еще долго сидел один, размышляя о случившемся. Затем поднялся на второй этаж, постучал в дверь комнаты Гейтлера.

– Войдите, – разрешил тот.

Дзевоньский вошел. Гейтлер сидел на стуле и читал книгу. Увидев генерала, он отложил ее.

– Я давно хочу вас спросить, – Дзевонь-

ский подошел ближе, – вы сами-то верите в успех нашей операции?

– Я вам уже много раз говорил. Если бы не верил, ни за что не согласился бы сидеть тут вместе с вами. Или вы думаете, что проживание с вами в одном доме я рассматриваю как награду?

– Не шутите. Я хочу знать, какой запасной вариант вы предусмотрели?

– Не нужно об этом говорить. Мы пока не опробовали основной. Не нужно торопиться, пан Юндзилл.

– Не называйте меня так! – не выдержал Дзевоньский. – Мы же одни, и здесь нет подслушивающих устройств. Я достал вам три паспорта. Один чистый и два заполнены на разные фамилии. Зачем вам паспорта, куда вы так часто ездите в город? Вы должны понимать, что я отвечаю перед нашими заказчиками.

– Спасибо за паспорта, – ответил Гейтлер, – но будет лучше, если вы перестанете задавать мне вопросы, на которые я все равно не отвечу. Поймите, генерал, современные акции необходимо проводить с учетом технических достижений современной цивилизации. Вспомните, как одиннадцатого сентября террористы использовали обычные гражданские самолеты в качестве взрывных устройств. На-

чиненные топливом баки огромных самолетов превратились в летающие бомбы. Такое простое и эффектное решение. Если я когда-нибудь решусь написать мемуары, то они станут настоящими бестселлерами нашего времени. Только я их никогда не напишу. – Он помолчал и добавил: – В моих планах всегда есть поправка на таких дураков, как ваш Карл Гельван. Я считаю, что человеческий фактор – самое опасное, что может нам угрожать. И поэтому стараюсь максимально его исключить из моих расчетов. Чем меньше людей посвящены в замысел операции, тем выше шансы на ее успешное проведение. Кстати, я прочел сегодня утром статью об исчезнувшем журналисте. Блестящая статья. Ваш Холмский не зря получает деньги. Думаю, недели через две нужно вызвать еще раз Курыловича и передать вторую часть денег. Мы придумали преступление, которое войдет в мировую историю, генерал. Преступление с применением всей мощи пропагандистской машины средств массовой информации, которые вольно или невольно, но работают на наш план. Ни у одного организатора террористического акта еще не было столько помощников, сколько их у нас. При этом о готовящемся покушении знают только три человека: я, вы и ваш дебил Карл Гельван.

– Он не все знает, – напомнил Дзевоньский.

– Тем лучше. Значит, только мы двое. Это очень неплохо, учитывая масштаб нашей операции. И учтите, что Курылович должен будет передать теперь более конкретное задание Холмскому. Я уже набросал общую схему.

– Учту, – мрачно пообещал Дзевоньский. – Я думаю, будет правильно, если я вызову из Бельгии одну мою бывшую сотрудницу. Она работала почти пятнадцать лет в полиции, потом занималась несовершеннолетними в местах заключения. Ей пятьдесят восемь лет, но она крепкий человек. Абсолютно не знает русского языка, что нам только на руку. Будет носить еду нашему журналисту и убирать в комнатах, если сможет. Но хочу вас заранее предупредить, что готовить она не умеет. Это я точно знаю. Всю жизнь прожила одна, без семьи.

– Надеюсь, она не старая дева? – пошутил Гейтлер. – У русских на этот счет есть много разных шуток.

– Не проверял, – в тон ему ответил Дзевоньский, – но она человек надежный. А то, что не знает языка, даже хорошо. Будет сидеть в доме и ни с кем не общаться.

– Значит, теперь мы будем жить семьей, состоящей из трех человек, – вздохнул Гейт-

лер. – Мало мне было вас, так вы еще хотите привести сюда бывшего полицейского, которая к тому же была еще и надсмотрщицей. Вы не боитесь, что она установит здесь тюремный режим и нам придется выполнять все ее приказы?

– Не боюсь, – ответил Дзевоньский, – я уже много лет ничего не боюсь. Если мне платят большие деньги – это лучшая страховка ото всех страхов. Лучшая, генерал.

РОССИЯ. МОСКВА
2 февраля. Среда

В этот день много лет назад завершилась Сталинградская битва, которая стала коренным переломом не только в ходе Великой Отечественной войны, но и всего хода истории. Рвавшаяся к Волге мощная группировка фельдмаршала Паулюса была окружена и капитулировала. Сам Паулюс, получивший за несколько дней до этого звание фельдмаршала, понимал это как конкретное указание покончить с собой. Но он решил сдаться. И сдался вместе со своим штабом и остатками армии, так и не сумевшей взять Сталинград.

Этот день особо чтят ветераны войны. У памятников и монументов появляются живые цветы, здесь же собираются сильно посе-

девшие участники тех страшных боев, сюда приходят родственники погибших воинов. Не обходят такие места своим вниманием и политики...

В Александровском саду, у могилы Неизвестного солдата, возлагала цветы большая группа политиков во главе с мэром города. В этот момент на дорожке показалась старая женщина со скромным букетиком в руке. Она шла медленно, наклонив голову. Ее пальто бросалось в глаза своей потертостью. Однако, будучи расстегнутым, открывало взгляду орденские планки на темном платье старушки. Очевидно, она тоже была ветераном войны. Ее не остановили, когда она вошла в сад, но задержали, когда попыталась пройти ближе к могиле. Среди дежуривших в саду офицеров милиции старшим был капитан Лугаев. Он попросил женщину подождать, пока не отойдут толпящиеся у памятника люди.

– Что у вас? – строго спросил он, глядя на нее.

– Ничего, – дребезжащим голосом ответила она, – я хотела возложить цветы. Мой брат погиб в Сталинграде. Мы вместе с ним воевали...

Лугаев глянул на стоящего рядом старшего лейтенанта Стрельнева. Тот пожал плечами.

Конечно, можно и пропустить старую женщину, к тому же ветерана войны.

– Проверь, – строго приказал Лугаев.

Стрельнев достал металлоискатель и провел им по одежде старушки. Все было чисто. Она протянула руку, и металлоискатель слабо пискнул. Цветы оказались обвязаны железной проволокой.

– Брат был связистом, – объяснила женщина, – это в память о нем.

Лугаев взял цветы, прощупал проволоку. И вернул ей букетик.

– Ваши документы? – уже более дружелюбным голосом попросил он.

Она достала паспорт, ветеранскую книжечку.

– Самойлова Лидия Андреевна, – прочел Лугаев. Ей было под восемьдесят. Она жила на Тверской, совсем рядом с Александровским садом. Он вернул документы.

– Подождите, – еще раз попросил капитан, – пусть они уйдут, и мы вас пропустим. Извините нас, пожалуйста, но у нас приказ никого не пускать.

Женщина улыбнулась:

– Я подожду.

Капитану было неудобно перед этой пожилой женщиной, но, к счастью, мэр и его делегация, возложив пышные букеты цветов, быст-

ро ушли. Как только они удалились шагов на пятьдесят, Лугаев пропустил пожилую женщину к могиле Неизвестного солдата. Она осторожно дошла до памятника, возложила цветы. Постояла около минуты, смахнула слезу. Затем повернулась и медленно побрела обратно. Проходя мимо Лугаева, поблагодарила его.

– Спасибо вам, товарищ капитан, – как будто он мог вообще не пустить ее к этому монументу.

Лугаев отвернулся. Его жег стыд за то, что он заставил старую женщину, ветерана войны, ждать, пока уйдут все эти политики. Но пропускать посторонних к делегации мэрии и вообще к любым делегациям он просто не имел права. Повернувшись, капитан проводил женщину долгим взглядом. Стрельнев, стоявший рядом, шумно вздохнул. У него дед погиб на Курской дуге, и отец, родившийся в сорок третьем, своего отца никогда не увидел.

РОССИЯ. МОСКВА
2 февраля. Среда

На Большой Якиманке по утрам очень много машин. Как, впрочем, и повсюду в городе. В постоянно возникающих пробках водители в первую очередь винили городские власти.

Автомобильные заторы становились серьезной проблемой для столицы, хотя и имеющей немало широких проспектов, абсолютно, казалось бы, не характерных для города с почти тысячелетней историей. Машин становилось все больше и больше, а улицы не росли. К тому же сказывалась и плохая организация транспортного движения в городе.

Ксения вышла из дома, как обычно, в половине девятого, чтобы доехать на автобусе до гостиницы «Международная», где находился офис их фирмы. Автобус останавливался за углом. Она успела сделать всего пятнадцать или двадцать шагов, когда ее неожиданно окликнули. Ксения обернулась, и в этот момент проходивший мимо мужчина толкнул ее в сторону большого черного джипа. Или внедорожника, она плохо разбиралась в этих машинах. При толчке мужчина кольнул ее чем-то острым в правую ладонь. Она обернулась, чтобы крикнуть ему что-нибудь обидное, но тут почувствовала, что ее ноги цепляются одна за другую. Машинально сделав еще пару шагов к джипу, Ксения увидела, как открылась дверца машины, а затем тот же самый мужчина втолкнул ее внутрь. Сопротивляться у нее уже не было сил...

Через минуту внедорожник «БМВ» свернул

за угол. Еще через час машина была уже далеко от этого места, углубившись в лесной массив за городом. Ксению долго приводили в чувство, дважды делали ей уколы. Затем еще не пришедшую в себя молодую женщину заставили писать записки. Но почерк был неуверенным, буквы плясали, поэтому ее, казалось бесконечно, заставляли переписывать. Эта пытка продолжалась минут тридцать. Ксении хотелось спать, она не понимала, зачем ей приходится рисовать эти ненужные буквы, расписываться на каждой бумажке. Ручка ее почти не слушалась, пальцы не повиновались. Один мужчина из сидящих рядом даже ударил ее по лицу, но это было совсем не больно, только смешно. Наконец ее оставили в покое.

Машина еще долго куда-то ехала. Потом двое мужчин почему-то копали землю. Время от времени Ксения поднимала голову, но не могла понять, где находится и зачем сюда приехала. Страха не было. Хотя она не знала окружающих ее людей, они казались ей милыми и миролюбивыми. Затем ее вытащили из машины. Было холодно и слякотно. Ее бросили на землю, вернее в яму, которую только что вырыли. Ксения свернулась калачиком, пытаясь наконец уснуть. От холода она дрожала, но ей уже было все равно. Почувствовав, как на лицо

упали комья земли, Ксения еще успела открыть глаза и улыбнуться. А потом стоящий над ней мужчина вытянул руку, и она ощутила тупые удары по телу. Это было не больно, но очень неприятно, словно он колотил по ней непонятной колотушкой. Четвертый выстрел мужчина сделал в голову. Перед глазами Ксении взорвался яркий шар, и больше она уже ничего не чувствовала.

Ее тело забросали землей, перемешанной с мокрым снегом, яму замаскировали какими-то ветками и прошлогодней листвой. Перепачканные мужчины чертыхались, отряхивая себя от грязи. В город они возвращались в плохом настроении. Об убитой никто из них даже не вспомнил.

РОССИЯ. МОСКВА
3 февраля. Четверг

В этот день Павел наконец решился на побег. С утра он растирал затекшие руки, постарался промассировать ноги. Лампочка тускло светила над ним, он уже научился по ночам ее отключать, осторожно поворачивая так, чтобы она не выпала из гнезда. Лампочка тоже входила в его расчет. Но он не мог даже предположить, что она подвешена таким образом, что-

бы в течение всех этих дней он не мог заметить небольшую камеру, прикрепленную к верхнему кронштейну. Однако Дзевоньский в это утро обратил внимание на несколько необычную активность пленника.

Гельван должен был приехать к трем часам дня. Они уже послали первую записку матери Ксении, в которой несчастная молодая женщина просила ее не искать. Между тем ежедневные поездки Карла за город могли привлечь ненужное внимание. Поэтому на следующее утро они ждали новую гостью из Бельгии. И, словно предчувствуя эти возможные изменения, Абрамов решился на побег именно в этот день. Он уже сумел выдрать из рубашки длинную нитку и с самого утра прикрепил ее к лампочке, чтобы в нужный момент оставить своего тюремщика в полной тьме. Все было бы хорошо, если бы на его манипуляции не обратил внимание Дзевоньский. Подозвав Гейтлера, он показал ему на экран монитора:

– Кажется, наш друг собрался бежать.

– Пора уже, – пробормотал Гейтлер, – девять дней прошли. Мы изучали психологию задержанных. Обычно проходит чуть больше недели, прежде чем они решаются на первые активные действия. Следующий пик придется на конец месяца. Нужно сразу ему показать, что

любая его попытка будет обречена на провал. Да, он уже созрел для того, чтобы сделать первый шаг к свободе. К тому же его угнетает полная неизвестность, ведь Карл ему ничего не говорит.

– Что нам делать?

– Пошлите ему воду с легким наркотиком. И предупредите Гельвана, чтобы он был готов к активным действиям своего подопечного.

– Может, мне спуститься вниз вместе с Карлом?

– Нет. Это будет означать, что мы уже знаем о намерении Абрамова сбежать. Не будем себя выдавать. Он ведь пока не подозревает, что мы за ним следим. Пусть и далее остается в неведении.

Они продолжили наблюдение за действиями журналиста. Абрамов прикрепил нитку к лампочке, подвел ее под правую руку. Было заметно, что он волнуется, проверяя пространство вокруг себя и отрабатывая будущий удар по своему надзирателю.

Когда приехал Гельван, Дзевоньский строго его проинструктировал, пояснив, как ему нужно себя вести. Карл был прилежным учеником. Он согласно кивнул, затем, захватив дневной рацион для заключенного, пошел в подвал. Обычно принося свежую еду и воду,

он забирал пустые пластиковые бутылки и использованные тарелки.

Было понятно, что журналист попытается напасть именно в тот момент, когда Карл наклонится за бутылками, валявшимися на полу. По плану Абрамова, секундой раньше должна выпасть лампочка, а Гельван – невольно обернуться, чтобы понять, что случилось. Этого замешательства было бы достаточно. Журналист собирался нанести отработанный удар именно в это мгновение.

Карл медленно спустился по лестнице, подошел к лежавшему на полу Абрамову. Тот приподнялся и сел, внимательно наблюдая за своим надзирателем. Гельван поставил на пол две новые бутылки воды, упакованную в пластиковый пакет еду и потянулся за использованными бутылками и посудой. Точно в этот момент Павел дернул за нитку. Лампочка, вылетев из гнезда, упала на пол и разбилась. Абрамов метнулся к своему мучителю, но тот оказался к этому готов – журналист наткнулся на выставленный кулак. Гельван словно знал, что именно сделает пленник. Внезапно наступившая тьма и звон разбитой лампочки не отвлекли его внимания. От неожиданного удара Павел отлетел в сторону. Не ограничившись одной защитой, Гельван еще несколько раз

сильно и больно ударил его ногой. Затем, забрав пустую посуду, поднялся по лестнице.

Павел глухо стонал. Неожиданно Гельван вернулся с другой лампочкой. И ввинтил ее на прежнее место. Абрамов с трудом поднялся, едва не упав, и снова попытался броситься на надзирателя. И получил еще несколько болезненных ударов в тело и по лицу.

– Он его изуродует, – встревожился Гейтлер.

– Ничего, – отмахнулся Дзевоньский, – послужит уроком на будущее.

Силы оказались неравны. Журналист был достаточно молодым человеком и спортсменом, но против опытного бойца Гельвана выстоять не смог. Сильно мешали наручники на ногах, не дававшие ему нормально двигаться. Если бы не этот факт, возможно, у них были бы равные шансы, но в таком состоянии Абрамов не смог бы выстоять даже против гораздо более слабого соперника.

Карл еще раз ударил журналиста ногой и вышел из подвала. Поднявшись, он запер дверь и прошел в соседнюю комнату, где вопросительно посмотрел на Дзевоньского.

– Нормально, – кивнул тот, – только не старайся его покалечить. Нам инвалид совсем не нужен. И врача у нас для него пока нет.

Гейтлер посмотрел в монитор на скорчившегося на полу журналиста.

– Скажите Курыловичу, чтобы Холмский активизировался, – недовольно проворчал он. – В последние дни я не видел новых сообщений об этом журналисте. Они начали немного халтурить, мне это совсем не нравится. История Абрамова должна быть постоянно на первых полосах всех центральных газет. Только не называйте его фамилии по телефону. Они могут установить аппаратуру, способную реагировать на конкретные фамилии.

Дзевоньский согласно кивнул. Затем достал мобильный телефон и набрал номер Курыловича.

– Добрый день, – начал он по-польски, услышав знакомый голос, – мне кажется, что наш знакомый не очень старается. Нужно его немного подстегнуть. И учтите, что на следующей неделе вы нам понадобитесь.

– Опять приехать в Москву? – обрадовался Курылович. – С большим удовольствием. Я ему сейчас позвоню.

– Только не называйте никаких имен, – попросил Дзевоньский, – а я вам сам перезвоню. – Он убрал телефон.

– Вы ему абсолютно доверяете? – осведомился Гейтлер.

– Конечно, нет. За ним следят двое моих людей в Варшаве. Для страховки.

Гейтлер улыбнулся и снова взглянул на экран. Абрамов в подвале жадно пил воду и глухо стонал. Очевидно, Карл нанес ему болезненные удары.

– Когда он уснет, я спущусь вниз и уберу осколки лампочки, – сообщил Дзевоньский, – чтобы он не поранился. Но нужно дождаться, когда он заснет.

– Будьте осторожны. Что, если он только притворится спящим? Вы не сможете драться с ним как Гельван.

– Раз пьет воду, то уснет. Этот наркотик сильный. И потом, у меня не будет с собой ключа от его наручников. А куда он с ними убежит? Он ведь не сумеет даже выбраться из подвала.

Они просидели несколько минут в полном молчании. Затем Дзевоньский взял один из сотовых аппаратов, лежащих перед ним на столе, набрал известный ему номер в Варшаве.

– Вы дозвонились? – спросил он у Курыловича.

– Да, пан Дзевоньский, – торопливо ответил тот, – у нашего друга небольшие неприятности. Власти требуют не сообщать ничего об этом журналисте, пока проводится расследо-

вание. Он говорит, что одна газета отказалась опубликовать его материал.

– Не нужно больше ничего говорить по телефону, – перебил его Дзевоньский, – приезжайте сюда в понедельник, и мы все обсудим. Вы поняли?

– Конечно. Уже бегу за билетом.

Дзевоньский отключился, взглянул на Гейтлера.

– Власти не разрешают раздувать скандал с этим журналистом, – сообщил он.

– Этого следовало ожидать, – отозвался тот, – но здесь достаточно свободная пресса и никто не сможет запретить журналистам публиковать свои материалы. Нужно использовать эти возможности.

– Я ему так и передам.

– А когда прибывает ваша знакомая?

– Завтра. Уже завтра.

ИТАЛИЯ. РИМ
4 февраля. Пятница

В этот день в Рим прилетел Эдгар Вейдеманис. Он представлял себе, что должен чувствовать Дронго, которого фактически выслали из Москвы, не разрешив провести собственное расследование. С другой стороны, оба хо-

рошо понимали, что их коллеги по профессии не могут допустить участия частных лиц в такого рода расследованиях. Все, что касается охраны первых лиц государства и обеспечения их безопасности, является строжайшим государственным секретом, который нельзя доверять каждому встречному. Чувство обиды должно было смениться чувством понимания. Но горький осадок все равно остался. Сначала они использовали Дронго, чтобы выяснить и доказать возможное участие Гельмута Гейтлера в подготовке покушения на руководителя государства, а когда он собственно вычислил этого генерала «Штази» и определил всю степень опасности его подключения к предполагаемому террористическому акту, с легкостью отстранили.

Дронго поехал вместе с Эдгаром в центр города, где они довольно долго бесцельно бродили по узким улочкам, разглядывая старинные здания и церкви. Часам к четырем оба сильно проголодались, но в это время почти все рестораны закрывались до семи вечера, и им пришлось зайти в небольшой китайский ресторанчик недалеко от виа Кондотти, открытый в это неурочное для итальянцев время.

– Джил придет в ужас, если узнает, что я обедал в китайском ресторане, – улыбнулся

Дронго. – Она считает, что лучшая кухня в мире – итальянская. И я почти с ней согласен. Хотя прежде мне более всего нравилась наша, бакинская.

– Это воспоминания детства, – отозвался Эдгар. – Знаешь, в Риме так тепло, что начинаешь забывать про морозы в Москве.

Мимо прошла группа громко разговаривающих и смеющихся итальянцев. Дронго, глядя на них, грустно усмехнулся.

– Они напоминают мне моих земляков, – признался он, – очень похожи. Я иногда закрываю глаза и чувствую себя почти дома.

– Мне не нравится твое состояние, – пробормотал Эдгар, – ты становишься меланхоликом.

– Уже стал. Ты просто не заметил.

– Наверное. Ты так переживаешь, что тебя отстранили? Но этого же следовало ожидать. Чего ты хотел? Чтобы они позволили тебе принять участие в таком проекте? Они правы, он связан с национальной безопасностью и никакой посторонний эксперт не может в нем участвовать. Извини, но мне кажется, ты не совсем прав.

– Знаю. Но Гейтлер слишком непредсказуем. И очень опасен. Они загонят его в угол, но не смогут остановить. Машина против кома-

ра. Они привычно задействуют весь арсенал спецслужб, но могут его не взять. Если я верно его вычислил, он будет действовать в одиночку. Опыт последних пятнадцати лет жизни этого человека научил его никому не доверять. Сначала он сбежал из ГДР, переехав в Советский Союз, затем сбежал из Москвы, потом его искали по всему миру, и только когда он вернулся в уже объединенную Германию, чтобы попрощаться с умирающей женой, его арестовали. А сейчас кто-то снова решил использовать его уникальный опыт. Невозможно вычислить человека, который никому не доверяет и ни с кем не работает. Он может придумать все, что угодно. А судя по его досье, этот человек настоящий гений в области организации террористических актов.

– Они знают о нем все и смогут его взять, – возразил Эдгар.

– Не уверен. Им сложно представить его чувства, его невыносимое состояние одиночества. Они будут действовать привычными методами, задействуя все организационные возможности. Помнишь, как у Богомолова, в его знаменитой книге «В августе сорок четвертого»? Контрразведчики из СМЕРША понимали тогда, что нельзя проводить общевойсковую операцию. Иногда нужны хирургические методы там, где хотят пройтись трактором.

— Тебе не разрешат вернуться, — напомнил Вейдеманис.

— Понимаю. Поэтому и сижу здесь, ожидая, кто первым нанесет удар. Я думаю, что Гейтлер уже действует, только пока его действий никто не замечает. Более того, я даже уверен в этом.

РОССИЯ. МОСКВА
4 февраля. Пятница

Эрика Франкарт прилетела в Москву утром четвертого февраля рейсом голландской компании «КЛМ» из Амстердама. Она переехала из Бельгии в Голландию, чтобы вылететь оттуда в Россию, получив визу сразу на месяц. В аэропорту Шереметьево-2 ее встречал Карл Гельван. Они были знакомы друг с другом, поэтому Эрика лишь кивнула ему и позволила взять свою объемистую сумку.

Они вышли из аэропорта и направились к стоянке, где Гельван оставил машину, по дороге почти не разговаривали. Карл удрученно думал о своей бывшей сотруднице, которую уже начали искать. Казалось бы, две посланные записки должны были успокоить ее родных, тем не менее на фирму уже заходил сотрудник милиции, куда обратилась мать про-

павшей молодой женщины. И хотя пока оснований для возбуждения уголовного дела не было, стало ясно, что рано или поздно милиция начнет планомерные поиски пропавшей и, возможно, нагрянет к ним в офис с обыском. Гельван даже не мог взять на место Ксении нового работника, чтобы не вызывать ненужных подозрений.

Эрика Франкарт впервые оказалась в Москве и вообще в России. Но местные достопримечательности ее не особо интересовали. Она знала, что прилетела сюда для работы. Дзевоньский всегда хорошо платил.

Гельван сразу повез ее за город, на дачу, где ее уже ждали Дзевоньский и Гейтлер. Эрика вошла в дом, поднялась в гостиную и замерла, глядя на обоих мужчин. Следом вошел Гельван, осторожно отпустил ее сумку на пол.

– Приехали, – почему-то объявил он.

– Здравствуй, Эрика, – по-немецки произнес Дзевоньский, – хорошо, что ты прилетела. Познакомься, это наш друг, герр Йозеф Шайнер из Праги. Он специалист по архитектуре.

Она сухо кивнула в знак приветствия. Высокая женщина с грубыми чертами лица. У нее были странные раскосые глаза и широкие скулы, словно среди ее предков затесались ази-

аты, пришедшие из далеких степей в Центральную Европу. На самом деле ее мать была венгеркой, и в Эрике Франкарт угадывались доставшиеся ей по наследству черты древних мадьяров и гуннов. Она работала с Дзевоньским уже несколько лет, он мог всецело положиться на ее исполнительность и добросовестность.

Гейтлеру женщина понравилась. Именно такой он себе ее и представлял, за исключением внешности. Но и здесь были свои плюсы. Ее можно было принять за гостью из Средней Азии, которых довольно много в последние годы появилось в Москве. Или за российскую гражданку из Башкирии.

В первый же день Эрика Франкарт спустилась вниз, и Абрамов с изумлением увидел, что вместо прежнего надзирателя у него теперь надзирательница. Мысли о побеге снова замелькали в голове. Но теперь он почему-то чувствовал постоянную слабость, еще не догадываясь, что в воду, которую он так жадно пьет, ему добавляют наркотики.

Вечером Дзевоньский спросил у своего напарника, как ему понравилась приехавшая гостья.

– Нормально, – откликнулся тот, – хотя увеличение числа людей всегда внушает мне опасения.

– Вашему плану это не повредит, – успокоил его Дзевоньский. – Кроме всего прочего она сможет ассистировать врачу, когда он здесь появится. Самое главное, что, кроме нас двоих, никто ничего не знает. Ни один человек. Даже хирург, который будет задействован в нашем проекте. Никто.

– Это единственное, что меня утешает, – буркнул Гейтлер.

РОССИЯ. МОСКВА
7 февраля. Понедельник

На этот раз Курыловичу забронировали одноместный номер в «Балчуге». Это было очень дорого и нерационально, но Дзевоньский считал, что часто прилетающий в Москву польский журналист должен останавливаться в разных отелях, чтобы не вызвать ненужных подозрений. Он приехал в отель на встречу с ним поздно вечером и был в плохом настроении. Незадолго перед этим Дзевоньскому позвонил заказчик и предложил встретиться через два дня в Кёльне, чтобы узнать последние новости от него самого.

Курылович, напротив, пребывал в прекрасном настроении, предвкушая приобретение следующих тридцати тысяч долларов, которые

он «снимет» с общей суммы в сто пятьдесят тысяч. Он был уверен, что получит эти деньги, и уже заранее распределил, куда и как их потратит. Но Дзевоньский приехал без традиционной сумки или «дипломата». Более того, в руках у него не было вообще ничего, и это Курыловичу не понравилось.

– Наш клиент плохо работает, – огорчил его Дзевоньский. Он оставил свое пальто в гардеробе ресторана и был в синем костюме при модном широком галстуке розового цвета.

Курылович, на котором любой костюм сидел мешковато, смотрелся в роскошных интерьерах пятизвездочного отеля нелепым грязным пятном. Он был в светло-голубой рубашке с узким галстуком, коричневом костюме. На ногах – тяжелые ботинки.

– Я с ним поговорю. – Курылович заерзал на стуле. – Мы четко договаривались, что он будет работать по этому журналисту. Не понимаю, что с ним происходит. Вы ведь раньше были довольны?

– По театру он отработал очень хорошо. А сейчас работает плохо. Мне кажется, Курылович, что он не совсем четко понял свою задачу. Или получил недостаточно денег.

Курылович беспокойно шевельнулся. Дзевоньский заметил, как напрягся его подопеч-

ный, почесал нос, стрельнул глазами в сторону. Было ясно, что Курылович «снимает» свои проценты с общей суммы. Дзевоньский нахмурился.

— Я думаю, вы должны немного изменить наше задание, — пояснил он, — необходимо более подробно рассказывать о жизни нашего героя, его семье. Я принес вам несколько сообщений, опубликованных в западных газетах о заложниках. Двое французских журналистов были захвачены в Ираке. И вот еще один случай, когда в том же Ираке освобождали итальянскую журналистку. Мы заинтересованы, чтобы сообщения об этих заложниках появились в здешних газетах. Сначала общим фоном, затем более конкретно. — Дзевоньский достал из кармана конверт с газетными вырезками на русском и английском языках.

Увидев конверт, Курылович встрепенулся. Может, и деньги ему принесли в таких конвертах, которые находятся во внутренних карманах генерала?

— Обязательно! — отозвался он почти радостно. — Холмский все сделает. Я ему передам, чтобы они упомянули эти факты, когда будут писать об исчезнувшем журналисте. Что-нибудь еще, пан Дзевоньский?

– Да, – улыбнулся тот, – еще узнайте номер его счета, чтобы мы могли переводить ему деньги непосредственно в банк. Мне кажется опасным передавать ему такие большие суммы наличными.

– Это неразумно, – быстро возразил Курылович, краснея от волнения. – Это очень неразумно с вашей стороны, пан Дзевоньский. По внутренним законам России любая сумма свыше двадцати тысяч долларов подлежит обязательной проверке. И обо всех подобных перечислениях сообщают в налоговую полицию. Перевод сразу ста пятидесяти тысяч долларов может вызвать подозрение.

– Ничего. – Дзевоньский видел, как нервничает его собеседник, и это, похоже, доставляло ему удовольствие. – Мы будем переводить ему небольшими порциями – по девятнадцать тысяч. Чтобы не подвергать его риску и не утруждать вас, пан Курылович.

– Мне кажется, наличными все-таки удобнее. – Курылович начал понимать, что его собеседник просто издевается над ним. – Но если вы так считаете...

– Хорошо, – вдруг согласился Дзевоньский, – завтра я сам поеду вместе с вами к Холмскому и передам ему деньги. Сто пятьдесят тысяч долларов? Или меньше? Какой

процент навара от этого имеете вы, пан Курылович?

– Как вы можете такое говорить? – попытался возмутиться Курылович. – Вы меня столько лет знаете...

– ...и вы всегда были мошенником, пан Курылович, – в тон ему ответил Дзевоньский. – Так сколько вы имеете? Двадцать пять процентов или пятьдесят? Я ведь все равно узнаю, но будет лучше, если вы расскажете мне сами.

– Двадцать процентов, – торопливо сообщил Курылович. – Только двадцать процентов. Это мои комиссионные, все по справедливости.

Дзевоньский негромко выругался и затем поднялся.

– Я вычту эту часть денег из вашего гонорара, – беззлобно сказал он, – и постарайтесь больше у меня не воровать. Это не хорошо, пан Курылович.

– Не буду, – сразу согласился Курылович, – но у меня большие траты. Приходится каждый раз бросать все мои дела в Варшаве и приезжать в Москву...

– Вы недовольны?

– Конечно доволен, но расходы...

– Поговорим об этом в следующий раз.

А пока постарайтесь выполнить наше задание. И доведите до сведения Холмского, что мы разочарованы его работой. Деньги получите завтра, на набережной, рядом с отелем, ровно в десять утра. И сделайте так, чтобы до Холмского дошла вся сумма. Хотя бы на этот раз, пан Курылович, иначе вы меня очень разочаруете.

На следующее утро Курылович получил следующие сто пятьдесят тысяч долларов. Он не смог удержаться и взял из них пять тысяч долларов, объяснив Холмскому, что снимет свои проценты в следующий раз. А заодно передал ему конверт с нужными сообщениями, которые должны были появиться в газетах.

Курылович был уже в Варшаве, когда газеты вновь запестрели материалами об исчезновении журналиста. В них уже более конкретно высказывались предположения, что журналиста похитили чеченские сепаратисты, которые не могли простить ему объективной позиции по освещению событий второй чеченской войны. При этом упоминались похищения в Ираке двух французских журналистов, отпущенных лишь после нескольких месяцев заключения, и итальянской журналистки, во время освобождения которой погиб офицер итальянских спецслужб.

Дзевоньский читал большую статью, опубликованную в «Комсомольской правде», уже находясь в самолете, вылетевшем из Москвы в Кёльн. Статья ему понравилась. Он аккуратно сложил газету, спрятав ее в карман.

ГЕРМАНИЯ. КЁЛЬН
9 февраля. Среда

Знаменитый Кёльнский собор находится рядом с железнодорожным вокзалом, и на площади перед ним всегда много народа.

Дзевоньский тревожно огляделся. В последние дни он чувствовал себя не совсем нормально. Сказывалось напряжение последних месяцев. В Москве на уютной даче, рядом с охранниками и своими помощниками, он ощущал себя гораздо увереннее. Хотя и так сказать нельзя. Спокойно ему не было уже давно. Сначала этот обидный прокол с Уордом Хеккетом, который не должен был отказаться и тем не менее отказался принять его предложение. Правда, ликвидация Хеккета была не самым трудным заданием для его людей. Потом эти розыски другого кандидата. Зато генерал Гельмут Гейтлер оказался самой подходящей фигурой. Придуманный им план – неординарный и дерзкий. Дзевоньский сразу понял, что у них

появились шансы на успех. Но с этой минуты уже больше не чувствовал себя в полной безопасности, хорошо осознавая, на какую безумную затею они решились.

На площади наконец появился тот самый человек, который платил ему эти огромные деньги. Дзевоньский шагнул к нему, но человек резко повернулся и пошел в другую сторону. Дзевоньский поспешил за ним, догадавшись, что заказчик просто не хочет разговаривать на этой шумной площади. Они прошли два квартала, прежде чем он наконец обернулся и позволил Дзевоньскому подойти. На нем был длинный темный плащ и несколько старомодная шляпа, словно он появился здесь из старых шпионских фильмов. Этому человеку было лет шестьдесят. Или чуть больше. При первой встрече он представился Дзевоньскому Андреем Михайловичем.

– Добрый день. – Разговор шел на русском языке.

– Здравствуйте. – Андрей Михайлович оглянулся. Он опасался не меньше Дзевоньского, но сразу перешел в наступление: – Что у вас происходит? Почему все так долго? Вы возитесь уже несколько месяцев. Или вам мало платят?

– Дело не в деньгах, – принялся объяснять

Дзевоньский, – мы готовим очень серьезную операцию, почти исключительную, которая может остаться в истории работы спецслужб. Поэтому не стоит нас торопить. Наш друг «архитектор» знает, как нужно работать.

– Вы хотите сказать, что вся эта операция может затянуться еще на полгода?

– Нет. Нам нужен месяц, от силы два. Это на основной вариант. На резервный – еще столько.

– У вас есть резервный вариант? – усмехнулся Андрей Михайлович и недовольно поднял голову – начинался дождь.

В руках у Дзевоньского был зонт, но он его пока не раскрывал.

– Наш «архитектор» предусмотрел два варианта, – тихо пояснил он, – основной и резервный. Мы готовим оба. Если все пройдет нормально, то через два, максимум три месяца ваша «проблема» будет решена.

Андрей Михайлович, глянув на него, снял очки, протер стекла. Не спеша надел очки снова.

– Кто знает об основном плане? – спросил он.

– Только я и наш «архитектор», – ответил Дзевоньский.

– А о резервном?

– Только он.

Андрей Михайлович нахмурился. Ответы должны были ему понравиться, но он нахмурился.

– Вы ему так доверяете?

– Его семья осталась в Берлине, – напомнил Дзевоньский, – они под нашим контролем. Он все правильно понимает. Если провалится основной план, я уеду из Москвы, а он останется. Мы купили ему несколько новых российских паспортов.

– Номера у вас есть?

– Конечно.

Андрей Михайлович снова оглянулся. На улице почти никого не было. Неподалеку перебегали дорогу две молодые девушки.

– Мы ждем непозволительно долго, – негромко проговорил он, – слишком долго. Будем считать, что три месяца – это самый крайний срок. Мы деловые люди, Дзевоньский, и не собираемся тратить миллионы денег на ваши прогулки в Москву и обратно. Мы вложили уже очень крупные суммы и ждем результата. Никаких отсрочек. Я принципиально не хочу знать, что именно вы придумали. Но три месяца – самый крайний срок. *Он* нам слишком мешает. Вы меня понимаете, Дзевоньский? Из-за вашей нерасторопности мы теряем гораздо больше, чем сотни миллионов

долларов. Мы теряем нашу репутацию, наших деловых партнеров, веру друзей в наши возможности. И наконец инвестиции, которые могут появиться в нашей стране, если там кардинально изменится политическая ситуация. И все это зависит от вас и от вашего «архитектора», господин Дзевоньский. Поэтому постарайтесь понять наше нетерпение. И сделайте так, чтобы мы больше не встречались. Это мое самое большое желание...

РОССИЯ. МОСКВА
13 февраля. Воскресенье

Следующий день отмечался как День святого Валентина, который в России постепенно превратился в общенациональный праздник всех влюбленных, а из нее перекинулся и на другие республики бывшей страны. Теперь день влюбленных начали отмечать даже в мусульманских республиках Средней Азии и Кавказа, воспринимая его настолько светлым и радостным, что он просто утратил свое историческое происхождение от совершенно иной религиозной конфессии.

В воскресенье президент не выезжал на работу в Кремль, предпочитая работать с документами на даче, куда ему привозили все неот-

ложные бумаги. В этот день он встал привычно рано, позавтракал и прошел в свой рабочий кабинет просмотреть поступившие сообщения. Среди них оказался доклад Генерального прокурора страны о налоговых преступлениях в компании «АКОС». Справка была снабжена пометкой «для служебного пользования». Изучая ее, президент все больше и больше хмурился. Прокурор откровенно писал о миллиардах долларов, уведенных в оффшоры, о миллиардах долларов, украденных у государства и присвоенных группой владельцев «АКОСА». Дочитав до конца, президент отложил бумагу в сторону, но затем, немного подумав, снова перечитал документ.

Несколько владельцев компании были арестованы, некоторые успели сбежать в Америку и Израиль... В связи с этим президент вспомнил, что два дня назад руководство ФСБ докладывало ему о полученных оперативным путем сведениях насчет группы олигархов, готовых профинансировать план физического устранения главы государства. Это был прямой вызов. Впрочем, он точно знал, как к нему относятся эти олигархи. Он и сам относился к ним ничуть не лучше.

Президент снова посмотрел на лежавший перед ним доклад Генерального прокурора.

Конечно, все эти олигархи уверены в своей безнаказанности. Незаслуженно получив миллиарды долларов, они возомнили себя самыми умными, самыми деловыми, самыми проницательными людьми в мире. Хотя, сделав за несколько лет неслыханные состояния, они даже не умели ими толком распорядиться, вызывая гнев у своих соотечественников и смех у иностранцев.

Все началось в девяносто шестом году, когда рейтинг прежнего президента стал невероятным низким. Неприлично низким – в несколько процентов. Тогда казалось, что остановить лидера коммунистов будет практически невозможно. Многие даже советовали отменить президентские выборы. К тому же старый президент был тяжело болен, ему требовалась срочная операция на сердце, о которой многие даже не догадывались.

Стало ясно, что без серьезных финансовых вливаний проблему выборов президента решить невозможно. И тогда было решено передать крупные пакеты государственной собственности в руки молодых пронырливых бизнесменов, обещавших найти деньги на финансирование президентских выборов. Была даже создана новая нефтяная компания. План разрабатывал один из олигархов, оказав-

шийся самым близким к семье предыдущего президента человеком – Глеб Жуковский.

По схеме Жуковского государственные предприятия передавались новым миллиардерам буквально за гроши. А те, в свою очередь, обязались финансировать предвыборную президентскую кампанию. По существу, это был самый настоящий обман. Денег у скороспелых нуворишей не было и не могло быть. Они закладывали свою собственность, доставшуюся им даром, и получали деньги у государства, отдавая их на президентскую кампанию.

Были потрачены миллионы долларов, еще больше – украдено. Когда руководители спецслужб решили приостановить эту деятельность, задержав двоих представителей избирательного штаба с коробкой из-под ксерокса, набитой пачками долларов, их просто прогнали, решив, что победа на выборах должна быть достигнута любой ценой. Сыграла свою роль и дочь прежнего президента, ставшая советником отца. Через нее многие будущие олигархи давили на главу государства, объясняя, что выбор может быть сделан в пользу лидера коммунистов. Одному из олигархов, Лебединскому, даже подарили телевизионный канал для успешной борьбы с коммунистами.

Президент убрал от себя самых близких ему людей и решил до конца пройти свой «крестный путь» с группой Жуковского. С одной стороны действовала эта группа будущих олигархов, сколотивших всего за несколько лет миллиардные состояния. А с другой – группа Мумбайса, циничного и ловкого царедворца, который традиционно возглавлял правую неолиберальную группу. Проведя исключительно неудачные реформы в начале девяностых годов, разорив почти всю страну, обманув миллионы своих сограждан, Мумбайс и его группа были готовы на любые подлоги, любой обман, чтобы только оставить у власти прежнего президента и не отвечать за свои действия по ограблению миллионов соотечественников.

В девяносто шестом выборы оказались самыми скандальными и бессовестными в многолетней истории страны. Они были построены на сплошном обмане. Благодаря невероятным финансовым вливаниям, группе зарубежных советников, помощи новых олигархов и успешной организационной деятельности группы Мумбайса президента удалось протащить во второй тур. Но здесь произошло неожиданное. Он просто выдохся и попал в больницу. Объявить кандидата недееспособным означало проиграть выборы. И тогда от избирателей просто

скрыли этот факт. По телевизору показали прежнее обращение президента, по каналам крутили старые записи. Сказалась и поддержка третьего кандидата – патриотически настроенного генерала. Генерал был честным солдатом, но глупым политиком. Ему пообещали кресло преемника и даже назначили на ответственный пост. Патриоты были расколоты, и часть из них поверила генералу, проголосовав за старого президента.

Выборы еще не закончились, когда президент попал в больницу. Операция на сердце прошла удачно, а про обман уже никто и не вспоминал. Зато результатом выборов девяносто шестого года стало появление в стране целой группы молодых и ловких людей, быстро ставших миллиардерами. К тому же в стране был зафиксирован твердый обменный курс доллара к рублю. Начался период невиданного обогащения молодых олигархов. Они давали в долг государству его же деньги под огромные проценты и получали неслыханные дивиденды. Многомиллиардные кредиты разворовывались, едва поступив в страну. Жуковский и его компания стали самыми богатыми людьми не только в стране, но и вошли в престижный клуб миллиардеров «Форбса». Они, не стесняясь, покупали политиков – минист-

ров, депутатов, губернаторов. Несколько олигархов начали диктовать свои условия главе государства.

Даже невероятный по своим масштабам кризис девяносто восьмого года не сумел выбить их из колеи. Многие из тех, кто был близок к Жуковскому и Мумбайсу, заранее узнали о грядущем дефолте. И успели поменять свои деньги в пропорции шесть к одному, чтобы через несколько дней продать те же деньги уже в четыре раза дороже. Но не все было так гладко. В сентябре во главе правительства оказался бывший руководитель разведки и бывший глава Министерства иностранных дел, известный своей принципиальной позицией. Став премьер-министром в самое сложное для страны время, он попытался несколько ограничить права олигархов. Он был одним из самых информированных людей в стране, понимал причины дефолта и его последствия. Этот человек не побоялся бросить вызов самым богатым и влиятельным людям государства. И тогда они объявили ему самую настоящую войну.

Олигархи поняли, что новый премьер представляет для них страшную угрозу. Они считали себя самыми разумными и самыми проницательными людьми в стране. Незаслуженно полученные миллиарды усыпили их

бдительность. Новые выборы старый президент уже не смог бы выиграть ни при каких обстоятельствах. К тому же он был серьезно болен. И поэтому с подачи олигархов было решено передать страну в руки надежного преемника, который сумеет защитить камарилью, окружавшую старого президента. Они долго выбирали, стараясь найти кандидатуру, способную противостоять премьеру. При этом среди олигархов было достаточное количество умных людей, которые понимали, что выдвинуть кандидата из собственной среды означает обречь его на поражение. И тогда выбор пал на незаметного, скромного руководителя ФСБ, лишь недавно переведенного туда из аппарата президента.

Им казалось, что этот исполнительный и дисциплинированный кандидат сумеет стать надежным защитником их интересов. Они все еще видели в нем бывшего помощника Кобчака, скромного и спокойного чиновника. К тому же он был представителем тех самых спецслужб, которых они все-таки опасались. Его назначили в сентябре руководителем правительства, а через несколько месяцев прежний президент объявил о своей отставке.

На избрание нового президента олигархи бросили весь свой ресурс. Его соперников про-

сто размазывали на всех каналах телевидения. Почти все средства массовой информации были на стороне нового кандидата. Для победы были задействованы лучшие аналитические агентства и новейшие достижения пиар-технологий. Борьба велась настолько неприлично, что у остальных кандидатов просто не было никаких шансов. Но все же победа досталась трудно – новый президент получил только чуть больше пятидесяти двух процентов.

Олигархам казалось, что они победили. Им было трудно просчитать, что новый кандидат окажется «могильщиком» той системы, которую они так усердно выстраивали. И дело не в том, что ранее он работал в спецслужбах. Новый президент видел, как разворовывали государство, понимал, насколько интересы олигархов не совпадают с интересами большинства населения страны. К тому же они начали активно вмешиваться в политику, по существу разваливая государство на региональные островки.

Нужно было либо укреплять государство, а значит, и собственную власть, либо наблюдать, как все рушится. Олигархи просчитались, он оказался умнее, чем они полагали. И гораздо сильнее. Поначалу ему пришлось сложно, сказывалось отсутствие опыта. Но ди-

лемма, стоящая перед ним, была очевидна. Либо олигархическое государство под властью кучки ненавистных всем нуворишей и дальнейший распад страны – либо укрепление государственности, введение жесткой властной вертикали и ослабление позиций олигархов. Они были более опасны для государства, чем все террористические акции, вместе взятые. Они пытались подменить собой государство, все его законодательные, исполнительные и судебные органы.

Ему было трудно еще и потому, что приходилось все время лавировать. С одной стороны, сохранять определенную верность традициям ушедшего президента, стараясь не трогать его семью и наиболее приближенных к ней олигархов. А с другой, чтобы государство не рухнуло совсем, незаметно, по кирпичику, разбирать эту старую систему, заменяя ее монолитными блоками новой государственности. Но сначала нужно было избавиться от «делателя королей» – главного олигарха Глеба Жуковского, который в глазах миллионов людей олицетворял собой прежнюю систему, основанную на абсолютной безнравственности. Новый президент знал, какие деньги вложил Жуковский в его избрание. Но он четко понимал, что нельзя позволять ему и дальше развра-

щать политиков, превращая их в марионеток собственных интересов.

Его не арестовали. Процесс над этим олигархом мог вызвать самый настоящий скандал, если бы он вдруг вздумал заговорить. Поэтому ему позволили уехать и обосноваться в Лондоне. Затем начали выживать следующего одиозного олигарха – Лебединского, уже имевшего в середине девяностых годов конфликты с представителями силовых структур прежнего президента. Лебединского даже арестовали, чтобы продемонстрировать решимость новой власти действовать до конца. И вырвали из его рук тот самый канал, метровую частоту которого ему подарил прежний президент. Группа независимых журналистов перешла на шестой канал, но и этот канал через некоторое время оказался закрыт.

Лебединский все правильно понял. Он благоразумно уехал, сначала в Испанию, а затем перебрался в Израиль.

Конечно, у обоих уехавших олигархов оставалась их многомиллионная собственность, недвижимость, часто переписанная на другие имена. Но они уже не могли влиять на принятие государственных решений и на политику государства. Находясь в вынужденной эмиграции, олигархи оказались в изоляции от про-

цессов, происходящих в стране. Их собственность постепенно переходила в другие руки, а их влияние – соответственно падало. Президент начал укреплять властные структуры, поднимать престиж силовых органов, формировать новый парламент, новое правительство, более ответственное перед главой государства и не исполняющее более волю одиозных личностей. Ему пришлось даже терпеть несколько лет во главе правительства прямого представителя прежней семьи, которого он не мог сразу убрать. И лишь по прошествии некоторого времени сменил его на свою кандидатуру – исполнительного и аккуратного чиновника безо всяких политических амбиций.

Казалось, остальные олигархи поймут, как нужно себя вести, примут новые правила игры. Но здесь произошло самое неприятное. Среди оставшихся нуворишей был человек, считавшийся самым богатым в стране и одним из самых обеспеченных людей в мире. Умный, работоспособный, энергичный, красивый, он создал компанию «АКОС», ставшую одной из самых крупных нефтяных компаний мира. Этот олигарх был готов идти и дальше, заключая соглашения с остальными компаниями и поглощая их, чтобы выстроить новый холдинг, который мог бы стать одним из крупнейших в мире.

Олигарха звали Михаил Кочуровский. Он даже не скрывал, что покупает голоса нужных ему депутатов Государственной Думы, лоббирует прохождение новых законов, умеет находить общий язык с членами правительства. Президент все время получал информацию о нарушениях в этой компании, о невероятных политических амбициях самого богатого человека в стране.

Президент не реагировал на доклады своего окружения. Среди тех, кто собрался вокруг него, были в основном люди из бывших силовых структур. Они также ненавидели олигархов, считая их зарвавшимися нуворишами. Если бывшие комсомольские работники и партаппаратчики сумели захватить большую часть государственной собственности, то этой группе людей почти ничего не досталось. В начале девяностых выходцев из спецслужб не очень-то жаловали. К тому же среди них было немало порядочных, честных, знающих людей, недовольных развалом прежнего государства и систематическим грабежом нынешнего. Среди них было много «государственников», считавших, что страна не может быть отдана на откуп группе олигархов.

Последний удар Кочуровский нанес себе сам. Во время поездки в Соединенные Штаты

он имел несколько встреч с американскими бизнесменами и политиками. На этих встречах самый богатый человек страны откровенно говорил о необходимости смены курса, пренебрежительно высказывался о действующих политиках, обещая принятие новых законов, нужных его компании. Он не скрывал, что вкладывает деньги и в правую и в левую оппозиции. И даже не скрывал своего снисходительного отношения к нынешней власти. Для олигарха, владеющего миллиардами долларов, все остальные люди, не сумевшие заработать даже миллиона, представлялись не очень толковыми и совсем не серьезными людьми. Но он допустил небольшую ошибку. Его разговоры были переданы в Москву. Это любезно сделали американцы, решившие, что дружба с новым президентом гораздо выгоднее дружбы с олигархом, мечтающим о создании компании мирового уровня и становившимся основным конкурентом их собственным нуворишам.

Судьба Кочуровского была предопределена. С ним хотели поступить, как и с остальными. Сначала предоставить ему возможность уехать, а затем спокойно развалить его холдинг. Но он проявил упрямство. Ему все еще казалось, что ничего не потеряно. Самый богатый

человек страны решил выступить против политической системы этой страны. И проиграл. Безжалостная прокурорско-судебная машина была приведена в действие.

Кочуровского арестовали. Ему предъявили обвинения в хищении миллиардов долларов, неуплате налогов, подделке документов. По этим статьям можно было смело арестовывать и сажать любого из олигархов. Среди них не было ни одного, у кого при желании нельзя было бы найти таких же нарушений. На примере Михаила Кочуровского власть хотела продемонстрировать свои силу и решимость идти до конца. Собственно, речь шла не об амбициях самого олигарха. Речь шла о нормальном функционировании государственных структур, которые не должны зависеть от прихоти и миллиардов одного человека.

Компания Кочуровского была разорена, его миллиарды стали собственностью государства, его предприятия передали другим компаниям, сделка о слиянии с которыми была заранее объявлена, но не состоялась. Были арестованы некоторые из его компаньонов, остальные успели сбежать. Это был самый важный и самый главный удар по всей прежней системе олигархического правления. Кочуровский невольно стал главной жертвой, приняв удар на себя. Как у бо-

лее молодого по сравнению с Жуковским и Лебединским, у него было больше амбиций, больше воли, больше сил. И он решил остаться, чтобы бросить вызов. Но государство ответило на его вызов своим. Чтобы отныне каждый живущий в стране олигарх точно знал, что не имеет права возвышаться над этой машиной. Отныне каждый из оставшихся нуворишей должен понимать – правила игры изменились. Нет больше кучки людей, диктующих свои законы государству. Есть сильное государство во главе с президентом, которое само диктует правила игры. Это был самый важный шаг в сторону укрепления стабильности страны.

Президент еще раз посмотрел на лежащий перед ним доклад. В конце его Генеральный прокурор предлагал варианты развития ситуации.

Президент взял ручку и быстро написал только одно слово: «Согласен». И размашисто расписался.

ИТАЛИЯ. РИМ
15–17 февраля. Вторник–четверг

По-настоящему характер личности проявляется в сложные времена. Они умножают способности человека, закаляя сильных и подавляя слабых. Оставшийся без конкретного дела, Дронго решил не сдаваться. Благо сво-

бодного времени у него теперь было много. Он часами сидел перед компьютером, просматривая последние сообщения из Москвы, читая газеты и журналы посредством Интернета, изучая новости последних дней.

В этот день проснувшись, как обычно, достаточно поздно для утреннего завтрака, он сразу же прошел в кабинет. Джил была довольна, что он так долго остается рядом с ней, но даже в этот период он не нарушил собственных правил, ночуя в отдельной спальне и засыпая привычно поздно. Ему не хотелось менять распорядка дня Джил и детей.

Присев за столик, Дронго вошел в Интернет и начал просматривать ежедневные российские газеты. Неожиданно он обратил внимание на одну конкретную статью. Она заканчивалась на следующей странице. Дочитав до конца, Дронго с удивлением обнаружил, что автором ее является известный журналист Горбунков, постоянно выступающий в этой газете. Дронго задумался. Горбунков написал смелую, полемичную статью. Сделал нужные обобщения, некоторые верные выводы. Но сама статья была тенденциозна, пристрастна. Горбунков рассказывал о поисках исчезнувшего журналиста, используя сочные образы и запоминающиеся эпитеты.

Дронго перечитал статью еще раз и нахмурился. Он знал, что Горбункова не очень уважают в Москве, считая его умелым наемником, способным выполнить любой заказ. И почему вдруг Горбунков так пишет о своем коллеге? Откуда такой пафос, такое желание сделать из пропавшего журналиста почти икону, на которую следует молиться? Или Горбунков уже изменил собственным принципам? Дронго перечитал статью в третий раз, найдя все эпитеты в адрес Абрамова настолько комплиментарными, что невольно возникала мысль: Горбункову кто-то посоветовал написать именно так.

Что-то похожее Дронго уже читал несколько месяцев назад. Он попытался вспомнить. О чем мог тогда писать Горбунков? Помнится, Дронго еще очень удивился, полагая, что интересы Горбункова лежат в несколько иной плоскости. В какой? Нужно вспомнить. Хотя почему нужно? Есть такая удобная штука, как Интернет. Можно проверить, какие статьи опубликовал Горбунков за последние несколько месяцев. Дронго начал поиск и уже через несколько минут знал, что в декабре Горбунков написал большую статью о прекрасном спектакле Андрона Сончаловского в Московском Художественном театре. Дронго распечатал

статью. Обычно Горбунков по заказу определенных лиц выдавал компромат на конкретных политиков или деятелей культуры, а здесь вдруг заделался искусствоведом и вот с восторгом написал о коллеге.

Дронго внимательно прочитал статью Горбункова о спектакле, в которой он с восторгом расписывал его достоинства, режиссерские находки и прекрасную игру актеров. И вдруг каким-то шестым чувством понял, что на самом деле автора не интересует ни этот спектакль, ни его исполнители – все написано на одной голой технике, очевидно, журналист выполнял чей-то заказ.

Заказ? Дронго задумался. Сначала Горбунков так подробно описывает достоинства спектакля Сончаловского, а спустя некоторое время выдает восторженную статью о своем бывшем коллеге. Спокойно. Здесь есть что-то настораживающее. Дронго помнил о происшествии в театре, когда во время спектакля, на котором присутствовал президент, там объявился какой-то Иголкин.

Наверняка служба безопасности президента не интересуется подобными статьями. У них и без того много работы. Но вот два опуса Горбункова, явно написанные по заказу, привлекают внимание. Допустим, в первом

случае реакцией на такую статью было появление президента на нашумевшем спектакле. А во втором? Нужно подумать, кому и зачем было выгодно заказать Горбункову статью об исчезнувшем журналисте.

Дронго снова ввел систему поиска. В декабре во многих московских газетах появились рецензии на спектакль Сончаловского. В некоторых газетах они носили абсолютно рекламный характер, хотя и подавались как объективная критика. И чем больше он читал, тем больше убеждался, что кто-то словно управлял этим массированным появлением одинаково хвалебных и рекламных выступлений в разных газетах. Дронго решил сравнить. В популярном еженедельнике журналист Лиховцева опубликовала в декабре материал о прекрасной игре актеров в спектакле, поставленном Сончаловским. В июне тот же еженедельник напечатал ее статью, имеющую явно рекламный характер, о пользе пищевых добавок. Даже непосвященному читателю понятно, что такой материал может быть только заказным. И вот одиннадцатого февраля выходит проникновенный рассказ о пропавшем друге, как она называет Абрамова. Достаточно прочесть несколько ее статей, чтобы понять, как далека эта женщина от

добрых чувств вообще и тем более к конкретному журналисту.

Дронго распечатал все статьи Лиховцевой за последние три года. И нашел то, что искал. Два года назад она гневно отчитывала Абрамова за его якобы нейтральную и независимую позицию по атомным станциям. Было отчетливо видно, как несправедливы ее упреки к Абрамову, сделавшему специальный репортаж для телевидения. А теперь она пишет о своем «пропавшем друге». Дронго почувствовал тот легкий азарт, который бывает у опытных охотников, когда они выходят на след зверя – предчувствие верной удачи.

Лиховцева написала об Абрамове большую статью. При этом вспоминала о двух французских журналистах, похищенных в Ираке, подробно рассказав, как несколько месяцев все французские средства массовой информации внимательно следили за их судьбой. Были задействованы дипломаты Министерства иностранных дел, специалисты в области внешней разведки, парламентарии, члены правительства, сам президент. Но освобождение было трудным. По некоторым данным, за журналистов был уплачен выкуп. По другим – их освобождение стало возможным в результате договоренности между представителями мусуль-

манского духовенства во Франции и в Сирии, с одной стороны, и шиитскими священнослужителями в Ираке — с другой.

Дронго обратил внимание, что Лиховцева особо подчеркнула значимость личного вмешательства президента республики, который встречал освобожденных журналистов как национальных героев. Увлекшись, он даже не услышал, как Джил позвала его обедать, настолько его захватил поиск истины.

Дронго начал сверку параллельных статей, обращая внимание на все сообщения об удачном спектакле Сончаловского. Вскоре ему стало очевидно, что была подготовлена и проведена настоящая рекламная кампания. Статьи появлялись в разных газетах, но иногда под одними и теми же фамилиями наиболее одиозных журналистов, известных всей Москве своей продажностью и непорядочностью.

Он не стал обедать и забыл про ужин, практически весь день просидев за компьютером. Зато к вечеру он уже точно знал, что в конце прошлого года была проведена умелая кампания по рекламе спектакля Андрона Сончаловского «Чайка». И уже не сомневался: именно она вызвала появление президента с супругой в театре, где и произошло последовавшее нападение Иголкина.

А в конце января, когда исчез известный тележурналист Павел Абрамов, практически сразу же началась новая скрытая кампания – теперь уже по его «раскрутке». Непонятно, кто стоял за этим и какие цели преследовал. Но Абрамова «назначили» новым телевизионным гением, его репортажи подавались как вершины мастерства, а работа в кадре – как пример остальным тележурналистам.

Даже после беглого сравнения этих кампаний можно было сделать вывод, что заказчиками в обоих случаях были одни и те же лица. Одни и те же журналисты публиковали статьи в одних и тех же изданиях. Дронго ввел поиск слова «президент». В первом случае, во время рекламы спектакля, это слово не упоминалось ни разу. Он ввел слово «власть» и обратил внимание, что дважды журналисты советовали властям посетить этот спектакль, чтобы поддержать театры, состоящие на государственных дотациях.

Затем Дронго ввел слово «президент» еще раз, чтобы найти его во второй рекламной кампании, посвященной добродетелям исчезнувшего журналиста. Но оно нигде не упоминалось за исключением статьи Лиховцевой. Тогда он распечатал и прочел еще несколько последних статей об Абрамове. Кроме слезли-

вых упоминаний о семье журналиста и его несомненных профессиональных достоинствах, в одной из последних публикаций тот же Горбунков вспоминал о том, как в Ираке была похищена итальянская журналистка. Когда ее освобождали, был случайно убит итальянский офицер, заслонивший собой заложницу от выстрелов американских солдат. Труп погибшего и спасенную журналистку в аэропорту встречал сам премьер-министр Италии Сильвио Берлускони.

Прочитав эти строки, Дронго устало откинулся на спинку кресла. Нужно знать государственное устройство европейских стран, чтобы понять разницу. В России главой государства, имеющим реальную власть, является президент. Во Франции – некий симбиоз смешанного правления, при котором президент имеет определяющую власть. А в Италии реальный глава – это премьер-министр, даже при наличии президента, выполняющего в основном представительские функции, как и в Германии. Поэтому последнюю статью Горбункова можно было рассматривать несколько иначе, поменяв слово «премьер-министр» на слово «президент». Похоже, кто-то неизвестный, но достаточно умный очень последовательно и тонко пытался внушить всем, что поисками

пропавшего журналиста должен заниматься непосредственно глава государства. Интересно зачем? И кому нужна такая кампания?

Пять или шесть раз Дронго приносили в кабинет чай, а он продолжал работать. Джил, понимая, что он занят, больше его не беспокоила. Вечером, когда на часах было уже около десяти, он наконец поднялся из-за стола и отправился есть, хотя чуть позже не смог бы вспомнить, что именно съел. Вернувшись к компьютеру, Дронго снова принялся проверять свою версию. Спать он лег только утром. А на следующий день вновь сел за стол, понимая, насколько невероятной может выглядеть его версия. Но к вечеру этого дня он был убежден в своей правоте.

Единственная закавыка состояла в том, что в эту версию не совсем укладывалось сомнительное появление в театре Иголкина. Этот тип выглядел абсолютно лишним элементом в той сложной конструкции, которую пытались выстроить неведомые заказчики. Но Иголкин все-таки появился, и следовало понять: было ли это продуманной игрой, или возник тот самый дополнительный фактор, который невольно сыграл на неведомых заказчиков, сделав их позиции почти неуязвимыми.

Дронго отлично сознавал, что он рискует, пытаясь снова вмешаться в возможное противостояние между неизвестными заказчиками этих рекламных кампаний и спецслужбами, призванными обеспечивать безопасность главы государства. Но сидеть и молчать не мог. У него был другой характер. И поэтому он все-таки решил позвонить.

На третий день Дронго наконец взял телефон и набрал знакомый номер. Телефон не отвечал. Он опустил руку и задумался. Может, набрать другой номер? Дронго не любил звонить на мобильные телефоны, понимая, какими занятыми могут оказаться их владельцы. Но это был явно не тот случай. Придется звонить. И он набрал номер мобильного телефона генерала Машкова.

– Слушаю, – сразу же ответил Виктор. Номер его личного телефона был известен очень небольшому числу близких людей.

– Это я, – торопливо проговорил Дронго, – мне кажется, что у меня есть для тебя чрезвычайные новости.

– Мы договорились, что ты больше не занимаешься этим делом. Давай закончим наш разговор, пока мы его еще не начали. У нас работает большая группа специалистов...

– Они заняты не тем, чем нужно, – пере-

бил его Дронго, – у меня появились другие сведения...

– Я тебя просил...

– Послушайте меня, генерал, – разозлился Дронго, переходя на «вы», – неужели вы считаете, что я настолько глуп, чтобы звонить вам после того, как вы меня выгнали из Москвы, просто поболтать? Неужели вы считаете, что я позвонил бы, не будучи абсолютно уверенным в своих предположениях?

– Что случилось? – спросил Машков.

– Речь идет о безопасности президента. Мне кажется, я начинаю понимать, как работает генерал Гейтлер...

– Не нужно по телефону, – напомнил Машков.

– Уже поздно. Он работает, готовится нанести удар. Мне нужно срочно вернуться в Москву. Уже завтра. Алло! Ты меня слышишь?

Машков молчал. Долго молчал.

– Если ты ошибаешься, – наконец выдавил он, – будет очень неприятно. Тебя больше не выпустят из страны. Ты это понимаешь?

– Я не ошибаюсь. Если все проверить, ты сможешь сам убедиться. Он уже действует, я в этом уверен. И вам его сложно вычислить. Вы пытаетесь искать его традиционными ме-

тодами, а он решил нанести удар там, где вы совсем не ждете. Я завтра вернусь в Москву.

– Хорошо, – согласился Машков, – мы встретим тебя в аэропорту.

Дронго убрал телефон и выключил компьютер. Но еще долго сидел перед погасшим экраном, о чем-то размышляя.

РОССИЯ. ПЯТИГОРСК
16 февраля. Среда

В этот день Карл Гельван вылетел на Кавказ, в Минеральные Воды. В его сумке не было ничего необычного, если не считать дешевой модели мобильного телефона «Нокия», который он приобрел за день до того в одном из подмосковных магазинов. Гейтлер категорически приказал передвигаться только поездом, но накануне Карл немного задержался у своей знакомой и на поезд опоздал. Чтобы нагнать время, он приобрел билет на самолет, вылетев в Минеральные Воды семьсот третьим рейсом «Аэрофлота». Гейтлеру и Дзевоньскому он ничего не сказал, даже не подозревая, какую ошибку совершает.

Прилетев в Минеральные Воды, Гельван на такси поехал в Пятигорск. В центре города он отпустил машину, огляделся, прошел к ска-

мейке, стоящей у входа в парк, и достал телефон. По плану Гейтлера он должен был позвонить ровно в шестнадцать часов. Когда стрелки часов добрались до цифр четыре и двенадцать, он набрал номер домашнего телефона Павла Абрамова. И довольно долго ждал, пока наконец ему не ответили. Голос принадлежал пожилой женщине. Карл нахмурился. По разработанному плану он должен был сначала переговорить с женой журналиста.

– Алло, – тревожно сказала женщина, – я вас слушаю.

– Здравствуйте, – Гельван старался говорить без акцента, – можно поговорить с Леной? – назвал он имя супруги Павла.

– Ее нет дома, а кто спрашивает?

– Я перезвоню. – Карл отключился.

Такой вариант был предусмотрен планом Гейтлера. Они понимали, что могут сразу не найти нужного человека. На этот случай у Гельвана был другой номер телефона. Долго не раздумывая, он набрал его.

– Слушаю вас, – ответили ему почти сразу. Это был номер телефона в группе Абрамова.

– Телестудия? – уточнил Карл.

– Да. Что вам нужно?

– Я звоню по поручению Павла Абрамова, – стараясь четко выговаривать слова, сооб-

щил Гельван. – Не пытайтесь прервать разговор или записать мои слова. Абрамов находится у нас. Мы позвоним вам ровно через восемь дней. Наши условия – передать нам пять миллионов долларов за его освобождение и зачитать по вашему каналу наши требования. До свидания.

– Подождите, – крикнул молодой человек, ошеломленный услышанным, но Карл уже отключился.

Затем он поднялся, вынул сим-карту, выбросил аппарат в мусорный ящик и перешел площадь, чтобы взять такси и поехать на вокзал. Через час он уже сидел в купе скорого поезда, едущего в Москву.

РОССИЯ. МОСКВА
17 февраля. Четверг

В последние дни Абрамов чувствовал общую слабость. Ему все время хотелось спать. Было стойкое ощущение нехватки воздуха, он часто задыхался по ночам. Иногда Павлу снилось солнце. Несколько дней назад он обнаружил камеру, прикрепленную к верхнему кронштейну. Журналиста все время мучил вопрос: каким образом прежний надзиратель сумел догадаться о его действиях? Почему не

среагировал на громкий звук разбившейся лампочки, почему был готов к неожиданно наступившей темноте? Несмотря на вялые мышцы и длительный сон, Павел сумел понять, что за ним наблюдают. Камеру могли спрятать только наверху, чтобы она охватывала все помещение. Иногда, просыпаясь по ночам, он поднимался и пытался передвигаться по подвальному помещению. Тогда-то он и обнаружил небольшую камеру и теперь точно знал, что за ним наблюдают и могут видеть каждое его движение.

Осознание этого факта не сулило ничего хорошего. Наоборот. Теперь он точно знал, что его охраняют как минимум несколько человек, один из которых, видимо, все время следит за его передвижениями. Прежнего мучителя заменила мучительница, дородная дама с грубыми полуазиатскими чертами лица. Она вообще не раскрывала рта, ограничиваясь лишь кивками головы. На все его попытки заговорить отвечала угрюмым молчанием. Он даже думал, что она глухонемая, но женщина явно его слышала, хотя и не отвечала.

Наверное, ей была дана такая установка. Старые журналы, которые ему бросили, он уже зачитал до дыр и просил принести хоть что-нибудь другое – книги или журналы. Пугала пол-

ная неопределенность. С ним уже больше трех недель никто не разговаривал и даже не пытался что-либо объяснить. Павел чувствовал, что у него заканчиваются последние силы. Мышцы становились дряблыми и вялыми, все время хотелось спать, ему было лень даже подниматься и двигаться к биотуалету. Он сильно зарос, надзиратели не давали ему бритву, чтобы побриться. Павел с отвращением чувствовал, что от него плохо пахнет. Раньше, когда у него было больше сил, он регулярно умывался, но теперь ему не хотелось вымыть даже лицо. Зубы он не чистил, ногти приходилось обгрызать. В редкие минуты просветления Абрамов был противен самому себе.

Мысли о побеге по-прежнему не давали ему покоя, но при одном взгляде на дородную надсмотрщицу, которая появлялась в его камере, он пугался, чувствуя, что не сумеет справиться даже с ней. К тому же сильно болели затекшие ноги, с которых так и не снимали наручников. Утром ему снова принесли еду и воду. Он уже начал догадываться, что его постоянная сонливость связана с потреблением воды или пищи, в которую, вероятно, добавляют это проклятое снотворное, но ничего не мог с собой поделать. Выпив очередной раз воды, он крепко уснул, даже не подозревая, что через

несколько часов приехавший с Кавказа Карл Гельван вместе с Эрикой поднимут его наверх, тщательно побреют, приведут в порядок ногти, неумело постригут. И даже переоденут в цивильный костюм.

Он проснулся от яркого света и грубых толчков, когда Гельван попытался его разбудить. От неожиданности Павел чуть не вскрикнул. Он находился в большой просторной комнате, залитой электрическим светом. На ногах по-прежнему были наручники, но чувствовал он себя как-то необычно. На лице будто чего-то не хватало. Словно ему отрезали нос или губы. Проведя по нему рукой, он с удовольствием отметил, что его побрили. И даже постригли. Павлу показалось, что он спит, настолько невероятными были эти превращения. Эрика сунула ему в руку развернутую газету. Не совсем еще соображая, что происходит, он держал газету в руках, пока Карл его фотографировал. Но затем почувствовал, что глаза у него слипаются — ему нестерпимо хотелось спать. .

Он и уснул, свалившись на диван. Его отнесли обратно в подвал. Проснувшись, Павел долго вспоминал, что с ним было. И заснул снова, твердо решив, что все происшедшее ему приснилось. Но когда он проснулся на следующий день и провел рукой по лицу, ему при-

шлось поверить, что все случившееся с ним происходило наяву. На лице не было прежней густой щетины, на голове вместо отросших волос чувствовался ежик. Он так и не понял, зачем его куда-то поднимали, стригли и брили. Откуда ему было знать, что назавтра его фотографии со свежей газетой в руках попадут сразу в три центральных издания.

Ажиотаж вокруг похищенного журналиста – а теперь уже никто не сомневался в его похищении – вспыхнул с новой силой. К тому же на телевидении пошел слух, что похитители требуют пять миллионов долларов и оглашения их политической платформы. Стало ясно, что неожиданное исчезновение Абрамова превращается в криминальную драму с явным политическим оттенком. На этом фоне розыски пропавшей Ксении казались чем-то несерьезным. Тем более что молодая женщина уже прислала домой три записки, уверяя, что с ней все в порядке. Сотрудники уголовного розыска даже не собирались заниматься поисками этой девицы, сбежавшей куда-то со своим другом.

На следующий день после появления фотографий Абрамова почти все газеты опять написали о нем. Похищение журналиста постепенно становилось главной новостью для всех средств массовой информации. По всем теле-

каналам передавали его репортажи, рассказывали о его прежних успехах. Фотографии захваченного журналиста начали передавать ведущие информационные агентства мира.

И в этот день в Москву вернулся Дронго.

РОССИЯ. МОСКВА
18 февраля. Пятница

Его встречали в аэропорту. Он даже не успел дойти до своей машины и увидеть водителя, который ждал его у выхода из терминала. Два вежливых и предупредительных сотрудника Машкова забрали его небольшой чемодан и пригласили отправиться вместе с ними. Дронго смог только перезвонить водителю и попросить, чтобы тот его не ждал. А через сорок минут они уже были в том же самом кабинете, где заседала объединенная комиссия.

Все офицеры оказались в сборе. Дронго кивнул Машкову, мрачно поглядывающему на своего старого друга, поздоровался с остальными.

Генерал Богемский демонстративно отвернулся, увидев входящего Дронго. Он по-прежнему продолжал считать, что нельзя подключать к работе такой представительной комиссии подозрительных экспертов, не являющихся со-

трудниками спецслужб. Сидящая рядом с ним ответственный сотрудник ФАПСИ Татьяна Чаговец строго глянула на Дронго. Она была согласна с мнением генерала Богемского и не понимала, почему этому эксперту опять разрешили появиться на заседании комиссии. Полухин вежливо кивнул в ответ. И только Нащекина улыбнулась, но более ничем не выдала своего отношения. Остальные отнеслись к «воскрешению» Дронго достаточно спокойно.

— Вы хотели встретиться с нами, — сухо начал Машков. — Можете кратко пояснить суть вашего анализа?

— Дайте мне пятнадцать минут, — попросил Дронго, доставая папку с материалами, — мне нужно только пятнадцать минут.

— Начинайте, — разрешил Машков.

И Дронго начал рассказывать. Он показывал статьи, сравнивал различные репортажи, отмечал схожие места, обращая внимание на продуманную рекламную кампанию в декабре, когда почти все газеты дружно выдали материалы по качеству спектакля «Чайка», и февральскую кампанию, когда те же газеты и те же журналисты подняли ажиотаж вокруг исчезнувшего тележурналиста. Сходство было столь очевидным, что отрицать его было невозможно.

— Все это прекрасно, — прервал Дронго ге-

нерал Богемский, – но при чем тут работа нашей комиссии? Мы занимаемся серьезными вопросами безопасности первых лиц государства, ищем профессиональных террористов, которые могут представлять угрозу для страны, а вы привезли нам какие-то несерьезные статьи по поводу слез актрисы во втором акте и хорошей игры другого актера в третьем. Вам не кажется, что эти сравнения не имеют к нам абсолютно никакого отношения?

– Поэтому они и проводят такую кампанию, – возразил Дронго. – Я убежден, что генерал Гейтлер очень хорошо знает и ваши методы охраны, и вашу агентурную работу, и даже ваше стандартное мышление, генерал. Извините меня за откровенность. – Он заметил, как Полухин с трудом скрывает улыбку. В конце концов пора было вернуть хотя бы часть своего долга этому Богемскому.

– Что вы хотите сказать? – разозлился тот.

– Гейтлер решил применить нестандартный ход, используя средства массовой информации. Он абсолютно верно рассчитал, что вы и ваши сотрудники не станут обращать внимания на рецензии критиков и журналистов по поводу спектакля «Чайка». Ведь такого рода статьи формально не имеют к вам никакого отношения.

– Верно. Не имели и не имеют. Если кто-то любит театр, это не значит, что он террорист. И мы не обязаны читать все рецензии критиков.

– Вы обязаны думать, генерал, что ваш противник не глупее нас с вами. В декабре он провел пробную акцию. Почти одновременно несколько журналистов, известных своей ангажированностью и беспринципностью, вдруг бросились отмечать прекрасный спектакль Сончаловского. Обратите внимание, что ни один из них никогда ранее не писал на эти темы. Но теперь каждый посчитал своим долгом похвалить постановку. Создавалось общее мнение о ней, как о новом прочтении известной чеховской пьесы, по телевидению шли о ней репортажи, во всех газетах появились положительные рецензии. Как реагирует на это власть? Вспомните, когда рекламная кампания достигла своего пика, президент принял решение посмотреть этот спектакль. И не только он один. По моим данным, на спектакле побывали многие члены правительства, депутаты, послы. Это, безусловно, был результат рекламной кампании, усиленный слухами и ажиотажем вокруг этой постановки. Не спорю, спектакль может быть действительно хорошим, но атмосферу вокруг него создают средства массовой информации. Я обратил внимание на такую

деталь. В сентябре эту постановку критики вяло поругивали, и билеты на нее почти не раскупались. В декабре, когда начался рекламный шум по поводу того же самого спектакля, стоимость билетов на него возросла до заоблачных высот.

— Никто не отрицает возможностей рекламы, — вмешалась Чаговец, — театр можно только поздравить с прекрасными пиар-менеджерами, которые так успешно разрекламировали спектакль. Это их право. Иногда реклама навязывает нам абсолютно некачественный товар. Но люди привыкли верить рекламе. Почему это вас так волнует?

— В январе президент решил посмотреть спектакль, — пояснил Дронго, — он отправился в театр вместе с супругой. Генерал Богемский, вы можете мне ответить, не нарушая служебной тайны, кто, кроме самого президента, мог знать об этом его намерении?

— Никто, — ответил Богемский. — Президент достаточно самостоятельный человек. Он принимает решение и сообщает об этом руководителю службы охраны генералу Пахомову.

— Который никогда и никому не расскажет о том, куда собирается поехать глава государства, — закончил за своего собеседника Дронго.

— Не расскажет, — подтвердил Богем-

ский. – Даже я не могу узнать, куда и когда поедет президент. Это известно только ему самому и руководителю службы охраны.

– А теперь на минуту представьте, что кроме этих двоих есть еще и третий, абсолютно посторонний человек, который точно знает, куда собирается глава государства. Этот человек таким образом выстроил собственную стратегию, чтобы подвести главу государства к мысли о посещении этого спектакля. Вся рекламная кампания была направлена на то, чтобы такой визит состоялся. И он состоялся. Следовательно, наш неизвестный противник способен заранее просчитать возможность появления главы государства где угодно и заранее к этому подготовиться.

Все замерли. Богемский посмотрел на Машкова, затем резко покачал головой.

– Чушь какая-то! – громко заявил он. – Мы проверяем Иголкина до сих пор. Это абсолютно опустившийся тип, неврастеник, страдающий шизофренией. Неужели вы думаете, что такого идиота мог использовать генерал Гейтлер? Это несерьезно. Мы проверили Иголкина, применив новые достижения нашей фармакологии. Он абсолютно точно не был связан ни с какой из организованных групп.

– Согласен, – улыбнулся Дронго, – Игол-

кин всего лишь досадный сбой в плане генерала Гейтлера. Или наоборот – его абсолютное алиби. Ведь именно поэтому он теперь повторяет такую же рекламную акцию, совершенно уверенный, что вы допросите Иголкина по всем статьям, применяя, как вы говорите, «новые достижения нашей фармакологии», и успокоитесь. Вы убедились, что Иголкин не был подготовлен неизвестным террористом, и вся кампания по рекламе спектакля ничем вам не угрожала. Но Иголкин запутал вас еще больше. И вы не стали анализировать действия человека, за безопасность которого вы отвечаете. Ваши спецслужбы привыкли анализировать все: возможные действия террористов, их заказчиков, агентуру, связи. Одним словом, все, что имеет отношение к охране первых лиц государства. Все, кроме одного, – вы никогда не анализируете возможные действия самого президента. А генерал Гейтлер именно на этом построил свою новую стратегию.

В наступившем молчании генерал Богемский посмотрел на окружающих его офицеров.

– Я работал еще в пятом управлении КГБ СССР, – побагровев, выдохнул он. – Кто вы такой, чтобы меня учить?

– Подождите, – вмешался Машков как более старший по званию, – мне кажется, наш

эксперт прав. Мы ведь действительно не анализируем возможные реакции главы государства. А Гейтлер, похоже, решил этим воспользоваться.

– Да, – кивнул Дронго, – а теперь посмотрите, какая шумиха поднялась в газетах по поводу исчезнувшего Абрамова. В каждой статье или выступлении по телевидению исподволь проводится мысль, что поисками такого известного журналиста должен заняться лично президент. Или по крайней мере они должны вестись под его личным контролем, о чем, собственно, уже объявлено. Возьмите последние статьи, в которых навязчиво обращается внимание на то, что освобожденных французских журналистов в аэропорту встречал сам президент Франции, а бывшую заложницей итальянскую журналистку на родине встречал премьер-министр Италии. Эти статьи написали те же самые журналисты, которые так восторженно хвалили спектакль. Одни и те же люди в одних и тех же газетах. Будто получили установку на написание этих статей. Я уже сейчас могу сказать, что ажиотаж вокруг Абрамова будет нарастать. А затем его неожиданно освободят. Или произойдет что-то в этом роде. Может, его тяжело ранят или попытаются убить. Но когда его привезут в Москву, если его вооб-

ще увозили из города, то возможное покушение произойдет во время предполагаемой встречи Абрамова с президентом.

Нащекина нахмурилась. Предположение, высказанное Дронго, было непривычно смелым. Полухин взял ручку и что-то быстро записал. И в этот момент Татьяна Чаговец покачала головой.

– Вы ошибаетесь, – убежденно заявила она, не скрывая злорадства, – Абрамов похищен и сейчас находится на Северном Кавказе. Два дня назад неизвестные похитители попытались выйти на связь с его телеканалом. Мы установили, что звонок был из Пятигорска.

Теперь все смотрели на Дронго.

– Это ничего не доказывает, – возразил он. – Чтобы сбить нас с толку, они могли отправить нужного человека в Пятигорск и позвонить оттуда. Звонок был из конкретного дома?

– Нет, с мобильного телефона.

– И где был куплен мобильный телефон?

Чаговец нахмурилась. Ей не нравился этот импровизированный допрос. Но все ждали ее ответа.

– В Подмосковье, – зло ответила она, – телефон был куплен здесь.

Дронго посмотрел на Машкова:

– У тебя еще есть вопросы?

– Это не доказательство, – крикнула Чаговец, уже не сдерживаясь, – они нарочно купили здесь номер телефона.

– Нужно проверить, – задумчиво произнес Машков.

– Подождите, – вмешался Полухин, – я думаю, наш гость высказал очень здравые мысли. Нас собрали здесь, чтобы мы работали на государство, а не пытались проявить свои амбиции.

Машков несколько удивленно посмотрел на Полухина. Обычно этот человек молчал, предпочитая не вступать в споры. Дронго понял, что обязан подвести черту.

– Я предлагаю начать проверку, – твердо произнес он. – Надо выйти на заказчиков этой рекламной кампании, установить тех, кто платил журналистам за их заказные статьи. Необходимо определить круг поиска нужных нам лиц и начать эти поиски. Я убежден, что таким образом вы сможете выйти на самого журналиста Абрамова и возможных будущих организаторов террористического акта. У вас почти нет времени.

Теперь все ждали решения Машкова. Он был председателем объединенной комиссии.

– Алексей Николаевич, – обратился он к генералу Полухину, – свяжитесь с прокурату-

рой, и пусть они передадут нам дело Абрамова. Думаю, будет правильно, если мы начнем проверку всех журналистов, которые так «отметились» за последние несколько месяцев. Но надо учесть, что среди них определенно есть и порядочные люди, которые совершенно искренне переживают за своего пропавшего коллегу. Проверку придется проводить быстро, но очень деликатно. Сегодня в газетах появились фотографии Абрамова. О них передали все ведущие информационные агентства мира. Если господин Дронго прав, то у нас совсем мало времени.

Полухин кивнул в знак согласия.

– А что касается вас, – добавил Машков, – я думаю, члены комиссии не будут возражать, если господин Дронго останется на время в Москве. Разумеется, ему придется дать подписку о полной конфиденциальности его сотрудничества с нами. – Он строго посмотрел в сторону своего друга и неожиданно улыбнулся.

– Это просто совпадение некоторых фактов, – вмешался генерал Богемский.

– Будем считать, что версия господина Дронго – всего лишь одна из множества, которые мы проверяем, – согласился Машков, – но полностью игнорировать ее мы просто не имеем права. Или вы не согласны со мной, генерал Богемский?

— Согласен, — буркнул тот, чувствуя на себе взгляды всех остальных.

Нащекина подмигнула Дронго. Все уже понимали, что это день его возвращения.

РОССИЯ. МОСКВА
21 февраля. Понедельник

В течение двух выходных дней целая группа аналитиков проверяла версию Дронго. Вывод был однозначным и категорическим. В обоих случаях действовали одни и те же люди, получившие конкретные установки. В первом случае публиковались статьи и рецензии, вызывающие интерес к спектаклю и восторженно его пропагандирующие. Во втором случае проводилась целенаправленная кампания по созданию имиджа лучшего журналиста и возможного мученика. К понедельнику стало ясно, что статьи Горбункова, Лиховцевой и остальных были заказаны и проплачены. Однако действовать нужно было очень осторожно, чтобы не спугнуть заказчиков. Именно поэтому на разговор с Горбунковым отправили журналиста Габунию, работавшего не только специальным корреспондентом крупной столичной газеты, но и представлявшего интересы Службы внешней разведки в одной из стран Западной Евро-

пы. Арчил Габуния и Роберт Горбунков были знакомы много лет, что должно было облегчить задачу первого.

Габуния пригласил старого знакомого в ресторан «Сыр», расположенный на Садово-Самотечной улице. Ресторан был оригинально оформлен, его посетители находились словно внутри большого куска сыра. Меню тут подавали в медной кастрюльке. Габуния и Горбунков заняли место в углу, чтобы им не мешали говорить.

Сначала пошли традиционные вопросы о друзьях, успехах, гонорарах. Габуния был кадровым сотрудником СВР и понимал, что не следует торопиться, чтобы не насторожить своего собеседника. Он незаметно подвел Горбункова к разговору о его успехах. Как и каждый пишущий человек, Горбунков был достаточно тщеславен.

— Я просмотрел твои статьи, — сообщил Габуния после первой выпитой бутылки водки, — очень неплохо. Хорошо подаешь материал. И я обратил внимание, как ты хвалил этого исчезнувшего журналиста. Забыл, как его зовут...

— Павел Абрамов, — усмехнулся Горбунков, — тоже мне журналист! Сделал два толковых репортажа и возомнил себя гением.

— Но ты о нем так пишешь...

— Это заказуха... Обычный заказ. Кому-то надо сделать из него новую икону, эдакого великомученика за всех журналистов. Мне заплатили, чтобы я подал материал именно так. Они даже навязывают мне темы, которые я должен затронуть. Раньше никогда такого не было...

— Значит, у него есть богатые родственники? Или это канал так его раскручивает?

— Конечно, канал. — Горбунков выпил еще рюмку водки и недовольно скривил губы. — Любое ничтожество на телевидении становится очень значимым, как только попадает на экран. Такая игра в «фабрику звезд». Достаточно несколько раз засветиться на одном из федеральных каналов, и ты уже звезда. А про нас, пишущих журналистов, никто даже не вспоминает...

— Верно. — Габуния снова наполнил рюмку своего собеседника. — Значит, ты думаешь, что это канал финансирует твои статьи?

— Только они. У них такие возможности, другим и не снились. Любой фильм могут раскрутить так, чтобы все ринулись в кинотеатр. А потом выясняется, что картина — настоящее дерьмо, но за это уже никто не отвечает. Так и с этим журналистом. Когда его освободят, то,

наверное, дадут «Героя» за мужество, хотя он обычный репортер со средними способностями.

– Все равно ты у нас лучший. И все знают, что ты настоящий журналист со своим неповторимым лицом. Давай выпьем за тебя...

Они снова выпили. Горбунков до дна, Габуния чуть пригубив.

– Так тебе платит канал? – уточнил Габуния.

– Нет, – рассмеялся Горбунков, – они у нас снобы. Не снизойдут до таких журналистов, как я. У нас есть свой «благодетель», который не дает нам зачахнуть. Хотя гнида страшная, дает копейки, а требует на миллион. Но он никогда не обманывает и хотя бы платит, правда иногда с большим опозданием.

– Кто это?

– Холмский. Наш дорогой Аркадий Яковлевич. Все журналисты у него в кармане. Он может поднять любого и сделать миллионером, а может опустить, как в тюряге, и сделать нищим. В общем, он наш «крестный папа» и руководитель нашего «профсоюза» пишущих журналистов. Я имею в виду тех, кто получает от него гонорары.

«Профсоюз продажных журналистов, – подумал Габуния, – хотя почему я их осуждаю? Я ведь сам получаю заработную плату в двух

местах. У государства и в своей газете. Каждый устраивается, как может. Хотя методы Холмского вызывают омерзение. Я, по крайней мере, работаю на свою страну, а он на любого, кто даст больше денег».

– Ты даже не представляешь, как мы работаем, – осмелел Горбунков. – Холмский дает направление и подсказывает, в каких изданиях нужно разместить статьи. И ни одного отказа. Любая газета, любой журнал берут мои статьи после рекомендации Холмского. Иногда я думаю, что при желании он может сделать героя из обычного человека и развенчать любого политика, размазав его по земле.

– У каждого свои методы, – философски заметил Габуния, – ты думаешь, он тоже выполняет чей-то заказ?

– Конечно. Он же не станет платить свои деньги. Это просто не тот человек. Иногда бывает обидно. Я думал, что мои статьи будут переводить на основные языки, перепечатывать в американских и европейских газетах. А приходится работать на такую гниду. Вот что я тебе скажу. Сегодня никому и ничего не нужно. И все журналисты никому не нужны. Вокруг одна муть, все пишут на заказ и как требует хозяин.

Габуния согласно кивнул. Он узнал все, что

ему было нужно, и почти сразу потерял интерес и к этому ужину, и к своему собеседнику. К тому же он был диабетиком и не мог злоупотреблять спиртным и обильной пищей.

На следующий день было установлено наблюдение за Аркадием Яковлевичем Холмским. Все его телефоны были взяты на прослушивание – в его офисе, в трех квартирах и на даче была установлена специальная аппаратура.

РОССИЯ. МОСКВА
23 февраля. Среда

Праздник бывшей Красной армии, ставший затем праздником Советской армии, плавно перешел в новое время, став праздником Российской армии. В обществе по традиции отмечали этот день, называвшийся теперь Днем защитников Отечества. Предполагалось, что цветы к монументу в Александровском саду возложит делегация Государственной Думы во главе с ее председателем. Уже к десяти часам утра, когда должны были прибыть важные чиновники, парк был перекрыт, и в него никого не пускали.

Лугаев узнал пожилую женщину, которая терпеливо дожидалась у ворот парка, чтобы возложить свой скромный букетик. Он подо-

шел к ней, взглянул на часы. До приезда делегации оставалось минут десять или пятнадцать. По рации должны были сообщить, когда они выйдут из Государственной Думы. Отсюда до здания Думы было не более пяти минут хода, а если они подъедут на машинах, то и того меньше.

— Ваши документы, — строго сказал он, надеясь, что она его не узнает.

Но женщина тоже его узнала и улыбнулась. Потом протянула паспорт.

— Самойлова, — сразу вспомнил Лугаев, мельком взглянув на фамилию. И вернул документы женщине. Затем посмотрел в сторону монумента. — Проходите быстрее, — неожиданно разрешил он, — только положите цветы и проходите дальше. Не задерживайтесь, иначе у меня будут неприятности.

— Спасибо вам.

На ней было то же самое светлое пальто, в котором она приходила несколько дней назад. Наверное, этому пальто лет было не меньше, чем самому капитану. Ему опять стало стыдно, что он задерживает пожилую женщину, ветерана войны, в угоду политикам, которые должны вот-вот здесь появиться.

— Стрельнев, — подозвал он своего заместителя, — проводи женщину.

В руке она держала традиционный букетик. Стрельнев привычно поднял металлоискатель, провел им по одежде старушки. Лугаев нахмурился. Старший лейтенант поступил абсолютно правильно, но все равно в этом действии было что-то оскорбительное. Что могла сделать эта несчастная пожилая женщина, едва передвигающая ногами. Лугаев забрал букетик и ощупал проволоку. Все нормально.

– Идите, Лидия Алексеевна. – Он успел прочитать в паспорте ее имя, но не был уверен, что правильно назвал отчество.

– Лидия Андреевна, – поправила она и снова достала свой паспорт.

– Проходите, проходите, – разрешил Лугаев, махнув рукой.

Стрельнев довел ее до монумента. Она положила свой скромный букетик на край постамента и, поклонившись, отошла. Затем засеменила к выходу из сада.

Именно в этот момент Лугаеву сообщили, что делегация во главе со спикером уже находится рядом.

– Стрельнев, – крикнул он, поднимая рацию, – задержи женщину, там сейчас будет делегация.

– Хорошо. – Стрельнев остановил Самойлову, придержав за локоть, и она застыла

рядом с ним. – Подождите, пожалуйста, – попросил он.

Большая делегация политиков во главе со спикером Государственной Думы вошла в сад. Члены делегации толпой прошли мимо замерших на месте Стрельнева и пожилой женщины, направляясь к могиле Неизвестного солдата для возложения цветов. Среди них было много узнаваемых лиц – сам спикер, его заместители, руководители постоянных комитетов, известные депутаты. Лугаев с ужасом подумал, что сейчас несчастная женщина обратится к кому-нибудь из них с жалобой или с просьбой. И тогда ему не избежать наказания за то, что он пропустил в сад постороннего человека во время возложения цветов руководством парламента. Но Самойлова стояла не двигаясь. Когда все прошли мимо, она тяжело вздохнула и направилась к выходу. Лугаев был готов ее расцеловать и опять устыдился, что мог так плохо о ней подумать. Эти ветераны честно сражались во время войны и достойно жили после нее. Такая женщина не станет ничего просить, даже увидев перед собой толпу известных политиков. Лидия Андреевна доковыляла до него и мягко поблагодарила:

– Спасибо вам, капитан.

– Удачи! – отозвался он на прощание, поворачиваясь к делегации Государственной Думы.

Они уже возлагали цветы.

Стрельнев подошел к нему.

– Вот такие у нас ветераны, – с восхищением произнес он. – Я думал, что она не удержится и кого-нибудь из них остановит, чтобы высказать свои претензии. А она даже не посмотрела в их сторону.

– Это люди старой закалки, – объяснил подчиненному Лугаев, – сейчас таких уже нет.

РОССИЯ. ДАГЕСТАН. МАХАЧКАЛА
24 февраля. Четверг

Рано утром Карл Гельван приехал в Махачкалу. В обычном купе скорого поезда ему пришлось провести долгую ночь с семьей даргинцев, направлявшихся в Дагестан. На три места их было пять человек вместе с отцом семейства и его дородной супругой. Дети беспрестанно галдели, и Гельван почти все время пути простоял в коридоре, избегая их шумного общества.

Утром он вышел на перрон вокзала невыспавшийся и злой. Проведя рукой по щетине, вспомнил, что у него с собой электрическая бритва. Взять ее посоветовал Гейтлер, почему-

то считая, что на Кавказе небритый человек обязательно обратит на себя внимание и вызовет подозрение, хотя именно здесь было полно бородатых и усатых мужчин. Карл направился в вокзальный туалет, неухоженность которого вызвала у него отвращение.

В его дорожной сумке кроме бритвы лежали небольшой диктофон и два мобильных телефона. Дзевоньский специально отправлял одного из своих работников в Ростов за этими сотовыми аппаратами.

Гельван побрился, благо электрическая розетка в этом грязном туалете, как ни странно, оказалась в исправности. И через десять минут уже снова вышел на привокзальную площадь. Его зазывали частники, предлагая подвезти куда угодно, но Карл прошел мимо них. Сегодня у него был другой маршрут. Он обошел площадь, огляделся и вернулся на вокзал, где приобрел билет в спальный вагон – «СВ». Внезапно его осенила идея купить и второй билет в это же двухместное купе, чтобы наконец выспаться, но кассир лишь развела руками – больше билетов не было. Поезд на Москву отправлялся через три часа.

Расстроенный Карл снова вышел на площадь. Он помнил строгие указания Гейтлера и потому направился строго на восток. Ему

предстояло пройти несколько кварталов, прежде чем начать звонить. Важно было не заблудиться в чужом городе.

По пути Карл увидел небольшую шашлычную и решил в нее зайти. Там, на его удивление, оказалось уютно и чисто. Кофе, конечно, не было, и тогда он заказал горячий чай, сыр, овощи, зелень и тонкий горячий хлеб, который здесь называли «лавашом». Когда все это поставили на стол, хозяин вопросительно посмотрел на своего раннего посетителя и спросил:

– Хаш принести?

– Что? – не понял Гельван.

– Хаш, – повторил хозяин. – У нас прекрасный хаш. Вы ведь для этого пришли к нам? – По-русски он говорил с очень сильным акцентом, но Карл его понимал.

– А что такое хаш? – полюбопытствовал он. – Я вас не совсем понимаю.

– Это наше самое лучшее блюдо, – взмахнул руками хозяин, полный, невысокий, лысый мужчина с пышными черными усами. – Вы разве не знаете, что так рано утром мы подаем хаш?

– Его едят по утрам? – уточнил Карл.

– Сейчас все принесу, и вы увидите.

– Давайте, – согласился Гельван. Времени у него было много, почему не попробовать?

Мальчик, очевидно сын хозяина, принес глубокое блюдце, наполненное чем-то остро пахнущим. Гельван понюхал, попробовал на язык. Это был уксус, в котором плавал мелко нарубленный чеснок.

«Какая гадость! – с ужасом подумал Карл. – Что это такое? Наверное, приправа. И все равно, можно с ума сойти – по утрам есть чеснок. Дикие люди».

Хозяин поставил перед ним на стол запотевшую бутылку водки. Гельван решил, что это уж слишком. Неужели на мусульманском Кавказе именно так завтракают? Мальчик принес соль и перец. Теперь следовало ждать выноса главного блюда. И действительно, вскоре появился хозяин заведения с глубокой тарелкой, скорее похожей на небольшую кастрюльку, от которой шел горячий пар. Пахло чем-то вкусным.

Гельван посмотрел на варево довольно густой консистенции, напоминающее немецкий суп. Может, картофельный суп? Хотя пахнет как-то необычно. Он взял ложку, чтобы попробовать.

– Подожди, – остановил его хозяин. После того как он подал хаш, клиент стал ему гораздо ближе, и он перешел на «ты». – Прежде чем начать есть, нужно все хорошо посолить, –

пояснил он. – Потом добавь ложку уксуса с чесноком. И налей себе водки.

– Я не пью по утрам, – сурово отказался Карл.

– Не нужно пить, – удивился хозяин, – это для хаша.

Размешивая ложкой суп, Гельван понял, что в нем плавают куски мяса. Хозяин, видя, что гость не знает, как нужно действовать, густо посолил его «суп», влил в него большую ложку уксуса с чесноком и налил рюмку водки.

– А теперь начинай есть. Только все размешай. Искендер, принеси еще соленья!

Мальчик принес тарелку с маринованными баклажанами, перцем и чесноком. Гельван недоверчиво поднес ложку ко рту. Было очень горячо и вкусно. Он помешал ложкой и попробовал еще раз. Губы слипались, это было необычное, но приятное ощущение. Карл глянул на полную рюмку и подумал, что такую еду действительно хочется запить водкой. После первой рюмки ему стало веселее. После второй – уже совсем хорошо. В жидкости плавали крупные куски, похожие на разваренное мясо, только очень светлое. В сочетании с чесноком, добавленным в уксус, они казались особенно питательными. Гельван съел всю тарелку, выпив еще и третью рюмку водки. Хозяин умиленно смотрел на него.

– Еще принести? – почти ласково поинтересовался он.

– Да, – кивнул Карл, – очень вкусно.

Бессонная ночь и все его страдания куда-то улетучились. Ему было тепло и хорошо. Хозяин принес вторую тарелку хаша. Такого же горячего и вкусного. На этот раз Гельван сам щедро насыпал соль и плеснул ложку уксуса с растертым чесноком. И снова налил себе рюмку водки. Это было невероятное наслаждение. Он съел содержимое и этой тарелки, чувствуя, как с трудом открывает рот, – от этой еды губы казались словно смазанными клеем. Карл посмотрел на бутылку водки. Четыре рюмки для него было многовато, но он не ощущал опьянения. Наоборот, ему казалось, что он пил простую воду, настолько ясно и хорошо работала голова.

– Хаш с водкой подают по утрам после обильного застолья накануне, – пояснил хозяин. – Чтобы человек мог опохмелиться и прийти в себя.

– Хорошая традиция, – согласился Гельван. – А можно еще тарелку?

– Только половину, – поднял указательный палец хозяин, – иначе потом тебе будет плохо.

Он принес третью тарелку, но наполнен-

ную до половины. Карл с удовольствием съел и эту добавку, чувствуя, как горячее тепло разливается по всему телу. И выпил пятую рюмку водки, закусив ее маринованным баклажаном. Затем тяжело поднялся из-за стола абсолютно счастливый.

– Прекрасный суп, – сказал он хозяину. – Из чего вы его делаете? Из свинины? Хотя нет, у вас же нет свинины. Тогда курица? Или какое-то другое мясо?

– Это ноги коровы, – улыбнулся хозяин, – мы аккуратно чистим их, потом варим всю ночь до утра. Они развариваются, и получается вот такой хаш.

– Ноги коровы? – изумился Гельван. Хорошо, что ему не сказали об этом перед тем, как он начал есть. Иначе, пожалуй, не притронулся бы к этой еде. Какая гадость! Хотя... было очень вкусно.

– Спасибо, – кивнул Карл, – мне очень понравилось. Я теперь буду ходить по утрам в восточные рестораны и заказывать ваш хаш. До сих пор никогда не слышал о таком блюде.

– В любой ресторан нельзя, – наставительно заметил хозяин, – нужно ходить к человеку, которому ты веришь. Настоящий хаш дают не везде.

– Запомню. Сколько я должен?

– Двести рублей.

– Сколько? – не поверил Карл. В иных местах Москвы за такие деньги можно выпить только чашечку черного кофе. Обычный свежевыжатый сок, который еще надо поискать, может стоить пятнадцать долларов, то есть больше четырехсот рублей.

– Разве много? – не понял его хозяин шашлычной.

– Возьми триста, – протянул ему деньги Гельван.

– Нельзя, – рассудительно ответил радушный хозяин, – это уже будет «харам» – незаработанные деньги. А я человек верующий. Можешь дать двести пятьдесят. Так будет справедливо.

Карл, улыбаясь, протянул деньги. Когда он вышел на улицу, ему показалось, что ноги несут его сами, так хорошо и радостно было у него на душе. Однако необходимо было вспомнить, зачем он сюда приехал. Гельван взглянул на часы, до отхода поезда оставалось чуть больше часа. Самое время. Он оглянулся по сторонам и достал аппарат, купленный в Ростове. Включил его, проверил. Затем набрал уже знакомый ему номер. Ответили сразу. Он опять посмотрел на часы, зная, что нельзя говорить больше минуты, иначе его быстро вычислят.

Хотя и так ясно, что все равно вычислят, но чуть позже. А еще Гейтлер не сомневался, что этот разговор обязательно запишут.

Карл улыбнулся и включил диктофон.

– Алло, говорите, – повторил голос в трубке.

– Слушайте меня внимательно. – На пленке у Гельвана был записан голос мужчины, говорящего с характерным кавказским акцентом. Его нашли в Швейцарии, где и попросили сказать несколько фраз в диктофон.

– Кто это говорит? – спросили в Москве.

Тут в записи была сделана пауза. Предполагалось, что собеседник может задать похожий вопрос. Гельван прижал телефон к диктофону, увеличил громкость.

– Деньги нужно передать нашему представителю в Таллине, – пошла дальше запись, – он будет ждать вас в отеле «Виру» в субботу, двадцать шестого, в двенадцать часов. В руках у вас должна быть российская газета. Этот человек ничего не знает и с нами не связан. Но если вы попытаетесь его задержать, мы сразу узнаем об этом. Он передаст вам нашу политическую программу, с которой мы требуем ознакомить телезрителей вашего канала.

Карл выключил диктофон.

– Подождите, – раздалось в телефонном

аппарате. Наверняка это был сотрудник спецслужб. – Мы должны иметь гарантии, что Абрамов жив. Как вас найти?

Гельван отключил телефон. Затем посмотрел по сторонам. Кажется, все спокойно. Теперь надо вынуть сим-карту, выбросить аппарат. Пройдя два квартала, уничтожить и сим-карту. Он сделал все, как ему велели. И через час с небольшим уже входил в свой «СВ».

На этот раз его сосед по купе, высокий пожилой мужчина лет шестидесяти, почему-то все время стоял в коридоре. Карл удобно устроился, сразу попросил постельные принадлежности и заснул, так и не догадавшись, почему его сосед по купе не хотел сидеть рядом с ним. От Карла Гельвана нестерпимо несло чесноком и маринованными баклажанами.

РОССИЯ. МОСКВА
24 февраля. Четверг

В этот день президенту сообщили, что подозрения подтвердились – в городе действительно действует группа террористов, нанятая олигархами для его физического устранения. Услышав это, президент невесело усмехнулся. Конечно, чего-то подобного следовало ожидать. Его враги трусливы и непоследователь-

ны, но, убедившись, что он твердо намерен с ними бороться, решили нанести упреждающий удар. И единственное, что смогли придумать, – это убрать человека, объявившего им войну.

Люди не глупые, они поняли, что система, которую он пытается выстроить, – сильное государство с жесткой вертикалью власти, способное отторгать вмешательство вот таких олигархов, стоящих вне закона и над властью. Губернаторы уже не зависят от их поддержки и денежных вливаний, они теперь назначаются из Центра. В депутаты стало невозможно проводить нужных людей. Отныне выборы в Государственную Думу проходят исключительно по партийным спискам, и депутаты-одиночки, так легко становившиеся добычей крупных компаний и нуворишей, уже не могут попасть в парламент.

У олигархов выбита почва из-под ног. Больше им не влиять на правительство, не диктовать свои условия. Отныне и всегда принимать решения станет аппарат главы государства, превративший даже правительство в чисто технический орган. Разумеется, на этом фоне последней надеждой все-таки выжить в этой стране у олигархов может быть только уничтожение главы государства. Их задача – не дать

ему укрепить власть до такой степени, чтобы он мог передать ее своему преемнику.

В преемники ему почти единодушно определен нынешний министр обороны, бывший генерал первого главного управления КГБ СССР. Хотя все понимают, что в кадровом резерве президента есть и нынешний глава парламента, бывший министр внутренних дел. Обоих этих политиков отличают такие качества, как порядочность, независимость от любых олигархических групп и от семьи бывшего президента, личная дружба с нынешним главой государства. Оба – «государственники», верные его единомышленники и тоже выходцы из спецслужб, люди проверенные, осторожные, выдержанные, сумевшие остаться кристально честными во времена диких перемен. Словом, похожи как близнецы. Смущает одно – они добросовестные исполнители, среди них нет харизматического лидера, каковым, впрочем, нельзя было считать и его самого.

Президент со злостью подумал, что, намереваясь устранить его, олигархи надеются таким образом подготовить ситуацию внутри страны для своего возвращения. Им мало тех миллиардов долларов, которые они незаслуженно получили в девяностых годах, когда

нефть стоила в четыре, в пять раз дешевле, чем теперь, у государства были огромные долги, а золотовалютных резервов почти не существовало. Дефолт девяносто восьмого был почти вынужденной необходимостью. Но как все сильно изменилось за последние годы! Золотовалютный запас сейчас уже превышает сто миллиардов долларов. Был создан особый стабилизационный фонд, куда перечислялись дополнительно десятки миллиардов долларов. Несколько лет подряд бюджет государства исполняется с большим профицитом, – доходы намного превышают расходы. И наконец, в стране появилась та самая стабильность, о которой в девяностые годы, когда все разворовывалось и разваливалось на глазах, можно было только мечтать.

Президент имел точные сведения о масштабах трагедии, постигшей его страну. Даже последняя Отечественная война, такая страшная и разрушительная, нанесла в два раза меньше ущерба, чем непродуманные реформы и развал государства в начале девяностых. Это были конкретные цифры, которые он знал. И воспоминания об этих потерях делали его бескомпромиссным и решительным.

Будучи человеком смелым, он не боялся этих неизвестных террористов, как не боялся

летать в охваченные войной южные районы страны, спускаться на подводной лодке, подниматься за облака в кабине истребителя. Но президент хорошо знал и свои недостатки. Он не был публичным политиком, не обладал харизматическими чертами трибуна, вождя, не понимал светских приемов, не умел облекать свои речи в дипломатически выдержанные спичи. Но система, которую он выстраивает, и не предполагает во главе какого-то общепризнанного лидера или нового идола. Это система современного полудемократического государства.

Когда несколько лет назад он принимал страну, все было иначе. Да и сам он тогда был немного другим. Даже будучи директором ФСБ и руководителем правительства, не представлял истинных масштабов развала страны, всех трудностей, с которыми ему придется столкнуться.

Между тем сказывались последствия августовского дефолта девяносто восьмого года, отсутствие золотовалютных резервов, недоверие западных партнеров. На юге бушевала настоящая война, в столице произошли невиданные по силе трагедии террористические акты, направленные против гражданского населения. Это случилось еще до одиннадцатого сен-

тября, когда пассажирские лайнеры протаранили башни Международного торгового центра в Нью-Йорке. И в ту пору никто даже не мог предположить, что взрывы домов в Москве с мирно спящими в них людьми — предвестники нового века, в котором терроризм захлестнет весь мир.

Российские чиновники уже ничего не боялись. В правительстве существовали властные группировки, враждующие между собой. Олигархи цинично и нагло вмешивались в политическую жизнь страны, диктуя новые законы для задыхающегося государства. По существу, их деятельность была выведена за рамки судебно-правовой системы страны. Царила неслыханная преступность, лидеры мафиозных кланов отстреливали друг друга прямо на улицах.

И наконец, новому президенту досталась общая апатия народа, отказывающегося верить в обещанные перемены. Слово «реформа» стало настолько непопулярным, что воспринималось как бранное.

Все это было несколько лет назад, когда его избрали президентом, но и потом не стало легче. Продолжались и война, и террористические акты. Захват театра на Дубровке оказался настоящей проверкой главы государства на

прочность. Если бы он тогда дрогнул, отступил, сдался, все могло бы быть по-другому. Но он понял, что не имеет права на колебания, не имеет права сдать слишком тяжело завоеванные позиции.

В этой трагедии было много погибших. Потом говорили о плохой координации действий спасателей и врачей, но он продемонстрировал всему миру свою отчаянную решимость.

А в ответ ему выпало новое испытание – захват террористами средней школы, в которой заложниками оказались более тысячи детей и их родителей. Это был уже не просто террористический акт, а настоящий Апокалипсис. Погибли сотни детей – страшная цена за выстраиваемую им вертикаль власти.

Он понимал: те, кто противостоял ему сегодня, менее всего думают о стране, уже начавшей обретать черты настоящей государственности. Газеты по-прежнему пишут о развале, по телевидению говорят об ужасающей демографической ситуации, что тоже правда, все дружно отмечают бегство капиталов... Но нельзя же не видеть и позитивные перемены, которые происходят буквально на глазах. Его страна постепенно становится уважаемым членом мирового сообщества, его усилия к внутренней стабилизации поддерживаются

уже всем цивилизованным миром. А его противники все вспоминают «благословенные времена» девяностых, когда можно было безнаказанно грабить и расхищать собственную страну, высмеивать ее традиции и издеваться над ее гражданами.

Президент сжал кулаки. Готовя к работе за рубежом, его учили анализировать собственные действия. Он обладал редким качеством – умением понимать свои сильные и слабые стороны. И он точно знал, что не сможет уступить. Слишком многое поставлено на карту. Гораздо более важные ценности, чем его собственная жизнь и судьба. Он обязан выстоять и передать новому лидеру более сильное, более уважаемое, более надежное государство, менее всего зависящее от воли и взглядов кучки людей, почему-то названных олигархами. В одной из недавно вышедших книг он наткнулся на другое слово – «плутократы». Оно понравилось ему гораздо больше.

РОССИЯ. МОСКВА
24 февраля. Четверг

Теперь за Дронго каждое утро приезжала машина, и он отправлялся на работу в комиссию. Нащекина приветствовала его доброй

улыбкой, Чаговец сухо бросала: «Доброе утро!», Богемский кивал, не глядя, Полухин и Машков пожимали ему руку. Остальные вежливо здоровались.

Наблюдение, установленное за Холмским, показало, что он действительно интересуется Абрамовым. Более того, он устроил еще две статьи о творчестве журналиста в разных газетах. Однако все это еще не доказывало вины Холмского. Предстояло исходить из того, что за ним может быть установлено наблюдение и если он исчезнет, то основной заказчик или резко свернет свою деятельность, или поменяет всю операцию.

Утром двадцать четвертого февраля Холмский вызвал к себе в офис свою хорошую знакомую Ариадну Лиховцеву, которая слыла довольно-таки известной журналисткой. Внешне эта сорокалетняя женщина выглядела бесформенной и неряшливой: расплывшаяся в разные стороны различными своими частями фигура, мешковатая одежда, большие очки в старомодной роговой оправе, всегда плохо причесанные грязноватые волосы. Лиховцеву хорошо знали многие главные редакторы центральных изданий, а некоторые политики побаивались ее бойкого пера. На приемы, куда эту журналистку иногда приглашали, она при-

ходила с большой сумкой, без зазрения совести складывая в нее со стола фрукты и деликатесы. Лиховцева зарабатывала неплохие деньги, хранила их в различных банках и даже покупала ценные бумаги. Она одна растила дочь, которую очень любила. Муж ушел от нее уже более десяти лет назад.

Войдя в кабинет Холмского, Лиховцева плюхнулась на кресло, которое жалобно скрипнуло под ее весом. Она оглянулась по сторонам. Ей было неуютно в этом холодном, словно не обжитом кабинете.

– Может, предложите даме кофе? – поинтересовалась журналистка, глядя на Холмского.

Тот пригладил редкие волосы, пощупал коротко остриженную бородку и заявил:

– Ваша последняя статья мне совсем не понравилась.

– Поэтому вы не хотите дать мне кофе? – бесцеремонно поинтересовалась Лиховцева.

– Принесите нам кофе, – позвонил Холмский секретарю, – а вы возьмите вот эти данные и подготовьте хорошую статью для еженедельника.

– Вы уже договорились с главным редактором? – спросила Лиховцева.

– Разумеется. Он готов ее опубликовать. Только пишите без ненужной патетики – про-

сто сухие факты, выводы. И обратите внимание читателя, что розыски пропавших журналистов обычно проходят под личным контролем глав государств. На этом нужно сделать особый акцент. Исчезновение такого журналиста, как Павел Абрамов, – удар по престижу самого президента. Все понятно?

– Понятно. Когда наконец принесут ваш кофе? И могу я спросить, сколько вы мне заплатите?

– Как обычно. Пятьсот долларов.

– Я делаю для вас такую работу, а вы платите мне гроши. Это даже немного обидно.

– Если обидно, не пишите и не берите денег. Найду другого журналиста. С этим товаром сегодня нет проблем. Бери, не хочу.

– Фу, какой вы грубый. Вам не говорили, что вы не джентльмен?

– Говорили. И я этим очень горжусь.

Секретарь внесла кофе для гостьи и зеленый чай для хозяина кабинета. Бесшумно вышла.

– Давайте деньги, – согласилась Лиховцева, – хотя вы меня просто грабите. Я собрала бы гораздо больше, стоя на паперти.

– Начните завтра, – посоветовал ей Холмский, протягивая деньги.

Она проворно спрятала их в сумочку и, хлебнув кофе, заявила:

— Я вас ненавижу.

— Никогда в этом не сомневался, — улыбнулся Холмский. — Только учтите, статья должна выйти на следующей неделе. Не позже.

— Сделаю. Он ваш родственник или сын? Почему вы так о нем хлопочете? Можете открыть мне хотя бы эту тайну?

— Мы столько лет знакомы, Ариадна Николаевна, а вы меня совсем не знаете. Неужели вы думаете, что я стал бы суетиться таким образом из-за своего сына или родственника? И платить всем вам такие деньги для того, чтобы вы похвалили моего сына? Или вы думаете, что это я организовал похищение нашего героя-журналиста?

— От вас можно ожидать любой гадости. Но почему вы тогда так за него хлопочете? Никогда не поверю, что вами движет чистый альтруизм.

Разговор записывался на пленку, и его слушали сотрудники Федеральной службы безопасности.

— Какой альтруизм, моя милая? — удивился Холмский. — Только бизнес, и ничего кроме бизнеса. Мне заказывают музыку и платят, а я плачу вам. Все на взаиморасчете, никаких чувств.

— Не сомневаюсь. Но зачем вам за него

платят? Хотят еще раз уколоть власть? Так мелко и глупо? Для чего?

– Не знаю. Лучше не думать об этом. И вам не советую. Мне дают деньги – я выполняю заказ. Не больше и не меньше. Если начну выяснять подробности, то могу потерять голову. Любопытство – один из самых страшных пороков. И самых глупых.

– Тогда не буду любопытничать, – она с шумом поднялась, – статью сделаю к понедельнику. Что-нибудь еще?

– Позвоните мне после того, как выйдет статья. Возможно, будет новый заказ.

– Договорились. Сама не понимаю, почему я работаю с вами за такие деньги? Наверное, слишком хорошо к вам отношусь.

Лиховцева вышла из кабинета Аркадия Яковлевича, а текст их беседы уже через час лег на стол объединенной комиссии.

– Ты был прав, – прочитав его, обратился Машков к Дронго. – Обе эти рекламные кампании провела контора Холмского. Теперь надо постараться узнать, кто именно ему платит.

– Нужно все тщательно продумать, – отозвался Дронго. – Гейтлер опытный специалист. Его люди могут быть рядом. Я не удивлюсь, если узнаю, что Лиховцева или Горбунков работают одновременно и на Холмского,

и на самого Гейтлера. Может, лучше подождать, когда на Холмского выйдет заказчик или человек, который передает ему деньги? Судя по тому, что он посоветовал Лиховцевой позвонить ему на следующей неделе, этот деятель должен скоро появиться.

– Я бы подождал, – вставил Полухин.

– Мне кажется, ты его демонизируешь. – Машков уже не скрывал своей давней дружбы с Дронго, обращаясь к нему при всех на «ты». Или пытался таким образом отчасти загладить свою вину.

Но Дронго держался с ним сухо и не торопился восстанавливать прежние отношения.

– Насколько я сумел понять, Гейтлер – лучший специалист в области подготовки террористов и осуществления террористических актов в мире, – продолжил он. – А это значит, его нельзя недооценивать. К тому же он много раз бывал в России, родился здесь, хорошо знает местные привычки и обычаи. В общем, идеальная машина для убийства.

– Не перехвали, – мрачно посоветовал Машков, – хотя, похоже, ты прав. Надо подождать, когда они выйдут на связь с этим Холмским. Хотя бы несколько дней. Пока не нашли Абрамова, у нас еще есть время, если наш эксперт правильно все просчитал.

— Утром на телевидение звонили из Махачкалы, — напомнила Чаговец. — Они требуют пять миллионов долларов, которые нужно передать через два дня в Таллине. Мы проследили звонок. Телефон был куплен в Ростове, а звонили из Махачкалы. Аппарат был отключен ровно через минуту после разговора и, очевидно, уничтожен.

— Махачкала и Ростов, — победно произнес Богемский, — ваша теория, Дронго, рассыпается в прах. Они купили аппарат не в Москве.

— Это лишь доказывает, что они учатся на собственных ошибках, — парировал тот.

— Абрамова похитили чеченцы, — убежденно заявил Богемский, с ненавистью глядя на эксперта. У генерала были глубоко посаженные глаза, покатый череп, тонкие губы.

— Почему обязательно чеченцы? — поинтересовался Дронго.

— Или другие кавказцы, — отозвался генерал, — они не простили ему объективной позиции в вопросе о войне в Чечне.

— Звонивший говорил с характерным кавказским акцентом, — поддакнула Чаговец.

— У вас есть доказательства? — спокойно поинтересовался Дронго.

— А у вас? — разозлился Богемский. — Вся

ваша теория «газетных заговоров» построена на одних предположениях.

– Не совсем, – решил, что пора вмешаться, Машков, – вы ведь прочли беседу Холмского с журналисткой. И давайте не будем высказывать друг другу необоснованных обвинений. Мы делаем общее дело.

Нащекина подошла к Дронго.

– Мне иногда бывает стыдно за наших коллег, – призналась она. – Надеюсь, вы не обижаетесь?

– Если бы обижался, то не вернулся бы обратно в Москву, – откликнулся тот. – А вообще я некоторым образом считаю себя должником вашего президента.

– В каком смысле? – не поняла она.

– Несколько лет назад в Баку на него готовилось покушение, – пояснил Дронго. – Азербайджанские спецслужбы узнали об этом, когда взяли террористов, но предупредили российскую сторону о том, что опасность террористического акта остается. Президент не отменил своего визита. Просто по согласованию со службами охраны перенес его на более ранний утренний час. И прилетел в Баку. Можете себе представить, как он рисковал? Однако визит состоялся. Я думаю, что возвращаю ему часть того долга. Он мужественный человек.

— Я об этом не слышала, — призналась Нащекина. — Как вы думаете, что лучше сделать в Таллине? Отдать деньги или задержать посредника?

— Не знаю. Решение принимаю не я. Но, полагаю, будет идеально — выплатить им часть суммы и потянуть время.

— Я тоже так считаю, — согласилась Нащекина. — Предложите этот план генералу Машкову.

— Нет. Лучше, вы сами. Вас послушают быстрее, чем меня. Вы же видите, с каким трудом меня здесь терпят.

— Ладно, — согласилась она, — сделаю. Посмотрим, как он отреагирует.

— Хотя нет, — неожиданно остановил ее Дронго. — Это может быть опасно для Абрамова. Если позвонил человек с кавказским акцентом, значит, они решили провести эту игру до конца. Чтобы противная сторона поверила в их решимость и звериную жестокость, они могут не остановиться ни перед чем. Например, отрезать ему палец, создавая себе определенный имидж. Я думаю, мы не имеем больше права ждать — необходимо сегодня же допросить Холмского.

— Вы говорили, что это очень опасно...

— И продолжаю так считать. Но ждать

нельзя. Ради безопасности несчастного журналиста, который стал невольной пешкой в большой игре.

РОССИЯ. МОСКВА
24 февраля. Четверг

Холмский закончил свои дела поздно вечером и поехал домой. Сегодня он решил отправиться на Кутузовский проспект, где у него была квартира, купленная на имя матери. Мать умерла два года назад, и квартира перешла к нему. Здесь была просторная тихая спальня, выходящая окнами во двор. В многокомнатной квартире Холмского на Ленинском проспекте всегда было многолюдно: там вести хозяйство его супруге помогали горничная, кухарка, домработница. К тому же постоянно приходили какие-то монтеры, наладчики антенн, различные мастера, маляры. В общем, всегда было полно чужих людей непонятных профессий. Третья квартира, находившаяся на улице Усиевича, была предназначена для деловых и не очень деловых встреч.

Отпустив водителя и охранника, Холмский поднялся на четвертый этаж, открыл ключом дверь и вошел в квартиру. В квартире было тихо и немного пыльно, как бывает в пу-

ствующих жилищах, несмотря на любую, самую тщательную уборку. Сняв пальто в прихожей, он сразу же прошел в ванную комнату, где долго мыл руки. Затем разделся в гардеробной, повесил одежду в шкаф и отправился в спальню, предвкушая, как уляжется на такую удобную, просторную и мягкую, двуспальную кровать, оставшуюся еще от родителей. Телевизор он не включал, радио в квартире не было. Однако, открыв дверь в спальню, он в изумлении увидел сидящих там двух незнакомых мужчин и замер на пороге. Его поразило не только их непонятное появление в квартире, но и их долгое терпение – с того времени как он пришел, они не выдали своего присутствия ни звуком. Мужчины продолжали молчать и тогда, когда Холмский появился перед ними.

Он оглядел себя. На нем были только трусы и майка. Мужчины смотрели на него. И вдруг Аркадий Яковлевич отчетливо понял, что этих типов не интересует ни его имущество, ни его квартира. Когда люди сидят вот так долго и молча ждут появления хозяина дома, они делают это только с одной-единственной целью – чтобы его убить.

– Что вам нужно? – спросил Холмский дрожащим голосом. Как могли эти чужаки

попасть в его квартиру? Внизу все время дежурит консьержка, замок на входной двери был заперт, он сам его открывал. И тем не менее сидящие перед ним мужчины были реальностью.

— Садитесь, — посоветовал один из них, показывая на пустой стул, — садитесь, Аркадий Яковлевич, и постарайтесь успокоиться.

Это уже лучше, они хотя бы не станут его убивать прежде, чем закончат разговор. Но как же им удалось так незаметно войти и о чем с ним хотят говорить?

— Можно, я оденусь? — почему-то шепотом обратился он к ним.

— Нельзя, — ответил другой мужчина, коренастый, с немного выпученными глазами и сильными руками.

Холмский посмотрел на его руки и понял, что ему лучше послушаться. Этот человек мог задушить его в один момент. Он сел на стул.

— Мы хотим с вами поговорить, Аркадий Яковлевич, — начал первый мужчина, показавшийся Холмскому интеллигентнее второго. Хотя тоже не разрешил ему одеться. Им что — доставляет удовольствие наблюдать за голыми коленками пожилого хозяина квартиры?

— О чем поговорить? — не понял он.

— Наш разговор должен остаться между

нами, – предупредил первый, – и мы рассчитываем, что вы никому о нем не расскажете.

Это было уже почти деловое предложение, и Аркадий Яковлевич насторожился. Почему он не должен рассказывать о визите этих неприятных типов?

– Кто вы такие? – рискнул полюбопытствовать он.

– Это не важно. Мы хотим задать вам несколько вопросов. И учтите, что нам нужны максимально честные ответы.

– По какому вопросу? Вы, наверное, что-то перепутали. Я занимаюсь мелким рекламным бизнесом и не имею никакого отношения к серьезным делам.

– Мы это знаем. Вы провели рекламную кампанию в прошлом году, разместив несколько рецензий на спектакль Сончаловского «Чайка». Верно?

– Я не понимаю, кто вы такие? И почему это вас интересует? – начал сердиться Холмский. Он испугался, что может потерять большие деньги за прежний заказ.

– Хватит, Холмский, – лениво предупредил его второй, – либо говорите правду, либо мы ее из вас выбьем. Неужели непонятно?

– Что вы хотите? – Аркадий Яковлевич был вполне разумным человеком.

– Вам заказали рекламу этого спектакля? Да или нет? Учтите, мы пришли сюда не просто поболтать.

– Понимаю. – Холмский подумал, что больше никогда не сможет чувствовать себя в этой квартире уютно и надежно.

– Так кто заказал вам рекламу спектакля? – снова спросил первый.

– Ко мне обратился мой знакомый Бенедиктов. – Холмский все еще надеялся сохранить свои деньги. Или жизнь? Почему их так интересует этот спектакль?

– Значит, он заказал вам рекламу «Чайки»?

– Не совсем. – Черт возьми, ему очень не хотелось ничего говорить! Но если эти типы сумели так ловко проникнуть в его квартиру, то они наверняка сумели и кое-что разузнать заранее, прежде чем оказались в его спальне. Ну и черт с ними! Жизнь дороже денег. – Меня познакомили с одним поляком. Тоже журналистом, Ежи Курыловичем. Это он просил меня организовать такую кампанию. Наверное, он большой поклонник Сончаловского. Или Чехова. А может, какой-нибудь актрисы, что скорее всего. Я его не спрашивал, а сам он не рассказывал.

– Курылович заплатил вам деньги?

– Нет, я работал на одной любви к ляхам, – зло буркнул Холмский. – Если б не за-

платил, я ничего и делать бы не стал. А что, это уже запрещено?

— Он говорил вам, о чем писать?

— Я уже давно в рекламном бизнесе. Мне достаточно намекнуть...

— Тогда и я «намекаю». Вторую кампанию тоже попросил организовать Курылович?

— Какую кампанию?

— Холмский, у нас мало времени. Вы организовали и разместили уже более десяти материалов о пропавшем журналисте Абрамове. Или мы ошибаемся?

— Это тоже не запрещено законом. Холодно, я замерз. Может, вы все же разрешите мне одеться?

— Мы скоро уйдем, если вы будете четко отвечать на наши вопросы. Это Курылович просил вас публиковать материалы об исчезнувшем тележурналисте?

— Да. Поляки любят наш театр и наших журналистов. Они просто всех нас любят. И хорошо за это платят. Вы из налоговых органов?

— Почти угадали. Курылович предлагал вам конкретные темы?

— Предлагал. Просил обратить внимание на схожие случаи во Франции и в Италии, где освобожденных заложников-журналистов по возвращении домой встречали главы госу-

дарств. Я думаю, это хорошая традиция. А как вы считаете?

Оба «взломщика» проигнорировали его вопрос и лишь переглянулись.

– Когда вы должны с ним встретиться в следующий раз? – спросил первый.

– Не знаю. Он мне должен позвонить.

– Сколько вы уже получили от него денег?

Напрасно они это спрашивают. Он все равно не назовет точной цифры. Никому на свете.

– Около ста тысяч. – Хватит с них и этой суммы.

– Не больше? – усомнился первый.

– Возможно, чуть больше.

– Насколько больше?

– Не помню. У меня в голове нет бухгалтерских книг. Обычный заказ. Что вам от меня нужно?

– Ничего. Больше ничего. Вы можете назвать номер телефона Курыловича?

– Он у меня в записной книжке. Я могу принести. Она в кармане...

– Не беспокойтесь, – вмешался второй мужчина и поднялся, – я сам принесу.

Холмский опять испугался. В кармане его пиджака лежало несколько тысяч долларов. За такие деньги в городе могут убить несколько раз. Второй мужчина вернулся с его запис-

ной книжкой. Холмский взял ее, назвал номер телефона.

Тогда поднялся и первый:

– Надеюсь, вы все точно поняли: никому ни одного слова. Это и в ваших интересах, господин Холмский. Ни одного намека на наш сегодняшний разговор. И продолжайте выполнять все указания пана Курыловича. Вам ясно?

– Да. – Холмский вдруг подумал, что, если они уйдут, это будет самая большая удача в его жизни.

Мужчины, не прощаясь, вышли из комнаты. Послышались звуки открываемых замков входной двери. Затем она захлопнулась. Холмский почувствовал, что дрожит. Он не верил, что все закончилось. Поспешив к входной двери, снова запер ее на все замки. Но и тогда не почувствовал себя в безопасности. Ему казалось, что эти люди способны войти сквозь стены. Или снова открыть его входную дверь.

Он задернул тяжелые шторы на всех окнах. Подбежал к пиджаку, проверил деньги. Все доллары были на месте. Неизвестные не взяли ничего. Это его немного успокоило, но затем еще больше насторожило. Этих людей не интересовали его деньги, им было важно расспросить его обо всем. Откуда они взялись и почему так странно себя вели? У Холмского поднялось да-

вление, сильно заболел затылок. Он снова прошел к входной двери, проверил замки. Затем принес стул из столовой и поставил его у входа.

Наконец вернулся в спальню, залез под одеяло, но успокоиться никак не удавалось. Ему было холодно. Через некоторое время Холмский вылез из постели, накинул на плечи одеяло, прошел в столовую. Он никогда не пил и не держал для себя в доме спиртного, однако помнил, что в баре стоит бутылка какого-то рома. Александр Яковлевич достал ее, отвинтил крышку и выпил прямо из горлышка. Ром был густой, тяжелый и очень горький. Холмский закашлялся и с отвращением вернул бутылку на место. Возвратившись в спальню, достал из шкафа еще одно одеяло. Его по-прежнему бил озноб.

– Сволочи! – громко проговорил Холмский, словно они могли его услышать. – Сволочи! – повторил он еще громче и повернулся на бок.

В эту ночь ему снились кошмары.

ПОЛЬША. ВАРШАВА
25 февраля. Пятница

Это был один из самых плохих вариантов, какие только можно вообразить. Если бы заказчик оказался из любой другой страны Евро-

пы, его можно было бы взять под наблюдение или поручить заботам местных спецслужб. В Западной Европе сработал бы вариант обращения к сотрудникам Интерпола. В Белоруссии, Молдавии, Украине с заказчиком вообще не предвиделось бы особых проблем. Самые сложные отношения традиционно существовали со странами Прибалтики и с Польшей. И, как назло, Ежи Курылович жил в Варшаве, а передача денег должна была состояться уже завтра в Таллине.

Было понятно, что похитители Абрамова намеренно выбрали столицу Эстонии, с которой у Москвы натянутые отношения. Но если до завтра у них еще было время, то сегодняшняя поездка в Варшаву не сулила ничего хорошего. Курылович был достаточно известным человеком, и любая попытка его задержать или даже взять под наблюдение вполне способна обернуться международным скандалом с последующими громкими обвинениями в адрес Москвы во вмешательстве России во внутренние дела соседей.

Именно поэтому в Варшаву срочно откомандировали двух опытных сотрудников ФСБ, которые должны были как можно более скрыто провести проверку на месте, взяв под наблюдение польского журналиста Ежи Курыловича. Им отчасти повезло.

Курылович проснулся, как обычно, в первом часу дня. С тех пор как Зося ушла от него, он жил один. У него сильно болела голова, так как накануне он явно перепил с друзьями, отмечая день рождения Януша. И зачем нужно было столько пить?

Он прошел в ванную и подставил голову под холодную воду. Это иногда помогало. В его трехкомнатной квартире был тот самый «творческий беспорядок», который якобы характерен для деятелей искусства, журналистов и коммивояжеров. Почему-то разбросанные вещи, небрежно расставленная мебель, валяющееся повсюду грязное белье и немытая посуда на кухне у них считается «творческим беспорядком», тогда как такое же отношение обычного человека к своему жилью называется элементарным свинством.

Курылович вышел из ванной, прошел на кухню. Он был абсолютно голым, не потрудившись надеть даже нижнее белье. Достав таблетку растворимого аспирина, бросил ее в стакан, налил воды. Подождал, когда таблетка растворится, затем сел на стул и залпом выпил лекарство. Это иногда помогало. Хотя все равно не нужно так напиваться.

Итак, сегодня пятница. Курылович мотнул головой. Деньги, которые он привез послед-

ний раз, уже закончились. Как все это глупо устроено! Чего он тогда испугался Дзевоньского и взял вместо положенных тридцати тысяч только пять? И вот за семнадцать дней умудрился их растратить. Куда они разошлись? Ну, сначала позвонила Марыня, его первая супруга, и ультимативно потребовала, чтобы он оплатил обучение их дочери. Девочке уже шестнадцать, она учится в престижной частной школе. Пришлось отдать ей две тысячи долларов. Потом он послал деньги Эмилии, второй своей супруге, с которой формально еще не развелся. Кажется, пятьсот долларов. Сто дал в долг Мареку, еще двести потратил в ресторане на день рождения Зоси. Купил себе две новые рубашки... Ах, да, еще ему пришлось сменить старые покрышки на «Фольксвагене». Зимой нельзя ездить с такими покрышками. В общем, по мелочам все и разлетелось. Конечно, у него есть деньги в банках и в ценных бумагах, но пять тысяч лежали такой уютной пачкой в ящике письменного стола. А теперь совсем нет денег. Наверняка еще и Зося умудрилась вытащить несколько бумажек, беззлобно подумал Курылович.

Сегодня уже двадцать пятое февраля, вдруг вспомнил он. Так, а почему же не звонит Дзевоньский? Между последними двумя пригла-

шениями в Москву прошло десять дней, а теперь – уже восемнадцать. Или им больше не нужны услуги Курыловича? Может, они сами вышли на Холмского и решили, что будет дешевле непосредственно иметь дело с ним? Этот тип может спокойно его сдать, если ему пообещают лишних хотя бы тысячу долларов. Абсолютно беспринципный жулик. Курылович огорченно вздохнул и поднялся. Нужно ждать, когда ему позвонят. Обидно терять такой бизнес. А в тот раз все же следовало проявить больше мужества – забрать свои тридцать. Никогда больше он не станет так глупо поступать. Испугавшись Дзевоньского, потерял не только двадцать пять тысяч долларов, но и дальнейшие перспективы на сотрудничество с этим польско-бельгийским бизнесменом, почему-то так интересующимся русскими режиссерами, актерами и журналистами.

Курылович не мог знать, что за его квартирой уже наблюдают приехавшие из Москвы сотрудники ФСБ, которых привез на своей машине сотрудник посольства. Квартира Курыловича находилась на третьем этаже старого дома, и на ее оконных проемах уже были закреплены на мягких присосках небольшие резисторные улавливатели шумов, способные обеспечить прослушивание всего помещения.

Огорченный Курылович пошел одеваться. Иногда приходится вспоминать, что ты журналист, и соответственно выдавать какие-нибудь глупые репортажи для своей газеты. Его счастье, что главный редактор – родной дядя Эмилии. Только поэтому он и не разводится с этой стервой, ведь не выгонит же дядюшка с работы мужа любимой племянницы. Если вспомнить, как он начинал, то раньше подпись «Ежи Курылович» стояла под самыми громкими разоблачительными статьями. Но потом его стали покупать. Сначала – приглашать в рестораны, делать дорогие подарки, затем откровенно предлагать деньги. И он начал работать совсем по-другому. Теперь его не слишком интересовал сам материал, ему было важно узнать позицию заказчика. И даже если Курылович находил данную позицию неприемлемой, он все равно исправно отрабатывал свой гонорар. Моральные категории его более не волновали. И тогда он просто перестал существовать как независимый и достаточно самобытный журналист, а стал обычным писакой, работающим на заказ. Его не обижало, когда он читал о себе в газетах заметки, в которых упоминался под таким прозвищем. Иногда появлялись эпитеты и похлеще. Но к тому времени он уже оброс кожей

слона. И его интересовали только гонорары, а вовсе не отзывы о нем коллег. Можно сказать, что Курылович поменял мораль на «золотого тельца», а изменяя морали, невозможно сохранить совесть. Поэтому он особенно и не переживал.

В этот момент зазвонил его мобильный телефон. Курылович глянул на аппарат. Неужели Бог услышал его молитвы и это звонит пан Дзевоньский? Он бросился к телефону.

– Здравствуй, – услышал Курылович знакомый голос Эмилии, такой ненавистный сейчас. Она специально звонит на сотовый, чтобы его найти. Или уже знает о Зосе и не хочет звонить на городской?

– Добрый день. – Он посмотрел на часы.

– Ты еще не проснулся? – довольно невежливо спросила она. – У тебя сонный голос.

– Я уже давно в гараже, вожусь с машиной, – зло соврал он.

– Кстати, насчет машины. Я все время забываю тебе сказать. Два дня назад меня ударили на Маршалковской. Теперь мой «Ситроен» стоит в ожидании ремонта.

– Разве у тебя нет страховки?

– Есть. Именно поэтому я тебе и звоню. Машину отремонтируют, но нужно внести деньги за ее страховку на следующий год.

— Сколько? – все так же зло осведомился он.

— В злотых или в долларах? – Жена явно издевалась.

— В турецких лирах! – Он даже не мог отключиться. Тогда она сразу позвонит дяде, и эти двое все равно вычтут деньги на страховку ее машины из его зарплаты.

— Четыреста долларов, – сообщила Эмилия. – Можешь выслать в злотых. Или перевести на счет страховой компании. Я сообщила им, что ты их старый клиент. Ведь твой «Фольксваген» тоже застрахован у них? Верно, дорогой?

Курылович отключился, не прощаясь. Придется заплатить за эту дрянь. А потом уйти в другую газету, чтобы уж окончательно порвать с Эмилией. Ее мамаша – любимая сестра их главного, названивает своему братику по любому поводу и без него. Нужно уходить. А пан Дзевоньский все никак не звонит.

«Наверное, решил поменять партнера», – огорченно подумал Курылович. Ему хватало ума не звонить самому по старым номерам, чтобы не испортить окончательно отношений со своим основным заказчиком. К тому же тот все равно их сменил. Помнится, он именно так ему и сказал во время их последней встречи. Или предпоследней?

Курылович уже оделся и собирался выйти из дома, когда зазвонил городской телефон. Это не мог быть Дзевоньский. Тот никогда не звонил на городской. Но Курылович бросился к аппарату.

– Когда ты явишься на работу?! – гневно поинтересовался главный. – Мало того что ты позволяешь себе частые командировки, так еще и не выходишь на работу, когда тебя просят. Я же просил приехать сегодня пораньше. У нас визит в Польшу делегации НАТО, а ты еще спишь!

– Сейчас приеду, пан редактор. – У Курыловича окончательно испортилось настроение.

И именно в этот момент зазвонил его мобильник.

Курылович пробормотал ругательство и достал аппарат. Он уже не ждал ничего хорошего, когда услышал голос Дзевоньского.

– Добрый день, пан Курылович.

– Господь услышал мои молитвы! – обрадовался тот. – Я вас слушаю, пан Дзевоньский.

– Когда вы можете приехать в Москву? Нам нужно кое-что обсудить.

– Сегодня, завтра?.. – радостно спросил журналист.

– Нет. Давайте в понедельник. Как раз будет последний день зимы. Встретите весну

в Москве. Мы закажем вам номер в отеле «Националь». На три дня. На вашу фамилию. Договорились?

И он еще спрашивает!

– Сейчас же еду за билетом, – не стал скрывать восторга Курылович.

Теперь он заберет оставшиеся с прошлого раза двадцать пять тысяч. А с выданных для последнего транша двухсот тысяч снимет еще шестьдесят. Нет, шестьдесят пять – за все свои мучения. Пусть Холмский выкручивается, как хочет, это не его дело. И пусть они потом никогда ему не звонят. Нельзя быть таким честным дураком, это просто невыгодно. А еще надо сменить газету и найти другого главного редактора, который согласится на его частые отлучки.

Курылович бросился вниз, чтобы сразу отправиться за билетом в Москву. Билет можно купить по кредитной карточке. Он так и сделал, проехав четыре квартала от дома и припарковав машину рядом со зданием аэрокассы. Только купив билет на утренний рейс в понедельник, он вспомнил, что в редакции его ждет главный. Но как же ему не хотелось туда ехать!

«Пусть эта сука Эмилия сама платит за страховку на следующий год», – подумал Курылович и улыбнулся своему решению.

В редакции в этот день он так и не появился.

Его разговоры с женой, главным редактором и неким паном Дзевоньским, позвонившим из Москвы, были переданы в комиссию Машкова. Купленный билет означал, что Курылович собирается в Россию, где за ним будет гораздо легче пронаблюдать. Сотрудники ФСБ получили приказ проконтролировать отъезд польского журналиста в Москву. Они же обратили внимание на другую машину, которая повсюду следовала за Курыловичем. Это означало, что за ним следят не только сотрудники ФСБ, но и какие-то другие структуры, которые даже не пытались хоть как-то закамуфлировать свои действия.

Получив известия из Варшавы, комиссия Машкова сразу же начала проверку звонка Курыловичу из Москвы. Теперь уже никто не сомневался, что они находятся на верном пути. Фамилия пана Дзевоньского возникла уже во второй раз. Впервые ее произнес Уорд Хеккет при встрече с Дронго в Вене еще полгода назад. Но все поиски этой таинственной личности пока не увенчались успехом. Однако Курылович именно так называл человека, позвонившего ему из Москвы.

Поздно вечером Машков собрал всех офицеров, не забыв пригласить и Дронго.

— У нас начинается заключительная стадия расследования, — сообщил генерал. — Вполне вероятно, что неизвестный нам Дзевоньский выведет нас на самого Гельмута Гейтлера. Или, по крайней мере, объяснит нам свой интерес к нашему театру и жизни Павла Абрамова. Обращаю ваше внимание, что нам не удалось установить, откуда звонил этот Дзевоньский. Наиболее вероятно, он находился в машине, которая двигалась к Москве. Закончив разговор, сразу же отключился. Но аппарат был приобретен в Санкт-Петербурге, это мы уже сейчас знаем. Так что, если он заработает снова, мы сможем его вычислить.

— А разве нельзя найти отключенный аппарат? — удивился Дронго. — Я не очень в этом разбираюсь, однако, насколько мне известно, современные технические средства позволяют легко найти даже выключенный аппарат.

— Верно, — кивнула Чаговец, — но мы имеем дело с профессионалами. Они об этом тоже знают. Он может вытащить сим-карту из аппарата и спрятать ее в другом месте. Или вообще спрятать отключенный телефон, что для нас еще хуже. Установив наблюдение за этим местом, будет ждать. А как только мы там появимся, можно будет заканчивать нашу операцию. Мы себя выдадим.

– Снимаю все мои сомнения, – объявил Дронго. – Сегодня шпионы ищут друг друга с помощью спутников.

Машков усмехнулся на его реплику. Впервые за много месяцев у него было хорошее настроение.

ЭСТОНИЯ. ТАЛЛИН
26 февраля. Суббота

В Таллин прибыл опытный «переговорщик» – подполковник ФСБ Мансимов. Изъяснявшийся на безупречном русском языке, этот человек имел типично кавказскую внешность: темные волосы, пышные черные усы, нос с горбинкой и веселые озорные глаза. Мансимов специализировался на северокавказских операциях. Психологически появление «кавказца» на переговорах от России было оправданно, ибо сразу производило нужный эффект.

Ровно в двенадцать часов Мансимов с российской газетой в руках появился в холле отеля. Он сел в кресло, положил свернутую газету рядом с собой на столик и принялся терпеливо ждать. По договоренности с Машковым было решено не привлекать местные службы безопасности. Среди их сотрудников мог оказаться

провокатор или болтун, способный загубить всю операцию. Поэтому в Таллин вместе с Мансимовым приехали еще двое сотрудников ФСБ, которые были обязаны не выдавать себя ни при каких обстоятельствах, обеспечивая безопасность подполковника-«кавказца».

Эти двое прилетели под видом семейной пары и теперь тоже находились в холле, наблюдая за всеми входящими. В десять минут первого к Мансимову подошел какой-то мужчина. Он был чуть выше среднего роста, с рыжеватой, коротко подстриженной бородкой, небольшими усами и светлыми глазами. На голове – кепка с названием какого-то бейсбольного клуба, на плечах – яркая оранжевая куртка.

– Здравствуйте, – произнес мужчина с типичным эстонским акцентом, – вы приехали из Москвы?

– Да, – показал на газету Мансимов, – я жду вас уже десять минут.

– Извините, – незнакомец внимательно смотрел на своего собеседника, – я думал, что приедет другой человек.

Один из сотрудников ФСБ подал знак Мансимову, что в холле находится посторонний. Кроме этого типа, в отель вошел еще один мужчина, который сел в дальнем углу, внимательно наблюдая за происходящим разговором.

– Вы принесли деньги? – спросил эстонец.

– Только часть, – ответил Мансимов, – вы должны нас понять. Мы хотим быть уверены, что с журналистом ничего не случится.

– Вы нарушили наши условия, – заметил эстонец, – до свидания. – Он поднялся, собираясь уйти.

– Подождите, – остановил его Мансимов, – легче всего закончить разговор. Вы не думаете, что люди, которые нас сюда послали, будут недовольны? И ваши люди, и мои?

– Что вы предлагаете? – чуть заколебался эстонец.

– Нам нужно договориться. Мне поручили узнать, как себя чувствует похищенный журналист и убедиться, что он жив. Только в этом случае я должен выдать вам десять процентов от всей суммы. А позже все остальное. Поймите, у меня есть свое начальство, я не могу так просто распоряжаться этими деньгами.

– Вы должны были принести пять миллионов, – зло напомнил эстонец.

– Правильно. Но у нас нет никаких гарантий. А если наш журналист уже давно погиб? Или умер от сердечной недостаточности? Как я могу это проверить? Или вы предлагаете себя вместо заложника?

Эстонец нахмурился. Он не был готов к таким вопросам.

– И ваша программа, – не отступал Мансимов, – вы должны передать мне вашу программу. Я думаю, будет правильно, если мы сначала выполним ваше требование, чтобы вы убедились в нашем позитивном отклике, а затем состоится передача всей суммы в обмен на заложника. Согласны?

– Я вас не понимаю, – обреченно проговорил эстонец, затравленно озираясь по сторонам.

– Где ваша программа, которую мы должны передать по нашему каналу? – упрямо настаивал Мансимов.

Эстонец наконец вспомнил про эту программу. Он полез в карман и достал конверт. Бросил его на столик, чтобы не передавать из рук в руки. Эстонец почему-то опасался прикасаться к Мансимову.

– Мы ее обязательно рассмотрим, – кивнул подполковник. – Давайте договоримся так. Я передам вам деньги сегодня через два часа в этом отеле. Как раз успею их привезти. Только вы никуда не уходите. А насчет остальных денег мы договоримся, когда получим гарантии, что журналист жив. Вы меня понимаете?

– Понимаю. – Эстонец был согласен на

все, лишь бы избавиться от гипнотического взгляда и голоса этого человека.

– Мы ждем вашего звонка в понедельник, ровно в полдень. И хотели бы услышать голос самого Абрамова, – пояснил Мансимов.

– Я передам, – пообещал вконец растерявшийся эетонец.

– Тогда до встречи через два часа. – Мансимов встал и вышел из холла, а наблюдавший за эстонцем незнакомец остался сидеть в отеле. Очевидно, в его задачу входило наблюдение за своим человеком.

Мансимов получил деньги, переданные с дипломатической почтой в российское посольство. Это была большая победа Машкова и всей комиссии. Они настояли, чтобы первые пятьсот тысяч были отправлены в Таллин для успешных последующих переговоров.

Эстонец затравленно озирался после ухода Мансимова и наконец, не выдержав, вскочил с места, подбежал к наблюдавшему за ним мужчине.

– Они согласны выплатить только часть денег, – шепотом доложил он, умоляюще глядя на него.

– Вернись на свое место, кретин, – довольно громко буркнул тот.

Сомнений не оставалось. Эти люди связаны

друг с другом. Через два часа Мансимов привез деньги. Все это время эстонец просидел за столиком, корчась и бросая отчаянные взгляды на наблюдающего за ним мужчину. Едва получив деньги, он забрал портфель и чуть ли не бегом выскочил из отеля. Его наблюдатель быстро вышел следом. И почти сразу отель покинула «семейная пара» сотрудников ФСБ.

Уже вечером того же дня Мансимов вернулся в Москву, а сотрудники ФСБ установили фамилии и адреса обоих эстонцев, приезжавших в «Виру» на переговоры. Ленарт Кясперт и Арни Рауддсепп теперь были под их наблюдением. На следующий день в Таллин для подкрепления должны были прибыть еще две пары сотрудников ФСБ. Деньги остались в квартире Рауддсеппа, в субботу их невозможно было положить в банк. Правда, наблюдатели не смогли установить, с кем беседовали эти двое, но стало ясно, что именно они проведут следующий тур переговоров. Оставалось дождаться понедельника.

РОССИЯ. МОСКВА
27 февраля. Воскресенье

В выходной члены комиссии Машкова собрались, как обычно делали это в будние дни. Все понимали чрезвычайную важность их ра-

боты. Речь шла о самом изощренно продуманном террористическом акте в истории мировых спецслужб. У Машкова были воспаленные глаза, он уже которую ночь не высыпался, пропадая на докладах у руководства. Все остальные выглядели не лучше. Дронго, ночевавший дома, успел принять душ, побриться, переодеться в свежее белье. Но многие офицеры ночевали прямо на рабочих местах.

В полдень Машков подвел некоторые итоги. На следующее утро ожидался прилет Курыловича в Москву и его возможная встреча с заказчиком. В Эстонии установлено наблюдение за двумя местными жителями. И наконец, Холмский и вся его деятельность – под плотным контролем спецслужб. Каждая из групп, работающих в Польше, Эстонии и Москве, действовала независимо, передавая все полученные сведения в межведомственную комиссию генерала Машкова.

Прилетевший вчера вечером в Москву подполковник Мансимов коротко доложил о своей встрече в Таллине. Все понимали, что завтрашний день может стать одним из решающих.

– Нужно сразу брать Дзевоньского, – предложил Богемский, – судя по всему, мы имеем дело с профессионалом, который быстро поймет, что мы за ним наблюдаем. Если мы

его упустим, он уйдет, и мы его никогда больше не найдем.

– А если он сможет вывести нас на самого Гейтлера? – усомнился Полухин. – Мне кажется, игра стоит свеч.

– Господин генерал, – обиделся Богемский, – ваши спецслужбы могут разрабатывать любые операции. Это ваше право. А я здесь представляю службу охраны президента. И обязан думать в первую очередь об интересах страны и безопасности главы государства. Некоторые полагают, что вся наша работа состоит из непосредственной охраны первых лиц, когда накачанные телохранители стоят плотным кольцом вокруг охраняемого лица. Но вы же знаете, что это не самое важное в нашей работе. В первую очередь мы обязаны предотвращать любые возможные покушения. Мы должны анализировать обстановку, предвидеть действия внушающих подозрения личностей. А судя по нашей многомесячной работе, мы имеем дело с чрезвычайно опасными профессионалами, способными на любой нестандартный ход. Поэтому я настаиваю на своем предложении: Дзевоньский должен быть арестован сразу же, как только появится в зоне нашего наблюдения.

– Мы учтем ваше предложение, Богем-

ский, – согласился Машков, – но будем действовать, исходя из конкретной обстановки. Наша цель не просто найти и арестовать одного из вероятных террористов. Мы должны сделать все, чтобы предотвратить возможный террористический акт. И не забывайте, что мы с вами отвечаем еще и за жизнь журналиста Абрамова. Его судьба тоже в наших руках.

– Это несопоставимые фигуры – президент и журналист, пусть даже очень известный и талантливый, – возразил Богемский.

– Речь идет о жизни людей, – угрюмо поправил его Машков, – и я отвечаю за обоих. Давайте на этом прекратим нашу дискуссию. Для нас важно не допустить террористического акта и спасти жизнь похищенного журналиста. Для этого мы здесь и собрались.

– Мне не совсем понятно, что именно собираются делать террористы, – подала голос Чаговец. – Насколько я поняла, у нашего эксперта вызывает подозрение рекламная кампания, заказанная Холмскому через Курыловича неким Дзевоньским. Но никто не объяснил нам, как эти газетные статьи могут быть связаны с террористическим актом?

– Мы пока этого не знаем, – ответил Дронго, чувствуя на себе взгляды всех остальных, – но я убежден, что Дзевоньский проводит свою

акцию не просто так. Им движет не альтруистическое желание спасти журналиста или рассказать всем о его прежних успехах. В целенаправленной кампании я вижу конкретную опасность для главы государства. Ведь служба охраны обычно не реагирует на такие статьи. Она тоже не находит в них прямой опасности.

— А если мы ошибаемся? — не успокаивалась Чаговец. — Что, если линия Дзевоньский–Курылович–Холмский никак не связана с похищением журналиста и встречами нашего представителя в Таллине? Если это параллельные линии, которые никогда не пересекутся в будущем? Кто ответит за нашу ошибку? Вы?

Дронго хотел что-то сказать, но его опередил Машков:

— За возможные ошибки отвечаю лично я — как руководитель межведомственной комиссии...

— И мы все, — добавил Полухин, — как ответственные люди.

Чаговец обменялась взглядами с Богемским. Оба явно были недовольны, но предпочли больше не спорить.

Совещание закончилось. Дронго подошел к Нащекиной.

— Иногда я радуюсь, что не нахожусь на государственной службе, — тихо признался

он. – Иметь такого начальника, как Богемский, просто невыносимо.

Женщина улыбнулась:

– Он вас тоже не очень любит.

– Чувствую, – согласился Дронго и, помолчав, сменил тему: – Я вот все время думаю, что мы будем делать, когда все закончится?

Нащекина чуть покраснела и попросила:

– Не нужно.

Это была обычная слабость, свойственная любой женщине.

Очевидно, она вспомнила о своем поцелуе, хотя тогда лишь прикоснулась к нему губами. Но он не забыл этого ощущения карамельной свежести.

– У меня есть шанс пригласить вас куда-нибудь на ужин, после того как нашу комиссию распустят? – поинтересовался Дронго.

– Не знаю. Мне кажется, нет, – отозвалась Нащекина. – Я иногда делаю глупости, о которых потом жалею. По-моему, уже все знают о моей к вам симпатии. Этого достаточно. Не будем переходить эту грань.

– Я думаю, они замечают взаимную симпатию, – улыбнулся Дронго.

– Тем более... – Она осторожно вздохнула. – Иногда мне тоже не хочется оставаться на государственной службе. Но у каждого свои

обязанности. Вы ведь вот вернулись обратно в Москву, хотя вас никто не звал? А могли бы спокойно остаться в Риме.

– Я не мог там остаться. Мне показалось важным...

– Вот видите! У каждого из нас есть чувство долга. И разум, который должен управлять нашими эмоциями. Вы мне нравитесь. Очень нравитесь. Но этого недостаточно, чтобы я забыла обо всем. К тому же мое руководство явно не одобрит нашей возможной встречи. Или совместного ужина. Как вы считаете?

Дронго не ответил, только пожал плечами. Уговаривать в таких случаях женщину он считал недопустимым, убеждать в своей правоте – глупостью. Лучше промолчать. Хотя по большому счету молчать в такой ситуации – тоже глупость. Но он ничего не мог с собой поделать. Такое отношение к женщинам было уже частью его натуры. В конце концов, нельзя изменить самого себя. Это сложнее всего.

РОССИЯ. МОСКВА
27 февраля. Воскресенье

Теперь они завтракали втроем. И Гейтлера постепенно это начало раздражать. Эрика Франкарт имела мощные челюсти и обычно

тщательно прожевывала пищу, перед тем как проглотить. Кроме этого, она любила булочки с маслом и сладкий кофе. Гейтлер с отвращением наблюдал, как она мажет белый хлеб маслом – толстым, способным одним своим видом вызвать тошноту слоем. На Дзевоньского эта особа, кажется, никак не действовала. Он ее словно не замечал. А Гейтлер постоянно вспоминал утонченные пальцы Риты и старался не смотреть на узловатые пальцы бывшей надсмотрщицы и инспектора полиции.

И все-таки нужно отдать ей должное – она была пунктуальна и четко выполняла все задания Дзевоньского. К Гейтлеру Эрика относилась с некоторым пиететом, понимая, что перед ней бывший руководитель высокого ранга, который мог быть министром внутренних дел или главой полиции крупного города. Но Дзевоньского она по-своему даже любила, относилась к нему тепло и иногда лишний раз предлагала приготовить ему кофе.

В этот день после завтрака мужчины прошли в гостиную с камином, а Эрика осталась на кухне. Посуду мыть она не умела, тарелки и чашки у нее постоянно бились, но это была ее проблема.

Дзевоньский, заметив, что Гейтлер смотрит на часы, недовольно спросил:

— Вы опять собираетесь нас покинуть?

— Да, — кивнул Гейтлер, — я вызвал моего водителя. Он будет здесь в одиннадцать.

— Я вас не понимаю, — признался Дзевоньский. — Неужели вы действительно в одиночку готовите ваш «резервный» вариант? Полагаете, что если провалится основной, то у нас еще будут шансы? И вообще, неужели мы решим здесь остаться? Нас же сразу вычислят и арестуют. Разве вы этого не понимаете?

— Каждый занимается своим делом, — меланхолично заметил Гейтлер, — и не нужно считать их профанами. Они умеют работать и действительно могут сорвать наш основной план. Ведь кроме нас с вами мозаику этого плана знает уже большое количество людей. И где-нибудь может произойти утечка информации.

— Не может, — отрезал Дзевоньский, — мы все предусмотрели.

— Очевидно, не все. Ваши эстонцы не смогли провести переговоры на должном уровне. Их просто переиграли. Судя по беседе, на переговоры явился опытный человек, сумевший убедить ваших людей взять только десять процентов и продолжить переговоры, что нас не совсем устраивает.

— Деньги они заплатили, — напомнил Дзевоньский, — значит, решили пойти на уступки.

— Это пока ничего не значит. Заплатили только десять процентов. И нам нужно завтра снова отправлять Карла на Северный Кавказ. А он уже дважды туда выезжал. Это может вызвать подозрение. Кроме того, если ему придется говорить своим голосом, они смогут его вычислить. Гельвана достаточно услышать один раз, чтобы понять, из какой страны он сюда приехал.

— У вас есть другое предложение? Вы же сами настаивали, чтобы круг осведомленных людей был как можно уже. Кроме Карла я никому не доверяю. Ни одному человеку. Даже Эрике.

— Понимаю. Но мы все равно рискуем. Нужно дать указание Гельвану, чтобы он настаивал на наших условиях. Никакого торга. Сначала деньги — затем заложник. Я думаю, что ФСБ уже подключилось к этой операции. Возможно, и другие спецслужбы. На вашем месте я не рисковал бы выходить на непосредственную связь с Курыловичем. Это опасно. Особенно на заключительной стадии нашей операции.

— Я учту ваши пожелания, — угрюмо пообещал Дзевоньский.

— Когда вы собираетесь вызвать хирурга?

— Он ждет. Готов прилететь в любой момент.

— Вы достали пластид?

— Конечно. Он уже у нас. Четыреста граммов. Две пластинки пластида по двести граммов. Я только не понимаю, как вы все рассчитали? Может, ваш вариант нужно было сначала опробовать?

— Я все проверил на компьютере, — возразил Гейтлер, — и не совсем понимаю, как это можно проверить на живых людях. У вас есть два лишних человека, которых мы можем убить? Или полигон, где не будет слышен взрыв? Вы представляете, какое количество людей нужно задействовать, чтобы провести такие идиотские испытания? Не волнуйтесь, расчеты показывают, что ни один из двоих в живых не останется. Почти гарантированно.

— Мне давно хотелось вас об этом спросить. Впрочем, поступайте, как считаете нужным. Хирург прилетит во вторник.

— А Курылович?

— Завтра. Как видите, у меня все готово.

— Посмотрим, — неопределенно буркнул Гейтлер. — Я подготовлю для него «редакционное задание». Как у вас с деньгами?

— С этим у нас проблем нет. В этом городе

сто или двести тысяч наличными уже давно не очень крупные деньги.

— Ясно. Надеюсь, вы не получаете их лично?

— Не волнуйтесь. Частями и в разных банках. Я привез в Москву достаточное количество людей.

— За Холмским и Курыловичем по-прежнему наблюдают?

— Разумеется. Но оба на свободе и чувствуют себя хорошо. Вы напрасно волнуетесь, Гейтлер. Я думаю, вы просто готовите себе лучшие варианты отхода в случае неудачи. Или, наоборот, удачи. Но это ваше дело. После того как мы выполним наш «заказ», можете ехать куда угодно. И это уже будет не мое дело.

— Надеюсь, что так, — согласился Гейтлер, — но я все равно съезжу в город. У меня еще есть дела.

— Поезжайте, — кивнул Дзевоньский. — Между прочим, у нас не осталось масла, сыра и овощей. Может, купите по дороге? Так можно сказать?

— Лучше сказать «на обратном пути» или «по пути».

— Значит, может, купите продукты на обратном пути? — поправился Дзевоньский.

— Все, что угодно, кроме масла, — вспомнил Гейтлер.

— Почему? — удивился Дзевоньский.

— Ваша протеже ест его в неимоверных количествах. Я боюсь, что столько съеденного масла приведет ее к холециститу или гастриту. Мне просто жаль, что вы останетесь без такой нужной помощницы.

Дзевоньский испытующе посмотрел на него. Он не понимал, издевается над ним Гейтлер или говорит серьезно.

Когда Гейтлер уехал, Дзевоньский позвонил Гельвану и пригласил к себе. Требовалось оговорить завтрашнюю беседу. И взять билет для очередной поездки на Кавказ. Или лучше запутать следы и выехать куда-нибудь на Урал? Ведь если они ездят из Москвы на Кавказ, пытаясь обмануть возможных преследователей, то почему не посчитать логичным, что похитители якобы выехали с Кавказа в другое место с той же целью — обмануть своих противников? Эта идея ему понравилась. Завтра можно отправить Карла куда-нибудь на восток. Или на север. И пусть позвонит оттуда. Нужно потребовать все деньги до последнего цента. А потом выдать им Абрамова. Если конечно этот журналист выдержит. Они так обильно подмешивают ему наркотики, что он уже давно потерял чувство реальности. Впрочем, это то, что им нужно, согласно плану Гельмута Гейтлера.

РОССИЯ. ВОРОНЕЖ
28 февраля. Понедельник

Карл Гельван нервничал. Просто сходил с ума от этого поезда, так медленно ползущего к Воронежу. Накануне он взял билет на ночной поезд и был уверен, что успеет в город к десяти часам утра. На час дня у него уже был обратный билет. Наученный горьким опытом, он купил себе купе в «СВ» туда и обратно. Но поезд опаздывал. Выехал с часовым опозданием, а потом не только не нагнал график, но еще и задерживался на каждой станции по пятнадцать–двадцать минут. В результате на часах было уже около двенадцати, а состав только подъезжал к Воронежу. Это была ситуация, не предусмотренная планом Гейтлера. Карл в который раз посмотрел на часы и рванул дверь в коридор.

– Когда мы наконец приедем? – зло спросил он проходившего мимо проводника.

– Не волнуйтесь, – успокоил его проводник, – минут через тридцать будем в Воронеже.

– Через тридцать? – не скрывая возмущения, переспросил Гельван, еще раз глянув на часы. До назначенного времени оставалось около пяти минут. Ну и черт с ними! Он позво-

нит прямо из поезда, а потом выбросит аппарат в окно. Это единственный выход.

Ровно в двенадцать часов Гельван заперся в своем купе, достал мобильник, купленный в Волгограде, включил его, набрал знакомый номер. Ему долго не отвечали, и он нервно поглядывал на часы, понимая, что каждая секунда ожидания не в его пользу.

Операторы ФСБ пытались вычислить, откуда идет звонок. Их совершенная аппаратура начала подавать сигналы из района Воронежа. Было полное ощущение, что аппарат на большой скорости движется в сторону города. Очевидно, его владелец находился в автомобиле.

Наконец Гельвану ответили:

– Мы вас слушаем.

Карл включил портативный диктофон, который заранее положил рядом с аппаратом. Его характерный латышский акцент не должен раздаваться в телефонной трубке.

– Хотим вас предупредить, что игра затянулась, – сообщил голос одного из сотрудников Дзевоньского, записанный на пленку. – Мы не собираемся торговаться. Через три дня вы выплатите в Таллине всю оставшуюся сумму и получите фотографии живого журналиста со свежими газетами в руках. Разговаривать

с вами он не будет. Как только деньги будут выплачены, мы его освободим. В момент выплаты денег мы вам сообщим, где его можно будет забрать через несколько часов.

– Может, вы оставите какой-нибудь контактный номер?

Гельван снова приложил диктофон к аппарату.

– И передайте наши условия перемирия по вашему каналу. Мы будем ждать.

Затем он сразу отключился, не слушая, что говорят на другом конце. Его задача была передать информацию и сразу отключиться. Карл достал из аппарата сим-карту, смял ее и выбросил в окно. Затем разбил аппарат и тоже выбросил в окно. Операторы ФСБ уже вычислили точное место, где находился обладатель этого мобильного телефона. Теперь они точно знали, что звонивший говорил не из машины, а из поезда, подъезжающего к Воронежу.

– Передайте в Воронеж, чтобы на вокзале начали проверку паспортов, – приказал Машков. – И пусть обратят внимание на людей, говорящих с польским акцентом.

– Он говорил чисто по-русски, – напомнил Богемский.

– Это была заранее заготовленная за-

пись, – устало пояснил Машков. – Он никогда не отвечает на наши вопросы, не вступает в диалог. Действует как машина, передающая только их предложения. Запись делается заранее, я в этом убежден.

– Похоже, вы правы, – поддержала его Чаговец, вглядываясь в динамику прохождения голосового сигнала на компьютерах. Судя по ней, говоривший был спокоен и словно диктовал текст, а не вел речь о миллионах долларов, предназначенных в том числе и ему.

– Вы думаете, что в Воронеж поехал сам Дзевонський? – спросил Полухин. – Но так он не успеет вернуться в Москву к прилету Курыловича.

– А если он вернется самолетом? Или скорым поездом? И вечером будет в Москве? Мы ничего не знаем. Кто звонил и какой он из себя? Может, это старик или вообще женщина. Мы ничего не знаем и поэтому должны проверить всех. Позвоните на вокзал, пусть задействуют все силы. И подключите областное управление ФСБ.

Когда на вокзале началась проверка документов, Карл Гельван уже сидел в поезде, направлявшемся в Москву. Он обратил внимание на появившиеся патрули и сотрудников милиции. Но не придал этому особого значения –

в последние годы на железнодорожных вокзалах частенько проверяли документы у пассажиров. Однако когда увидел, что вдоль железнодорожного полотна ходят сотрудники ФСБ, видимо выискивая выброшенный им телефон, то понял, что ищут конкретного человека, звонившего в Москву. Правда, и этот факт не насторожил Гельвана — ведь заранее было известно, что его телефон будет прослушиваться. Но откуда ему было знать, что в эти часы Ежи Курылович уже летел в Москву, где его ждала хорошо организованная засада. Кольцо вокруг разработчиков террористической операции начало сжиматься.

РОССИЯ. МОСКВА
28 февраля. Понедельник

Сто второй рейс вылетал из Варшавы в одиннадцать часов утра по местному времени. Полет длился всего полтора часа. Но из-за разницы во времени путь на Восток автоматически удлинялся на два часа. Соответственно, вылетая из Москвы на Запад, пассажир попадал в столицу Польши иногда на несколько минут раньше времени своего вылета.

На часах было около трех, когда самолет совершил посадку в Шереметьево-2. Курыло-

вич не мог себе даже представить, какое количество людей следило за ним. Сначала в Варшаве его провожали двое сотрудников Дзевоньского и соответственно следившие за ним сотрудники ФСБ. Затем в Москве его встречал один из подручных Карла Гельвана, который внимательно наблюдал за тем, как Курылович вышел из терминала и направился к частникам, стоявшим у здания аэровокзала. Еще несколько сотрудников Федеральной службы безопасности наблюдали за тем, как Курылович договорился с водителем и уселся в машину. Следом сразу же отправились два автомобиля. Польский гость поехал в отель «Националь», где ему был заказан номер. И не только заказан, но и оплачен. Узнав об этом, Курылович радостно усмехнулся. Дзевоньский ничего не стал менять, это было хорошим знаком.

Теперь оставалось ждать визита заказчика. Курылович набрал номер офиса Холмского и попросил секретаря соединить его с Аркадием Яковлевичем.

– Кто говорит? – поинтересовалась секретарь.

– Передайте, что звонит его друг из Варшавы.

Через несколько секунд Холмский взял трубку.

– Добрый день, Аркадий Яковлевич, – любезно начал Курылович, – как наши дела?

– Неплохо. Вы разве не следите за газетами? Очень неплохо, на мой взгляд. Я думал, вы позвоните гораздо раньше. Или вы хотите свернуть нашу рекламную кампанию?

Очевидно, Холмского тоже беспокоило затянувшееся молчание заказчиков. У каждого свои проблемы, радостно подумал Курылович.

– Мы будем сотрудничать с вашей фирмой еще много лет, – весело пообещал он.

Их разговор тоже был записан. Вокруг здания гостиницы сосредоточилось в общей сложности более двадцати офицеров ФСБ, готовых к штурму в случае необходимости. Группа сотрудников службы охраны находилась недалеко от здания Государственной Думы, готовая подключиться к операции. Все ждали появления Дзевоньского.

Дронго находился в здании комиссии рядом с остальными офицерами. Машков кусал губы от нетерпения. Все понимали, что это единственный и последний шанс. Если Дзевоньский почувствует засаду или сумеет от нее уйти, они уже не смогут в оставшееся время его найти. К тому же террористы откажутся от своего плана с журналистом и перейдут к другому варианту. Никто не сомневался, что Гельмут

Гейтлер, как опытный специалист, разработал сразу несколько вариантов покушения на главу государства, при котором первый был основным, а остальные – резервными.

В двенадцать часов на телевидение позвонил неизвестный мужчина и сообщил, что условия меняться не будут. Третьего марта ровно в полдень деньги должны быть выплачены в Таллине. Вся оставшаяся сумма. И только тогда им передадут фотографии живого журналиста и скажут наконец, где его можно забрать.

Звонивший говорил из Воронежа, его телефон был куплен в Волгограде. По приказу Машкова все возможные силы ФСБ и УВД области были брошены на поиски звонившего. Операторы ФСБ определили, что он говорил из состава поезда, двигавшегося в сторону Воронежа. Но поиски возможного террориста ни к чему не привели, хотя до трех часов дня проверяли всех подозрительных людей, приехавших этим поездом из Москвы. По предложению Полухина начали обход железнодорожного полотна в надежде найти выброшенный телефон. И действительно, в четыре часа дня сообщили, что найдены остатки разбитого телефона, которые отправлены на экспертизу. Аппарат именно с этим номером был куплен

в Волгограде. Теперь сомнений не оставалось. Неизвестный направлялся в Воронеж из Москвы, чтобы скрыть свою причастность к столичному региону. Когда пришло это сообщение, Дронго и Нащекина, не сговариваясь, посмотрели в сторону Татьяны Чаговец, но та обиженно отвернулась.

Ей всю жизнь, еще со школы, не нравились такие пышнотелые, румяные и светловолосые женщины, как Эльвира Нащекина, хотя Татьяна не хотела признаваться в этом даже самой себе. Невысокого роста, сухая, с крысиным лицом и конечностями, похожими на лапки грызунов, Татьяна Чаговец никогда не пользовалась особым расположением мальчиков. С годами эта тенденция только усилилась. Она так и осталась старой девой, ни разу не познав радости в паре с мужчиной. Зато научилась ненавидеть. Мужчин она презирала, а более счастливых соперниц – терпеть не могла.

Чаговец быстро росла по служебной лестнице, ее ценило начальство, побаивались подчиненные, уважали коллеги. Но никто не знал, что творится в душе этой одинокой женщины. Она испытывала почти физическое отвращение к женской красоте, считая, что с нею судьба обошлась несправедливо. Как и все очень некрасивые, но целеустремленные женщины,

она была умной, начитанной, волевой, энергичной, почти с мужским характером. И это помогало ей держаться, невзирая на очевидность того факта, что ее жизнь при всех внешних атрибутах успеха все же не удалась.

В пять часов вечера Курылович заказал обед себе в номер. А в группе Машкова в это время никто не мог даже думать о еде. Все ждали появления Дзевоньского. Каждый входивший в отель попадал под плотное наблюдение сотрудников ФСБ. Но среди них не было того единственного человека, ради которого они задействовали столько людей.

В половине седьмого вечера зазвонил мобильный телефон Курыловича. Ежи Курылович в этот момент лежал на постели, переключая телевизионные каналы. И сразу схватил аппарат.

– Я вас слушаю, – выдохнул он.

– Пан Курылович, – сказал по-польски Дзевоньский, – сейчас к вам приедет наш сотрудник, который передаст вам мои инструкции.

– А деньги? – не удержался журналист.

– Не беспокойтесь, – ответил Дзевоньский, – деньги вы получите.

Следующие несколько минут были самыми томительными для сотрудников ФСБ. Все ждали появления курьера. Через четверть часа

в отель вошел мужчина средних лет. На нем были темная куртка, шляпа, тяжелые ботинки, большой шерстяной шарф. Он подошел к портье и попросил передать конверт для пана Курыловича, после чего откланялся, приподняв шляпу, и вышел. За ним немедленно было установлено наблюдение. Дзевоньский решил в последний момент последовать совету Гейтлера и не выходить непосредственно на связь с Ежи Курыловичем.

Незнакомец сел в машину и отправился в аэропорт. С собой у него был небольшой чемоданчик. Его сопровождали до самого самолета. Не тронули, даже когда он прошел границу и предполетный досмотр. Самолет вырулил на дорожку, но затем повернул обратно. Вот тут в салон авиалайнера и ворвались сразу пять человек, которые схватили этого пассажира. Но уже через полчаса стало ясно, что они ошиблись. Задержанный мужчина не имел никакого отношения к Дзевоньскому. Просто накануне вечером в баре отеля «Мэрриот Аврора» этот поляк познакомился с земляком и охотно взялся выполнить его просьбу – оставить конверт в отеле «Националь» для другого земляка. К вечеру стало ясно, что Дзевоньский переиграл группу Машкова. Нужно было срочно отправлять самолет с пассажирами, чтобы не вы-

звать еще больших подозрений. В Варшаву уже сообщили, что самолет задержали по техническим причинам. Все понимали, что допустили непростительную ошибку. В Варшаве наверняка следили за полетом именно этого самолета и прибытием именно этого поляка.

В конверте, переданном Курыловичу, были категорические указания активизировать работу всех журналистов, напечатав тревожные статьи о возможной гибели Павла Абрамова.

Поздно ночью Машков подвел неутешительные итоги. Он не хотел признавать своего поражения, но понимал, что Дзевоньский оказался хитрее. Никто из офицеров межведомственной комиссии даже не пытался возражать. Все переживали поражение. В огромном зале, где были установлены сразу восемь компьютеров, вдруг стало очень тихо. Все замерли, глядя на Машкова, ожидая от него каких-то слов поддержки. Но он молчал.

– И что же нам делать? – наконец не выдержал Полухин.

– Признать свой провал, – с горечью ответил Машков. – Как мы все глупо облажались! Он нас переиграл, как дурачков. Подставил нам этого поляка, своего соотечественника, которого наверняка ждали в Варшаве. А теперь они знают, что самолет задержали и этот чело-

век не прибыл. Мы все провалили. Очень глупо. Дронго был прав, когда полагал, что мы не справимся с этим Дзевоньским. Нас всех нужно отсюда гнать. Никакие мы не профессионалы, мы потеряли нашу квалификацию, пока нас десять раз реорганизовывали и сокращали. Ни на что не годимся.

– Я такого не говорил, – возмутился Дронго, – и ты напрасно так себя ругаешь. Этот тип сумел придумать ловкий трюк, но пока он еще в городе. Ведь им нужно любой ценой провести эту встречу третьего марта. Ты же читал их указания. И слышал, что говорили по телефону из Воронежа. Значит, им эта встреча важна не меньше, чем нам.

– Как мы их вычислим за три дня? Возьмем Курыловича? Он ничего не знает.

– Правильно. Но у нас есть небольшая зацепка. Это отели, в которых жил Курылович. Ведь он приезжает сюда не в первый раз. И каждый раз ему заказывали номера и оплачивали их. Нужно немедленно проверить, кто именно это делал. Прямо сейчас. Кроме того, можно поднять все номера телефонов, звонивших в службу резервации отелей.

Машков глянул на одного из сотрудников, и тот бросился к телефону.

– Теперь нужно создать алиби задержан-

ному поляку, – продолжил Дронго. – Положите его в больницу и сообщите родным, что ему стало плохо с сердцем. Или если у него здоровое сердце, проверьте его желудок. Может, у него язва или диабет. Ему пятьдесят пять. А в этом возрасте у человека всегда можно найти какую-нибудь болезнь.

– Алексей Николаевич, займитесь больницей, – согласился Машков, – и сообщите родным этого поляка, что он попал в реанимационное отделение. Может, сработает.

– Попытаемся сделать, – кивнул Полухин, – сейчас посмотрю, что у него со здоровьем. Кажется, у него диабет.

– И вчера он перепил в отеле «Мэрриот Аврора» со своим соотечественником, – напомнил Дронго. – Они ведь наверняка не чай пили, когда общались.

– Все сделаем. – Полухин быстро вышел из комнаты.

Говоривший по телефону офицер ФСБ посмотрел на Машкова.

– Докладывайте, – разрешил тот.

– Мы еще вчера проверили, сколько раз Курылович прилетал за последние три месяца в Москву, – сообщил офицер. – Оказалось, четыре раза. Жил в «Балчуге», «Метрополе», «Радиссоне» и теперь вот в «Национале». Все

номера в отелях оплачивались неизвестными людьми наличными. Сразу и за все дни. Но звонки были из разных мест. Однако дважды звонили из фирмы, занимающейся ландшафтным дизайном. Может, это совпадение, но мы сейчас их проверяем. Они снимают офис в бывшем международном центре торговли.

– Проверяйте быстрее, – попросил Машков, – поднимите распечатки по всем телефонам, которыми они пользовались. И узнайте, кто к ним звонил.

Люди продолжали работать. Никто не чувствовал усталости. В четвертом часу утра вошедший офицер сообщил, что в фирме, занимающейся ландшафтным дизайном, примерно месяц назад произошло «ЧП», сбежала сотрудница, которую до сих пор не могут найти. Она присылает маловразумительные записки и не отвечает на звонки своего мобильного телефона.

– Сбежала с каким-то парнем, – недовольно предположил Богемский. У него были красные от бессонницы глаза. – Эти девицы все никак не хотят заниматься настоящим делом.

– Проверяйте дальше, – предложил Машков. – Пошлите людей, пусть проведут обыск в их офисе.

— Сейчас пятый час утра, — напомнила Нащекина, посмотрев на часы.

— Именно поэтому группа должна отправиться немедленно, — приказал Машков, — прямо сейчас.

В шестом часу утра принесли распечатки всех разговоров из офиса фирмы ландшафтного дизайна. Там провели тщательный обыск, но ничего подозрительного не нашли. Дронго сидел рядом с Татьяной Чаговец, внимательно исследуя номера телефонов. Он обратил внимание, что в фирму звонили двадцать пятого декабря из Шереметьево-2, в тот самый день, когда католики всего мира традиционно отмечают Рождество.

Он прошел к одному из офицеров и попросил его проверить, не вылетал ли человек с фамилией Дзевоньский из России именно в этот день. И через полчаса уже знал, что никто с такой фамилией в аэропорту не появлялся.

— Вы думаете, он будет летать под этой фамилией? — снисходительно спросил сотрудник ФСБ, глянув на Дронго.

— Не думаю, — ответил тот, усаживаясь рядом.

Нащекина с некоторой тревогой смотрела на него. Она видела, что Дронго нервничает, от напряжения у него дергался правый глаз.

– Давайте сделаем по-другому, – неожиданно предложил Дронго. – Им еще звонили в тот день?

– Звонили. Из Брюсселя. И они звонили в Брюссель.

– А позже были звонки в Брюссель?

– Да. Тридцать первого декабря.

– Очень хорошо. Теперь мне нужен список людей, вылетавших в Брюссель двадцать пятого и тридцать первого. Одна фамилия может совпасть. Если этот Дзевоньский поляк, то он католик, а значит, мог на праздники полететь к себе домой. Проверьте списки всех пассажиров.

Он поднялся и принялся лихорадочно ходить по залу. У компьютеров работали сразу несколько операторов. Вместо прежней тишины теперь здесь стоял приглушенный шум бегающих по клавишам пальцев. Все негромко переговаривались, никто не хотел нарушать этой рабочей обстановки.

– Одна фамилия совпала, – сообщил сотрудник ФСБ, поднимая голову, и Дронго подошел к нему. – Станислав Юндзилл. Он летал в Брюссель и двадцать пятого, и тридцать первого декабря.

– Теперь быстро проверьте, когда он прибыл в Москву до этого. Я уверен, что он оставался в Москве примерно с середины ноября.

Сотрудник снова склонился над компьютером.

– Верно, – удивленно произнес он, – этот тип появился в Москве в середине ноября.

Дронго уже не слышал его. Он повернулся к Нащекиной и убежденно сказал:

– Это они. Дзевоньский католик и летал к себе домой на праздники. Он не подозревает, что мы смогли вычислить его фамилию, под которой он зарегистрировался в Москве.

– Руководитель фирмы ландшафтного дизайна – латышский гражданин Карл Гельван, – сообщил ему офицер. – За ним ничего нет. Мы проверили.

– Есть, – возразил Дронго. – Он как минимум знаком с Дзевоньским. Посмотрите по вашим данным, где он был двадцать четвертого февраля. Может, летал в Махачкалу?

Офицер работал минут тридцать. Затем покачал головой. Ни на одном самолете пассажир с такой фамилией не был зарегистрирован. Ни в Махачкалу, ни обратно.

– Проверьте шестнадцатое число. Вылет в Минводы из Москвы и обратно, – тяжело вздохнув, попросил Дронго. Он все еще не терял надежды.

Сотрудник ФСБ работал еще минут десять или пятнадцать. Затем вдруг поднял голову.

— Есть, — почему-то шепотом сообщил он. — Гельван улетел в Минводы шестнадцатого февраля рейсом «Аэрофлота».

— В котором часу?

— В двенадцать тридцать.

— А когда был на месте?

— В четырнадцать пятьдесят пять.

— А в шестнадцать был звонок из Пятигорска? — уточнил Дронго.

Офицер ФСБ счастливо улыбнулся. Дронго повернулся и пошел к Машкову. Он быстро рассказал ему обо всем. На часах было около девяти.

— Этот Гельван связан с Дзевоньским, — убежденно сказал Дронго. — Нужно отправить группу к нему домой. Прямо сейчас. И достать распечатку его мобильного телефона. Я думаю, это тот самый невидимка, который звонил на телевидение из Минвод, Махачкалы и Воронежа.

— Группа захвата! — мгновенно отреагировал Машков. — Давай адрес...

РОССИЯ. МОСКВА
1 марта. Вторник

Ранним утром сразу восемь офицеров спецназа ворвались в квартиру Карла Гельвана. Он не сразу понял, что происходит, и попытал-

ся сопротивляться. В конце концов Карл был достаточно подготовленным профессионалом, а у них наверняка – строгий приказ взять его живым. Именно поэтому ему удалось легко ранить двоих нападавших и нанести рваную рану третьему. Его довольно сильно побили, но действительно доставили в группу Машкова живым. К этому времени специалисты проверили два его сотовых телефона. Не оставалось никаких сомнений. Он успел побывать в Минводах, Махачкале и Воронеже как раз в те самые дни, когда оттуда раздавались засеченные телефонные звонки.

На всякий случай арестовали и остальных сотрудников фирмы: водителя, уборщицу, секретаря. Все понимали: счет идет на минуты. Гельвана допрашивали почти два часа. При этом его телефонные аппараты были включены, а специалисты из технического управления уже моделировали его голос для возможных ответов за него.

В двенадцатом часу дня раздался телефонный звонок. И уже знакомый голос, так похожий на голос Дзевоньского, недовольно спросил, почему Карл не перезвонил. Сотрудник ФСБ уже был готов ответить. Все замерли, ожидая трудного разговора.

– Что происходит, Карл? – задал вопрос

Дзевоньский. – Наш друг сообщил из аэропорта, что тебя там не было. Его встретил наш сотрудник без тебя.

– Я не успел, – ответил сотрудник ФСБ, – ударил машину.

– Только этого не хватало! Очень плохо. Возьми другую или вызови водителя и приезжай к нам. Тебе нужно сегодня позвонить моему соотечественнику. Ты понял, о ком я говорю? О нашем госте.

– Все понял. Когда мне приехать?

– Прямо сейчас. Я тебя сегодня не узнаю. Ты какой-то заторможенный. Ты не пострадал в этой аварии?

– Немного. Ударился головой.

– Приезжай немедленно. Я тебя жду, – приказал Дзевоньский.

Номер его телефона уже высветился на дисплее. Операторы переключились на него, пытаясь установить, откуда шел звонок.

– Группу на выезд! – крикнул Машков.

Гельвану к этому времени уже вводили специальный состав, называемый «сывороткой правды». Латыш начал давать показания. И сразу рассказал, где живет Дзевоньский, которого он упрямо называл другим именем. Тем самым, которое сумел вычислить Дронго – Станислав Юндзилл. Противостоять совре-

менным методам допроса практически невозможно. Человека могут убить, если введут лошадиные дозы лекарства, но заставят рассказать все до конца. Гельван честно признался, что похищенный журналист Павел Абрамов находится на даче у Дзевоньского, где вместе с ним проживает еще герр Йозеф Шайнер и старая знакомая пана Юндзилла Эрика Франкарт.

Машков приказал любым способом взять живым Дзевоньского. Он был нужен не только для показательного процесса над возможными заказчиками, но и как единственный свидетель, знающий в лицо генерала Гельмута Гейтлера. Дронго хотел отправиться вместе с группой захвата, но не решился напроситься, понимая, что ему откажут. Оставалось мучительно ждать известий.

РОССИЯ. МОСКВА
1 марта. Вторник

В это утро Гельмут Гейтлер проснулся с четким ощущением надвигающейся беды. Он еще не понял, чем вызвано это ощущение, не знал, почему так плохо спал ночью, но предчувствие приближающейся катастрофы было очень четким. Или он видел во сне кошмары, о которых

не помнил? А может, на него так подействовал этот первый день весны в России? Гейтлер поднялся, сделал энергичную зарядку и пошел умываться. Обычно они просыпались рано и завтракали примерно в девять часов утра. Или в половине десятого.

Он мрачно кивнул Эрике, поздоровался с Дзевоньским. Стол был заставлен привычными продуктами. Эрика сварила кофе. Может, она ему просто не нравится? Или он внутренне протестует против собственного плана? Сегодня они пройдут точку, после которой возврата не будет. Но почему тогда он так нервничает? Ощущение краха с каждой минутой только усиливалось.

– Гельван уже передал наше последнее сообщение, – объявил Дзевоньский, – я думаю, что третьего они заплатят нам деньги, и мы должны просчитать, где и как выпустить Абрамова. Уже сегодня его нужно отправить на юг. Три моих сотрудника будут готовы к вечеру.

– Что с вашим поляком, который передал пакет Курыловичу? – поинтересовался Гейтлер.

– Он не прилетел в Варшаву, – сообщил Дзевоньский. – Мне уже звонили оттуда. Кажется, у него диабет, а мы с ним немного перебрали. В самолете ему стало плохо, и его отпра-

вили в реанимацию. Я утром звонил, он в больнице.

— Странное совпадение, — мрачно заметил Гейтлер.

— Возможно. Но он сам говорил мне о своем диабете. А мы выпили около двух бутылок вина. Вернее, пил он. Я думаю, он просто не рассчитал свои силы. Хорошо, что сумел отдать конверт. А уже в салоне самолета ему стало плохо.

— Найдите кого-нибудь из его соседей, и пусть они вам подтвердят эту версию, — предложил Гейтлер.

— Каких соседей? Откуда я знаю, кто с ним летел?

— Пусть ваши люди любым способом найдут одного или двух пассажиров, которые были с ним в одном самолете. Мне не нравятся такие случайности. Я давно перестал в них верить.

— Про диабет он говорил мне сам, — упрямо повторил Дзевоньский. Однако достал аппарат и набрал номер Гельвана. Телефон был отключен. — Спит, наверное, — разозлился Дзевоньский. — С какой-нибудь из своих подруг... Перезвоню ему позже.

Гейтлер поднялся к себе в комнату и бесцельно побродил по ней. Затем неожиданно начал собирать вещи, словно получив какой-

то толчок. Минут через сорок он спустился в комнату с камином.

— Вы нашли Карла? — осведомился он.

— Пока нет. Телефон отключен, — ответил Дзевоньский, — я перезвоню ему еще через несколько минут. Надеюсь, он проснется к тому времени.

Гейтлер нахмурился. В это утро его ничего не радовало.

— А как Курылович?

— Один из моих людей наблюдает за ним. Он в отеле, у него все в порядке. Кажется, ему нравится в Москве. Живет в лучших отелях, ездит за наш счет, ворует у нас деньги...

— И где ваш хирург?

— Уже прилетел. Они мне звонили. Через полчаса он будет у нас. Я думаю, что Абрамова мы сможем отправить сегодня вечером.

— Как странно, что они не выдвинули дополнительных условий, — задумчиво произнес Гейтлер. Он уселся в кресло, наблюдая, как Дзевоньский набирает какой-то номер.

— Где наш гость? — спросил Дзевоньский у своего сотрудника, очевидно имея в виду хирурга.

— Через полчаса будем у вас, — успокоил его тот.

Дзевоньский улыбнулся. Хотя бы здесь у них

все в порядке. А вот на его немецком коллеге, кажется, сказываются годы разочарований, проведенные вдали от родины. Гейтлер пережил такие потрясения! Сначала исчезла с политической карты мира его родина, потом исчез Советский Союз, в который он так верил. И наконец, Гейтлер, потеряв любимую жену, вернулся на родину, где был обвинен во всех смертных грехах и посажен в тюрьму. Понятно, что он стал излишне осторожен. Этого следовало ожидать. Дзевоньский поднял трубку и, глядя на Гейтлера, вновь набрал номер Карла Гельвана, услышал, как прошло соединение, и улыбнулся еще раз.

Пусть Гейтлер послушает его разговор. Сегодня вечером Абрамова увезут, и они смогут считать, что операция завершена. Третьего марта в Таллине они получат деньги, затем выдадут Павла Абрамова. А вечером произойдет тот самый террористический акт, о котором позже напишут все газеты мира. И который войдет в историю спецслужб как пример идеально подготовленной операции.

Наконец Дзевоньский услышал, что ему ответил Гельван.

– Что происходит, Карл? – нервно спросил он, глядя на Гейтлера. – Наш друг сообщил из аэропорта, что тебя там не было. Его встретил наш сотрудник без тебя.

— Я не успел, — коротко ответил Гельван, — ударил машину.

Дзевоньский нахмурился. Он видел, как наблюдает за этой беседой Гельмут Гейтлер. Не нужно давать ему очередного повода для трусливой истерики. Все уже закончено. Можно обойтись даже без Курыловича, которому предстоит выплатить рекламщикам еще двести тысяч. Хотя для гарантии появления президента в нужном месте в нужное время эти деньги придется сегодня отдать. Вот пусть Карл их ему и отвезет.

— Только этого не хватало! — торопливо сказал он, отводя глаза. — Очень плохо. Возьми другую машину или вызови водителя и приезжай к нам. — Он снова улыбнулся, давая понять Гейтлеру, что ничего страшного не произошло. В Москве машины бьются на каждом углу. И пусть Гельван передаст деньги Курыловичу. — Тебе нужно сегодня позвонить моему соотечественнику, — приказным тоном произнес он. — Ты понял, о ком я говорю? О нашем госте.

— Все понял. Когда мне приехать? — спросил Карл. Он отвечал как-то односложно. Неужели все-таки пострадал в аварии? Или просто испугался?

— Прямо сейчас, — приказал Дзевоньский.

И снова посмотрел на Гейтлера. Может, немец иногда все же бывает прав? – Я сегодня тебя не узнаю, – сказал Дзевоньский, обращаясь к своему помощнику, – ты какой-то заторможенный. Ты не пострадал в этой аварии?

– Немного. Ударился головой, – сразу ответил Гельван. У него был какой-то странный голос. Значит, авария все-таки серьезная. Впрочем, это не имеет никакого отношения к их делу. Все решено. Деньги Курыловичу сможет передать и другой сотрудник. Даже Эрика.

– Приезжай немедленно, – велел он Карлу. – Я тебя жду.

И убрал телефон.

– Что еще случилось? – спросил Гейтлер.

– Ничего страшного. Небольшая авария. Поэтому у него с утра был отключен аппарат. Он скоро приедет. Ударили его машину, здесь зимой такое часто случается. Скользкие дороги, их плохо чистят...

– Ясно. – Гейтлер поднялся, взглянул на часы. – Я думаю, будет правильно, если этот хирург меня здесь не увидит. И не забывайте, что он должен сегодня же улететь обратно. Я вызову такси и поеду в город.

– Почему не вашего водителя? – не понял Дзевоньский. – Зачем вам такси?

— Мне так удобно. Сегодня я заберу оставшиеся деньги и проведу генеральную репетицию резервного варианта.

— Вы уже не верите в наш план?

— Верю. Но я должен все проверить сам. У нас появилось слишком много неучтенных составляющих. Слишком много.

Гейтлер снова вышел из комнаты.

Дзевоньский покачал головой. Чем ближе к финалу, тем больше нервничает этот немецкий генерал. И кажется, Дзевоньский начал понимать почему. Гейтлер наверняка уверен, что его уберут, а оставшуюся часть денег присвоят. Поэтому и хочет сегодня сбежать в город. Нет, это глупо. Куда он сбежит, если знает, что его дочь и внуки у них под контролем? Просто перестраховывается. Хочет остаться в живых. Боится, что его уберут. Ведь для всего мира, в том числе и для своих родных, он уже давно мертв. Вот и психует.

Гейтлер спустился вниз через двадцать минут. В руках у него были кейс и сумка.

— Уже собираетесь сбежать? — прямо спросил Дзевоньский.

— Нет. Спасти нашу операцию, — ответил Гейтлер. — И учтите, что вы мой должник, если я сумею завершить эту операцию.

— Мы вместе ее завершим.

— Тот телефон, который вы мне дали на случай вашего исчезновения, будет работать независимо ни от каких обстоятельств?

— Конечно. Мне кажется, вы паникуете. Нам осталось только завершить ваш гениальный план. Сегодня хирург сделает все, что нужно.

— Посмотрим. – Гейтлер вышел из комнаты, не прощаясь. Просто повернулся и вышел.

Дзевоньский зло пожал плечами. Он не обязан заниматься психоанализом каждого неврастеника.

Гейтлер уехал на машине ровно через минуту. А еще через шесть минут приехал хирург, уже готовый приступить к сложной операции. Никто из них даже не предполагал, чем закончится этот первый день весны. Никто, кроме Гейтлера.

А генерал Гейтлер, расположившись на заднем сиденье машины, думал обо всем, что с ними произошло. Ему внушали, что во время проведения операции необходимо обращать внимание на любые мелочи. Его учили, что любая внештатная ситуация должна рассматриваться как угроза проведению всей операции. Это были незыблемые законы, которые он соблюдал всю свою жизнь. Но за последние дни у них произошло несколько серь-

езных сбоев, которые можно было рассматривать как некий структурный провал. Сначала не совсем удачные переговоры в Таллине, потом оперативное вмешательство в Воронеже. И наконец, две чрезвычайные ситуации. Диабетическая кома у поляка, которого послали с конвертом к Курыловичу, и автомобильная авария у Карла Гельвана, который был обязан включить свой сотовый, чтобы дозвониться и сообщить о случившемся. Гейтлер невесело усмехнулся. Дзевоньский может ему не верить. Он обернулся и посмотрел на дачный поселок, уже исчезающий за горизонтом. И подумал, что больше никогда сюда не вернется.

РОССИЯ. МОСКВА
1 марта. Вторник

Они въехали в дачный поселок на пяти автомобилях. За ними двигались еще несколько машин с людьми, которые оцепили весь участок с домом. Охранников сразу обезоружили, те даже не смогли понять, что происходит. Затем спецназ ринулся на штурм здания. Они ворвались в дом с трех сторон, выбивая оконные рамы и двери. В большой просторной комнате на столе лежал под наркозом Павел

Абрамов. Стоящий над ним хирург уже готов был сделать разрез, когда один из ворвавшихся спецназовцев увидел блеснувший в его руке скальпель и тут же выстрелил эскулапу в голову. Эрика успела достать оружие и сделать несколько выстрелов. Она тяжело ранила одного из спецназовцев, и ее застрелили почти мгновенно. Дзевоньский медленно поднял руки. Он с горечью подумал, что Гейтлер был абсолютно прав, когда говорил ему о своих подозрениях. Нужно было поверить в его опыт.

Абрамова сразу увезли в реанимацию. Дзевоньского стерегли несколько офицеров, он был нужен для допросов. Остальных брали в разных местах. Курыловича арестовали в «Национале», эстонцев поручили местным властям, предварительно взломав квартиру одного из них и изъяв переданные им ранее деньги. Казалось, что все завершилось малой кровью.

Члены комиссии поздравляли друг друга, когда Машкову доложили, что привезли Дзевоньского. Машков решил, что допросит задержанного в своем кабинете. Уже выходя из зала, он обернулся и негромко позвал Дронго:

– Вы можете пройти со мной?

Это было признанием исключительных заслуг эксперта. Дронго кивнул и под аплодис-

менты офицеров вышел из зала. В кабинете Машков крепко пожал ему руку. Они сидели за столом, когда в комнату ввели Дзевоньского. Он был в наручниках. Машков поморщился и приказал конвоирам снять с задержанного наручники, а самим выйти из кабинета.

– Вот мы и встретились, – произнес генерал Машков, – я много о вас слышал, пан Дзевоньский.

– Вы не представились, – уставшим голосом заметил тот.

– Я генерал Машков – руководитель специальной группы, созданной для вашего разоблачения и захвата. А это наш эксперт, господин Дронго.

– Дронго, – взглянул на него Дзевоньский. В глазах блеснуло некое подобие интереса. – Так вот почему мы проиграли. Вы были на их стороне.

Дронго промолчал. Ему не хотелось говорить, что Уорд Хеккет остался жив даже после двух покушений.

– Какой наркотик вы вводили Абрамову? – поинтересовался Машков. – Учтите, что мы все равно установим точный состав вашего лекарства. У нас есть ваши ампулы.

– Вот сами и проверяйте, – пожал плечами Дзевоньский. У него осунулось лицо. Про-

вал явно плохо на него подействовал. За это утро он сильно постарел.

– Проверим. Вы понимаете, что вам грозит?

– Ничего не грозит. Мы не успели ничего сделать, разве что похитили вашего журналиста и устроили ему неплохую рекламную кампанию. За такие действия я получу несколько лет. Или меня выдадут моей стране, где меня тоже ждет тюрьма.

– На фирме у Карла Гельвана исчезла одна сотрудница. Это тоже ваша работа?

– Не представляю, о чем вы говорите.

– Вы наняли генерала Гейтлера, чтобы провести террористический акт в отношении главы нашего государства. Надеюсь, этот факт вы не станете отрицать? И учтите, Дзевоньский, у нас есть возможность получить абсолютно точные сведения именно от вас. Вы меня понимаете?

– Знаю, – спокойно ответил тот, – сейчас такая фармакология, что ничего скрыть нельзя. Это раньше инквизиция глупо применяла разные «испанские сапоги» или жгла людей огнем. Сейчас вы легко отключаете сознание и добиваетесь всех нужных ответов. Я не сомневаюсь, что вы так и сделаете. Только перед тем как вы окончательно превратите меня в де-

била, я хочу вам сообщить, что генерал Гельмут Гейтлер, о котором вы упомянули, на самом деле исчез. И боюсь, вам его не найти. Тем более что даже я не знаю, где он в данный момент и что конкретно замышляет.

– Мы и это проверим, – нахмурился Машков.

– Конечно, проверите. Только ничего у вас не выйдет. Я действительно не имею понятия, где он и что собирается делать. Можете допросить меня, хоть поменяв мне всю кровь на ваши лекарства. Большего эффекта от этого не будет. Гейтлер слишком хорошо знает все ваши методы, чтобы хоть кому-нибудь, даже мне, намекнуть о своих планах. Резервный вариант – это его детище, о котором неизвестно никому, кроме него самого.

Машков глянул на Дронго. Оба понимали, что сидевший перед ними Дзевоньский говорит правду.

– Вы планировали покушение? – спросил Машков. – Все последние месяцы ваша группа была занята подготовкой террористического акта. Основной версией?

– Да. Генерал Гейтлер придумал абсолютно идеальное покушение. В нашу задачу входило похищение популярного журналиста. Затем мы разворачивали кампанию по его ре-

кламе, отмечали все лучшие качества его личности и профессиональные достижения. В средствах массовой информации началась настоящая истерия, которую мы искусно подогревали. Тем более что сделать это было несложно. В таких случаях журналисты сами проявляют завидную солидарность. И стараются написать и опубликовать о своем коллеге как можно больше всего положительного. Такой самонарастающий вал. И наконец, мы осторожно отметили, что в подобных ситуациях на Западе поисками журналистов, оказавшихся в заложниках, или по крайней мере встречей их после освобождения всегда занимаются исключительно главы государств. Мы были готовы освободить Павла Абрамова на наших условиях и поэтому провели такую кампанию...

— Нам это известно, — перебил его Машков.

— У нас было все готово. Третьего марта мы собирались получить оставшиеся деньги и выдать вам Абрамова. Где-нибудь в Ростове или во Владикавказе. Может, в Назрани, если бы удалось туда проехать.

— Дальше, — потребовал Машков.

— А дальше все шло бы по плану генерала Гейтлера. С помощью приглашенного хирурга мы собирались имплантировать в конечности

журналиста, а именно – в его ноги, по двести граммов пластида, который должен был взорваться только при подаче условного импульсного сигнала. Гейтлер проводил испытания и рассчитывал все на компьютере. Человеку, который стоял бы в тот момент рядом с прооперированным журналистом, гарантированно оторвало бы ноги, и он получил бы ранения, не совместимые с жизнью. Если бы президент приехал лично встречать освобожденного из заложников журналиста, то был бы обречен.

Машков мрачно взглянул на Дронго.

– Поэтому вы заранее приготовили четыреста граммов пластида?

– Да. Абрамову ежедневно давали психотропные средства, и он был немного не в себе. После вынужденного более чем месячного заточения он все равно передвигался бы с трудом. Никому и в голову не пришло бы проверять его ноги.

– А почему вы были уверены, что встречать освобожденного журналиста приедет сам президент? – поинтересовался Машков.

– Такова традиция во всех странах. В Италии, Франции, Румынии. Никто не станет проверять несчастного журналиста в такой момент. Тем более – на наличие в его ногах пластида. В лучшем случае сотрудники спец-

служб обыщут его одежду. Или поменяют старую одежду на новую. Расчет строился на обычной психологии. Кто будет подозревать несчастного заложника, которого только что освободили? Он истощен, почти ничего не помнит, плохо говорит, с трудом передвигается. Но зато уже обрел ореол героя и мученика благодаря нашим усилиям. Все эти факторы в его пользу. А в момент встречи в аэропорту, когда там было бы полно журналистов, кто-то из наших людей просто подал бы импульсный сигнал.

В решающий момент живая бомба сработала бы. У человека, находящегося рядом, не было бы никаких шансов. План абсолютно гениальный. Следовало только провести нормальную рекламную кампанию в пользу этого журналиста. И можно было считать, что террористический акт в принципе готов. Мы уточнили психотип президента, его психическую стабильность, его готовность к самопожертвованию. Основным атрибутом власти являются представительские функции главы государства. Он обязан появляться в такие сложные моменты перед объективами телекамер. Это одна из самых важных составляющих президентской власти. Работа на популизм, на электорат. И чисто человеческое сочувствие измученному

долгим пленом журналисту. Мы придумали лучшее преступление, какое только возможно. Просчитали все нюансы, все возможные факторы. И нам казалось, что успех почти гарантирован. Но мы не учли одного небольшого момента – возможности появления вашего эксперта, который наверняка сумел прочитать наши сообщения не так, как их читали все остальные. Нам казалось, что вы не допустите к этому расследованию посторонних лиц. Мы были в этом убеждены. К сожалению, вы нас переиграли. Примите мои поздравления, генерал. – Дзевоньский невесело усмехнулся и вздохнул.

– Это означает, что вы отказались от ваших замыслов?

– Конечно, нет. Гейтлер на свободе, и все, что мы замышляли, будет исполнено. Может, немного иначе. И в другой форме. – На этот раз Дзевоньский усмехнулся чуть веселее. – И вообще, генерал, на вашем месте я не стал бы примерять новые погоны. Боюсь, пока вы не найдете Гейтлера, вам следует подумать о нынешних. Вы вполне можете лишиться и их. Даже если считать вашим огромным успехом захват такого противника, как я.

Машков угрюмо посмотрел на Дзевоньского. Он понимал, что все им сказанное – прав-

да. И поиски Гейтлера должны начаться прямо сейчас. Кивнув Дзевоньскому на прощание, он показал ему на дверь. Тот поднялся, сложил руки за спиной и, тяжело ступая, вышел из кабинета. Машков повернулся к Дронго.

— Придется все начинать заново, — невесело предположил он. — А если этот Дзевоньский прав? За свои погоны я не волнуюсь. Но как нам быть? Снова вести поиски с нуля? Не зная, где, с кем, почему, от кого и куда. Наша победа оказалась пирровой.

— Нет, — запротестовал Дронго, — ты же слышал, что он сказал. Если бы мы опоздали всего на несколько часов, все могло закончиться куда более плачевно. После операции Абрамов был бы обречен. А если бы состоялась эта встреча...

— Мы предотвратили самое невероятное покушение в истории терроризма, — Машков посмотрел другу в глаза, — а теперь должны сказать, что ничего не добились.

Дронго промолчал. Оба понимали, какую сложную операцию они завершили. И какой сложной будет задача, вставшая перед ними. Теперь они должны будут остановить самого генерала Гельмута Гейтлера, вычислив его «резервный вариант». А это задача беспримерной сложности и неслыханного мужества. Что мог

придумать этот человек, считающийся гением терроризма? Что замыслил его изощренный и опытный мозг? Где он скрывается, когда и где собирается нанести удар? Они не знали этого. И никто еще не знал.

В кабинет осторожно вошла Нащекина. Глянув на двоих мрачных мужчин, она в недоумении остановилась, не понимая, почему они в таком удрученном настроении.

Впереди была самая важная партия в их жизни. Они даже не представляли, что столкнутся с невероятным предательством. Из трех находящихся в комнате людей один погибнет, второй станет инвалидом. А третий... Но об этом в следующей книге.

Литературно-художественное издание

Чингиз Абдуллаев

ПОКУШЕНИЕ НА ВЛАСТЬ
АТРИБУТ ВЛАСТИ

Зав. редакцией *А. С. Кобринская*
Редакторы *Е. А. Кушнарева, Г. Н. Космачева*
Технический редактор *Т. П. Тимошина*
Корректор *И. Н. Мокина*
Компьютерная верстка *Е. Л. Бондаревой*

ООО «Издательство АСТ»
141100, РФ, Московская обл., г. Щёлково,
ул. Заречная, д. 96

ООО «Издательство Астрель»
129085, Москва, пр-д Ольминского, 3а

Наши электронные адреса: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Читайте трилогию Чингиза Абдуллаева

"ПОКУШЕНИЕ НА ВЛАСТЬ":

СУБЪЕКТ ВЛАСТИ
АТРИБУТ ВЛАСТИ
ОБЪЕКТ ВЛАСТИ

ЧИНГИЗ АБДУЛЛАЕВ ИЛИ РАДОСТЬ ЧТЕНИЯ

С самого детства я с большим интересом читал остросюжетные и приключенческие романы, кроме других книг великой мировой литературы, таких, как Библия, которую я прочитал будучи еще в школе во время Второй мировой войны. Страсть к книгам не покидала меня и в юности, когда я учился в лицее, несмотря на то что в тот период я переживал потери, так как учителя частенько отбирали эти книги (у меня была плохая привычка читать во время уроков), и не только учителя, но и неутомимые стражники, которые руководили организацией U.T.M., всеми силами боролись с "павшей литературой" и с "литературой, убивающей империализм". Работы известных писателей, таких как Эдгар Аллан По, Артур Конан Дойль, Морис Леблан, Гастон Леру, Агата Кристи, Жорж Сименон, Эрл Биджерс, Дашиел Хаммет, Джеймс Чейз заставили меня получить высшее филологическое образование.

Спустя почти половину века я лично переводил подобную литературу и гостил у известных создателей российских остросюжетных романов, таких как братья Аркадий и Георгий Вайнеры или Леонид Словин. Мне представился счастливый случай познакомиться с настоящим волшебником литературного слова из бывшей советской страны, с писателем Чингизом Абдуллаевым, который своим живым артистизмом и особой оригинальностью доказывает, что качественные романы не являются устарелой моделью, наоборот, они притягивают внимание многих читателей, даже самых изысканных и особо воспитанных - саму элиту интеллектуалов.

Несмотря на мировую известность азербайджанского писателя Чингиза Абдуллаева, книги которого были переведены на 18 языков и пользуются успехом в таких странах, как Россия, Франция, Швеция, США, Болгария, Сербия, Латвия, Литва, Турция, Израиль, Норвегия, Грузия, в Румынии его работы публикуются только сейчас и, исходя из этого, необходимо перечислить несколько биографических данных писателя и его произведения.

Чингиз Акифович Абдуллаев родился 7 апреля 1959 года в столице Азербайджанской Республики, городе Баку в семье интеллектуалов. Отец в течение долгих лет был Председателем Президиума Коллегии Адвокатов Азербайджана, а мать - ректором университета. После окончания школы в 1976 году Чингиз Абдуллаев пошел по пути своего отца и поступил на факультет права Бакинского государственного университета. В 1985 году окончил факультет социологии. С 1992 года является доктором юридических наук. В настоящий момент он Секретарь Союза писателей Азербайджана, вице-президент ПЕН-Клуба, сопредседатель Международного литературного фонда.

Его жизнь может послужить фабулой захватывающего автобиографического романа, так как она насыщена необыкновенными историями. Его первый роман захватывающих приключений "Голубые ангелы", опубликованный в 1988 году, хранился в КГБ и был запрещен для печати, так как в нем содержалась чрезвычайно секретная информация. Роман имел колоссальный успех, и был издан последовательно большими тиражами.

Сегодня Чингиз Абдуллаев является великим писателем, которого час-

то сравнивают с Оноре де Бальзаком или Александром Дюма. О нем пишут легенды. Действительно, трудно поверить в то, что в течение многих лет он работает столь плодотворно и многогранно, создав за эти годы впечатляющую эпопею современной жизни из 87 романов и повестей. Среди его книг - политические детективы, криминальные истории, социально-психологические драмы, исторические романы. Его книги изданы более чем в 20 миллионах экземпляров. По некоторым из его романов снимались известные кинокартины для больших экранов и телевидения. Серия книг, названная "Криминальная комедия", посвящена романам и рассказам о Дронго, среди которых числятся: "Охота на человека", "Игры для профессионалов", "В ожидании Апокалипсиса", "Правила логики", "Закон негодяев", "Океан ненависти", "Тень Ирода", "Симфония тьмы", "Три цвета крови", "Зеркало вампиров", "Мудрость палача", "Смерть на холме Монте-Марио", "Взгляд Горгоны". Из цикла романов о секретных агентах и особенно о КГБ особый интерес представляет конечно же "Мрак под Солнцем", так как относится непосредственно к драматическим событиям в нашей стране, произошедшим в декабре 1989 года. Здесь реальность органически смешивается с невероятными по воображению приключениями, важные персонажи во власти, о которых было написано чрезвычайно много в последние годы, действуют солидарно по отношению к фиктивным персонажам. Иногда даже воспроизводятся неизвестные ранее документы, приводятся новые предположения, которые раскрывают тайны румынской революции. Вполне объяснимо и никак не случайно то, что автор подчеркнул в те годы, что публикация данной книги в Румынии и в республике Молдове запрещается.

В большинстве романов Чингиза Абдуллаева главным героем является частный детектив или эксперт, как его часто называли, Дронго, так же как в романах Агаты Кристи - бельгийский детектив Эркюль Пуаро, в романах Жоржа Сименона - комиссар Мегрэ, в романах Раймонда Чандлера - детектив Филипп Марлов. Как и его коллега из других стран, Дронго обладает особым характером и многими достоинствами. Он достаточно проницателен, интеллигентен, умен, наблюдателен, обладает чувством юмора. Будучи известным детективом, он пользуется большим спросом, в том числе им интересуется и новая российская олигархия, и миллиардеры переходного периода. Известному персонажу, созданному рассказчиком Чингизом Абдуллаевым, Дронго помогает латыш Эдгар Вейдеманис, так, как у Конан Дойла - Шерлок Холмс полагался на помощь доктора Ватсона.

Иногда Дронго обращается и к частному детективу Кружкову. Но ни Вейдеманис, ни Кружков не вносят особый вклад в разрешение трудных случаев, они в какой-то мере выполняют роль капитана Хастинга, истинного Санчо Панса из романов Агаты Кристи о Пуаро.

Истории, написанные Абдуллаевым, правдоподобны с социально-политической и психологической точки зрения, а персонажи являются современными людьми, которые в большинстве случаев ведут себя непринужденно и раскованно, настолько, что мы начинаем с интересом следить за их поведением. Автор уделяет особое внимание психической и социальной стороне преступления, но при этом не недооценивает сложность непредвиденных случаев и хорошо задуманных интриг, основанных на ряде загадок, которые разгадываются только лишь в конце романа.

Романы, в которые вплетаются загадки и предположения, еще больше

интригуют, при этом основываясь на расследованиях, где логические выводы являются основным ключом к разгадке. Дронго на самом деле второе "я" автора, он умеет слушать своих собеседников, понимать их, чувствовать их состояние. При этом автор не основывается только на проблемах преступления, но отражает и моральное состояние общества. Вместе с Дронго каждый персонаж непосредственно участвует в создании всей картины своей собственной правдивой или не совсем правдивой историей, которая раскрывается в самом конце, но это придает завораживающий характер повествованию. Способность главного героя вести себя непринужденно в любом обществе, разрешать с уверенностью и обычно с чувством юмора самые сложные случаи убийства, кражи или ограбления достойно ставят Дронго рядом с галереей известных детективов, таких как Август Дюпон, Шерлок Холмс, комиссар Мегрэ, Эркюль Пуаро.

Романы о Дронго являются блестящей моделью новых романов, охарактеризованные захватывающими историями из жизни, основанные на реальных документах и действиях кипящей российской и постсоветской реальности. Романы Чингиза Абдуллаева отличаются особенно глубоким психологическим анализом и сложностью морального размышления, кратким, точным и курсивным стилем. После завершения чтения любого романа Чингиза Абдуллаева, читатель настолько заинтригован, что желает прочитать очередной роман данного автора. Чтение любой книги Чингиза Абдуллаева доставляет удовольствие, которое еще может доставить книга в начале XXI века. Несомненно, данная книга займет важное место в серии бестселлеров известных современных писателей, таких как Жорж Вилье, Джон Ла Каре, Умберто Эко.

Добро пожаловать в Румынию, уважаемый Чингиз Абдуллаев!

Профессор Думитру Бэлан, Бухарест
Переводчик книг автора на румынский язык

Чингиз Абдуллаев
Родился 7 апреля 1959 года в Баку.
Секретарь Союза писателей. Вице-президент ПЕН-клуба. Доктор юридических наук.
Книги писателя переведены на семнадцать языков и изданы в странах СНГ и Прибалтики, а также в США, Франции, Швеции, Норвегии, Турции, Болгарии, Израиле, Румынии, общим тиражом более 20 млн экземпляров. Американская «Крисчен сайенс монитор» назвала его одним из лучших авторов современности в жанре политического детектива.

Покушение на Президента России НЕ УДАЛОСЬ. Но специального агента Дронго, сумевшего предотвратить его буквально в ПОСЛЕДНИЙ МОМЕНТ, отстраняют от дела отечественные спецслужбы. ПОЧЕМУ?

Официальная версия – без его участия будет проще взять гениального террориста, разработавшего план покушения. Но ТАК ЛИ ЭТО в действительности? Дронго УВЕРЕН – его попросту пытаются УСТРАНИТЬ те, кому выгодно, чтобы СЛЕДУЮЩАЯ попытка убить Президента оказалась УДАЧНОЙ. Кто они? Как их остановить?

ISBN 978-5-17-050614-9
9 785170 506149